

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 3 2025

**CULTURE AND ANTHROPOLOGY
RESEARCH JOURNAL**

Редакционная коллегия

Тихомирова Е. Е. – главный редактор, канд. культурологии, доц., заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии (Новосибирск, Россия);

Чапля Т. В. – зам. главного редактора, д-р культурологии, доц., канд. социол. наук (Новосибирск, Россия);

Донских О. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Ивонин Ю. П. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Лойко О. Т. – д-р социол. наук, проф. (Томск, Россия);

Паршукова Г. Б. – д-р культурологии, проф., ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Подалко П. Э. – д-р лингвокультурологии, проф. (Токио, Япония);

Полякова Е. А. – д-р ист. наук, канд. культурологии, доц., проректор Алтайского государственного института культуры, Президент клуба ЮНЕСКО «Культурное наследие Алтая», член Императорского православного Палестинского общества (Барнаул, Россия);

Видеркер В. В. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Сторожева С. П. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Харламов А. В. – канд. филос. наук, доц. (Новосибирск, Россия);

Ма Сюлин – доц., заведующий кафедрой вторых иностранных языков, Институт иностранных языков Биньчжоуского университета (Биньчжоу, Китай)

Editorial Board

E. E. Tikhomirova – Chief Editor, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology (Novosibirsk, Russia);

T. V. Chaplya – Assistant of Editor-in-Chief, Doctor of Culturology, Candidate of Sociological Sciences (Novosibirsk, Russia);

O. A. Donskikh – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Yu. P. Ivonin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

O. T. Loiko – Doctor of Sociological Sciences, Professor (Tomsk, Russia);

G. B. Parshukova – Doctor of Culturology, Professor, Leading Researcher of the State Public Scientific Technical Library of the SB RAS (Novosibirsk, Russia);

P. E. Podalko – Doctor of Cultural Linguistics, Professor (Tokyo, Japan);

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Культурно-антропологические исследования» / Culture and Anthropology Research Journal зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-83177 от 12 мая 2022 г.

E. A. Polyakova – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, vice-rector of the Altai State Institute of Culture, President of the UNESCO Club “Cultural Heritage of Altai”, member of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Barnaul, Russia);

V. V. Viderker – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

S. P. Storozheva – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

A. V. Kharlamov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Ma Xiuling – Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of Binzhou University (Binzhou, China)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical University, 2025
All rights reserved

The journal “Culture and Anthropology Research Journal” is registered by Federal service on supervision in sphere of communication, information technologies and mass communications PI № FC 77-83177 from May, 12th, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Бородовский А. П., Корчагин А. П.** Промышленная археология XVIII–XIX столетий в истории и культуре на территории Новосибирской области.....8

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Тихомирова Е. Е., Сыроечковский В. А.** Синтоизм в современной визуальной культуре25
Чапля Т. В., Ванеев В. А. Методологические подходы к изучению архитектурного пространства в философии и науке.....40

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM

- Магсар Ц., Хишигдулам Н., Мунхдаваа Н., Оюунбат Ц., Везнер С. И., Рязанов В. А., Изгарская А. А.** Слово Пушкина: смысл и судьба. Часть 1. Наследие русского гения в современной Монголии.....55
Везнер С. И., Рязанов В. А., Магсар Ц., Хишигдулам Н., Чернобров А. А., Ушаков Д. В., Изгарская А. А. Слово Пушкина: смысл и судьба. Часть 2. Наследие гения в современной России78

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность: 4 раза в год

Редактор О. А. Разумова

Электронная верстка А. Л. Заковряшин

Адрес редакции: 630126, г. Новосибирск,
ул. Вилюйская, 28, к. 319, т. (383) 244-19-92

Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 8,3. Уч.-изд. л. 7,2.

Тираж 500 экз.

Заказ № 104.

Формат 70×100/16.

Цена свободная

Дата выхода в свет 14.10.2025

Отпечатано в Издательстве НГПУ

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

PART I. CULTURAL HISTORY

Borodovsky A. P., Korchagin A. P. Industrial archeology of the XVIII–XIX centuries in history and culture in the Novosibirsk region.....	8
---	---

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Tikhomirova E. E., Syroechkovskii V. A. Shintoism in contemporary visual culture.....	25
Chaplya T. V., Vaneev V. A. Methodological approaches to the study of architectural space in philosophy and science.....	40

PART III. AD MEMORIAM

Magsar Ts., Khishigdulam N., Munkhdavaa N., Oyunbat T., Vezner S. I., Ryazanov V. A., Izgarskaya A. A. Pushkin's word: meaning and destiny. Part 1. The legacy of russian genius in modern Mongolia	55
Vezner S. I., Ryazanov V. A., Magsar Ts., Hishigdulam N., Chernobrov A. A., Ushakov D. V., Izgarskaya A. A. Pushkin's word: meaning and destiny. Part 2. The legacy of genius in contemporary Russia	78

The journal is based in 2009

Periodicity: 4 times a year

Editor O. A. Razumova

Electronic make-up operator A. L. Zakovryashin

Editors address: 630126, Novosibirsk,

Vilyuiskaya, 28, r. 319, t. (383) 244-19-92

Editors publisher and printing house:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,

t. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper

Printer's sheets: 8,3. Publisher's sheets: 7,2.

Circulation 500 issues

Order № 104.

Format 70×100/16

Release date 14.10.2025

Printed by Publishing House of the NSPU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

Журнал «Культурно-антропологические исследования» основан в 2009 году как научное периодическое издание. Журнал выступает открытой и независимой трибуной для отражения современных интегративных тенденций в гуманитарных науках. Этот вектор развития гуманистики особенно востребован и значим в современный период как необходимость поиска стратегических ориентиров жизни человеческого общества. Сквозной для данной тенденции является культурно-антропологическая тематика, посвященная человеку в его культурной ипостаси: человек как культурное существо. Культура здесь выступает специфически человеческим, т. е. связанным со смыслообразованием, инструментом выживания человека и человечества. Этот предмет имеет ряд граней – от философской постановки вопроса до конкретных и практических исследований современных гуманитарных наук: культурологии, истории, археологии, филологии, музеологии. В нашем журнале как раз предлагается вариант такого обобщенного видения. Для его получения целесообразно увязать между собой многочисленные, более частные, представления, которые бы взаимно корректировали друг друга. А с этой целью важно привлечь знание не только культурологическое. Следует посмотреть на культуру также извне. С одной стороны, это будет подход с позиции философии (и философии как таковой, и отдельных философских наук, в частности, философской антропологии и натурфилософии). С другой стороны, это будет подход с позиции естественно-научной.

Нашиими партнерами являются российские авторы, что способствует активному обмену достижениями в сфере гуманитарных наук, а также – поддержанию и развитию единого научного пространства России и стран СНГ, консолидации усилий ученых и специалистов для решения актуальных научно-практических и образовательных проблем, представляемых исследователями Сибирского федерального округа, а также представителями других регионов России и международного сообщества.

Журнал адресован исследователям, преподавателям высший учебных заведений, аспирантам, специалистам в сфере философии, культурологии, истории, которые интересуются новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований. Приглашая к сотрудничеству, редакционная коллегия журнала «Культурно-антропологические исследования» рассчитывает на то, что авторы журнала будут стремиться к постижению современных глубинных и противоречивых основ процессов в области культуры.

Мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по смежным гуманитарным проблемам.

Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (Москва, Россия).

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

FROM THE EDITORIAL BOARD

The “Culture and anthropology research journal” was founded in 2009 as a scientific periodical. The journal acts as an open and independent tribune to reflect modern integrative trends in the humanities. This vector of humanities development is especially demanded and significant in the modern period as the need to find strategic guidelines for the life of human society. Cross-cutting for this trend is the cultural-anthropological theme devoted to man in his cultural hypostasis, man as a cultural being. Culture here acts as a specifically human, i.e. related to meaning-making, instrument of survival of man and mankind. This subject has a number of facets – from philosophical formulation of the question to concrete and practical studies of modern humanities: culturology, history, archaeology, philology, museology. Our journal offers a variant of such a generalized vision. In order to obtain it, it is advisable to link the numerous, more particular views, which would mutually correct each other. To this end, it is important to attract knowledge that is not only cultural. It is necessary to look at culture from the outside as well. On the one hand, this will be an approach from the position of philosophy (both philosophy as such and individual philosophical sciences, in particular, philosophical anthropology and natural philosophy). On the other hand, it will be an approach from the position of natural sciences.

Our partners are Russian authors, which contributes to the active exchange of achievements in the field of humanities, as well as to the maintenance and development of a common scientific space of Russia and CIS countries, consolidation of efforts of scientists and specialists to solve urgent scientific, practical and educational problems, represented by researchers of the Siberian Federal District, as well as representatives of other regions of Russia and the international community.

The journal is addressed to researchers, teachers of higher educational institutions, graduate students, specialists in philosophy, cultural studies, history, who are interested in the latest results of fundamental and applied research. Inviting to co-operation, the editorial board of the “Culture and anthropology research journal” counts on the fact that the authors of the journal will strive to comprehend the modern deep and contradictory foundations of processes in the field of culture.

We are waiting for your articles revealing, generalizing the results of research on related humanitarian problems.

The editorial policy of the journal is based on traditional ethical principles of Russian scientific periodicals and supports the Code of Ethics of Scientific Publications formulated by the Committee on Ethics of Scientific Publications (Moscow, Russia).

We invite you to participate in the work of our journal.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 3

Culture and anthropology research journal. 2025. № 3

Научная статья

УДК 902/904

Промышленная археология XVIII–XIX столетий в истории и культуре на территории Новосибирской области

Бородовский Андрей Павлович¹, Корчагин Александр Павлович²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Центр креативных индустрий, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена обзору объектов промышленного освоения русскими территории севера Верхнего Приобья в пределах Новосибирской области во второй половине XVIII – начале XIX столетия. Приведены сведения о результатах археологических работ на месте Сузунского медеплавильного завода. Освещен вопрос музеификации промышленного наследия Новосибирской области. Введено в оборот понятие «промышленная археология» применительно ко всей территории Верхнего Приобья. Среди археологических объектов промышленной археологии упомянуты горнозаводские комплексы, рудные выработки, места углежогного промысла. Особое внимание обращено на выявление и обобщение предметного комплекса, связанного с технологиями и традициями горнозаводского ведомства. Среди этих артефактов: конструкции и детали различных производственных и гидрологических сооружений, сибирская нумизматика и отходы ее производства, чугунное литье, активно использовавшееся в производственной и ритуальной сфере конца XVIII – начала XIX столетия. В формате промышленной археологии произведена оценка отражения принадлежности к горнозаводскому ведомству материалов картографии и декоративной отделки служебных мундиров. Исторический анализ археологических материалов позволил установить периодичность и дискретность промышленного развития Верхнеобского региона.

Ключевые слова: промышленная археология; Новосибирская область; предметный комплекс; Колывано-Воскресенские заводы; Сузунский медеплавильный завод; музеификация

Для цитирований: Бородовский А. П., Корчагин А. П. Промышленная археология XVIII – XIX столетий в истории и культуре на территории Новосибирской области // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 8–24.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2025-0004 «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков».

Благодарности. Авторы благодарны автору археологических работ на Нижне-Сузунском медеплавильном заводе А. В. Шаповалову за предоставленную возможность использовать материалы его работ¹ в данной статье.

Scientific article

Industrial Archeology of the XVIII-XIX Centuries in History and Culture in the Novosibirsk Region

Andrey P. Borodovsky¹, Aleksandr P. Korchagin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

²Creative industries center, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to a review of the objects of industrial development by Russians of the territory of the north of the Upper Ob region within the Novosibirsk region in the second half of the XVIII – early XIX centuries. Information on the results of archaeological work at the site of the Suzun copper smelter is provided. The issue of museification of the industrial heritage of the Novosibirsk region is highlighted. The concept of “industrial archeology” has been introduced in relation to the entire territory of the Upper Ob region. Mining complexes, ore workings, and coal mining sites are mentioned among the archaeological sites of industrial archeology. Special attention is paid to the identification and generalization of the subject complex related to the technologies and traditions of the mining department. Among these artifacts: structures and details of various industrial and hydrological structures, Siberian numismatics and its production waste, cast iron, actively used in the production and ritual sphere of the late XVIII – early XIX centuries. In the format of industrial archaeology, an assessment was made of the reflection of cartography materials and decorative decoration of service uniforms belonging to the mining department. The historical analysis of archaeological materials allowed us to establish the periodicity and discreteness of the industrial development of the Verkhneobsky region.

Keywords: industrial archaeology; Novosibirsk region; the subject complex; Kolyvan-Voskresensk plants; Suzun copper smelter; museumification

For citation: Borodovsky A. P., Korchagin A. P. Industrial archeology of the XVIII-XIX centuries in history and culture in the Novosibirsk region. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 8–24.

Funding. This study was supported by state research project FWZG-2025-0004 of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, “The Formation of Original Features of Russian Civilization and the Establishment of an Empire Based on Research on Siberian Monuments of the 16th–20th Centuries.”

Acknowledgments. The authors are grateful to A. V. Shapovalov, the author of the archaeological work at the Nizhne-Suzunsky copper smelter, for the opportunity to use his work in this article.

¹ Отчет об археологических исследованиях Нижне-Сузунского медеплавильного завода не был представлен в Отдел полевых исследований Института археологии РАН.

Введение. Активное освоение территории Верхнего Приобья на протяжении всего XVIII столетия [1, с. 701–703] включало формирование здесь достаточно развитой для своего времени индустриальной инфраструктуры, в настоящее время представленной промышленной (индустриальной) археологией.

Предтечей промышленного освоения севера Верхнего Приобья стали поиски руды в окрестностях будущего Умревинского острога в конце XVII в. На территории Сибири эта практика XVII столетия получила отражение в указании «пришед к руде...острог поставить» [2]. Хотя для севера Верхнего Приобья такой опыт сочетания осторожного строительства и рудознатства на рубеже XVII–XVIII вв. оказался не совсем удачным, тем не менее, впоследствии по берегам рек Бердь и Иня удалось обнаружить целую группу рудных приисков XVIII столетия [3; 4; 5; 6].

По данным полевого отчета 1951 г. инженера-геолога Т. П. Мизеровой, на территории Маслянинского и бывшего Легостаевского районов Новосибирской области локализуется целый ряд точек рудопроявлений и старых приисков. Среди них: Слатинский прииск, а также свалы кварца неподалеку (разведывался в 1787 г.), Деминский прииск № 1 (Гуляевский прииск № 2) (разведывался в 1791 г.), Деминский прииск № 2 (Горянской по архивной карте, использованной Мизеровой) (разведывался в 1791 г.), Деминский прииск № 3 (разведывался в 1791 г.), точка оруденения у с. Барышево, Светляковский (Гуляевский рудник) (разведывался в 1814 г.), Смирновский прииск № 2 (разведывался в 1814 г.), старые шурфы на р. Укроп (приток р. Чем), Мешковский прииск № 1 (разведывался в 1814 г.), Плещкоский прииск (разведывался в 1815–1816 гг.), Горянсковский прииск № 5 (разведывался в 1814 г.), точка в 3 км от устья в. Талицы, Смирновский прииск № 4 (разведывался в 1814 г.), Соловьевско-Архиповский прииск (разведывался в 1814 г.), точка на левом берегу р. Берди, в 4,5 км выше д. Старососедовой, Горянсковский прииск № 1 (разведывался в 1826 г.), Горянсковское месторождение № 2 (разведывалось в 1814 г.), Мешковский прииск № 2 (разведывался в 1814 г.).

Не менее перспективны археологические исследования золоторудного промысла в Присалаирье на территории Новосибирской области. В Российской империи добыча россыпного золота ведется здесь с 1830 года [7, с. 374, 377, 387]. К началу XX века на р. Суенга (Маслянинский район Новосибирской области) было выявлено 12 месторождений золота [8, с. 4–8, 12, 60, 62]. В целом Салаирский кряж представляет собой крупную золоторудную-россыпную провинцию [9], которая, будучи горным понижением, помогает логам удерживать россыпи золота. Они представляют собой пласти – механические скопления зерен золота, образованные водою в желобах рек. Вместилищем золотых россыпей в этих логах являются ручьи. Река Суенга по характеру своего течения паводковая, в основном связанная с таянием снегов. Ее берега сложены светло-серыми глинистыми метаморфизованными известняками. Обломочный материал от вулканических прочных горных пород относится к золотосодержащим аллювиальным отложениям. Они откладывают на отмелях реки, осо-

бенно после весеннего половодья. Во время паводковых явлений и половодья они ежегодно снова обогащаются содержащим золото песком.

При традиционном способе золотодобычи ценный рассыпной металл гораздо проще обнаружить зимой в чистой, прозрачной воде, чем летом. Не менее важно и то, что глубокие перспективные для поиска места добычи золотых россыпей зимой становятся еще мельче и доступнее для изъятия крупиц драгоценного металла при промывке. В Российской империи зимняя добыча рассыпного золота на р. Суенге в районе с. Егорьевского (Маслянинский район Новосибирской области) началась 12 ноября 1830 г. и продолжалась на протяжении всей второй половины XIX столетия [10, с. 274, 279].

В начале XVIII века объектами активной производственной и экономической деятельности на территории будущей Новосибирской области являлись водяные и ветряные мельницы. К середине XVIII столетия в этом регионе стали активно формироваться условия для появления первых промышленных предприятий.

К объектам материального наследия, представленного в настоящее время промышленной археологией, относятся производственный культурный слой, различные руины заводских конструкций и заводских оборонительных сооружений, места промысла древесного угля, рудные копи, шурфы (рис. 1), пути сообщения производственной логистики, а также элементы погребальной обрядности из отдельных захоронений, связанные с горнозаводской традицией XVIII–XIX вв.

Рис. 1. Следы рудного промысла на р. Берди XVIII–XIX вв.

Длительность существования различных производственных объектов этой исторической эпохи и активное вовлечение широких слоев местного населения в обеспечение и обслуживание горнозаводской индустрии позволяют

рассматривать связанные с этими процессами археологические материалы и письменные данные в качестве одного из современных специализированных направлений археологических исследований.

Материалы и методы. Одним из ключевых объектов промышленной археологии в Новосибирском Приобье является Нижне-Сузунский медеплавильный завод, который включал в себя Сузунский монетный двор [11; 12]. Этот производственный комплекс возник во второй половине XVIII века (рис. 2) и просуществовал до начала XX столетия. В то время данная территория относилась к Алтайскому горному округу, а завод являлся частью алтайских Колывано-Воскресенских заводов.

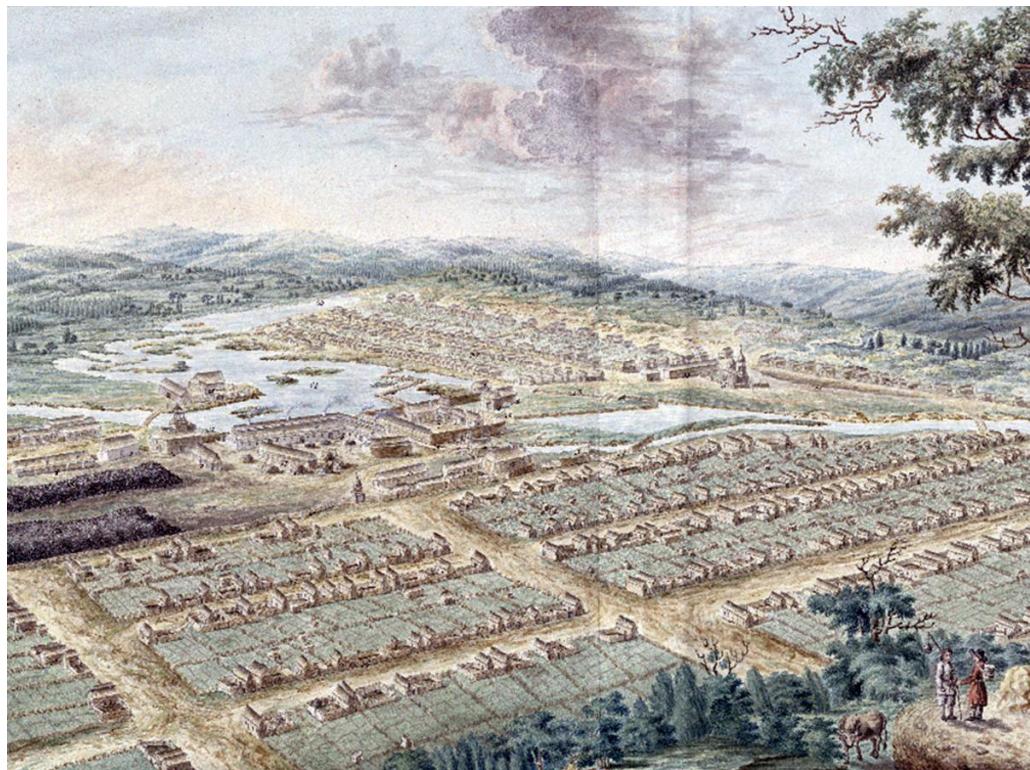

Рис. 2. Нижне-Сузунский медеплавильный завод (акварель П. К. Фролова, 1801 г.).

Первые археологические исследования Сузунского монетного двора были проведены С. В. Колонцовым только в начале XXI в. Спустя десять лет, в 2010, 2011 и 2012 г., работы с целью выявления объекта археологического наследия были продолжены кандидатом исторических наук А. В. Шаповаловым [13; 14]. Во время этих исследований была обнаружена крепостная стена завода за-плотного типа и следы ее починки. Кроме того, были выяснены конструкции инженерных сооружений: тела плотины заводского пруда и капитального ларя (устройства, разводящего воду по производственным помещениям). В культурном слое найдено большое количество медных заготовок, монет и вырубок,

а также другие предметы медного производства. Обнаружено около 300 артефактов, относящихся к производственным процессам. В состав коллекции входило: 129 медных заготовок для монет, 78 медных вырубок для монет, 1 монета 5 коп. 1784 г., 1 оттиск монеты 1822 г., 1 часть вырубки для монет, 1 оттиск части монеты, 1 медная отливка, 19 кованых железных гвоздей, 18 фрагментов бронзового литья, 6 фрагментов медного литья, 3 железных шила, 4 бронзовых пластины, 1 бронзовая пластина с орнаментом в виде рядов параллельных мелких насечек, 1 фрагмент бронзовой пластины, 1 медная пластина, 1 медная пластина (фрагмент изделия), 1 слиток чугуна, 1 медный слиток, 1 капля меди, 1 железная деталь (петля), 1 фрагмент кирпича со следами бронзы, 1 железный топор-колун, 1 бронзовая пряжка для конской упряжи, 12 «изделий из бронзы» (бронзовых изделий), 7 фрагментов изделий из бронзы, фрагменты инженерных сооружений (капитального ларя), производственный шлак. Частично эти предметы выставлены в постоянной экспозиции Новосибирского краеведческого музея и его филиала в р. п. Сузун.

Среди случайных находок, относящихся к предметному комплексу промышленной археологии, следует обратить внимание на так называемые угольные печатки (жетоны) (рис. 3).

Рис. 3. Угольная печатка (жетон) Нижне-Сузунского медеплавильного завода (конец XVIII – начало XIX в., фонды Новосибирского государственного краеведческого музея)

Они были знаками учета труда рабочих, задействованных на перевозке угля (углевозчиков) для Сузунского медеплавильного завода и монетного двора [15]. В музейной экспозиции представлено небольшое количество (21 экземпляр) таких предметов [16]. Изготовление таких жетонов было индивидуальным для каждого из заводов горного ведомства Российской империи. Чеканка этих изделий осуществлялась на Сузунском монетном дворе, однако чеканов для

производства жетонов пока не выявлено. Из такой монетной оснастки в Барнаульском краеведческом музее хранится несколько чеканов монет, что является одним из важнейших компонентов предметного комплекса промышленной археологии на территории Новосибирской области.

Другим перспективным направлением промышленной археологии является изучение артефактов и локализация площадок для выжигания древесного угля как основного топлива для промышленного производства XVIII–XIX вв., перспективны археологические исследования по выявлению, картографированию и раскопкам ям от этого промысла. Такие работы возможны как в окрестностях Нижне-Сузунского завода, так и на других территориях, где проводилась заготовка древесины и ее выжигание без доступа воздуха.

Для сооружения технических конструкций Нижне-Сузунского завода активно использовался кирпич. Кустарное производство этого массового строительного материала археологически зафиксировано при исследовании печной трубы административного сооружения первой четверти XVIII в., расположенного в центре Умревинского острога. По мере появления масштабных промышленных объектов возникла потребность в более значительных объемах производства этого строительного материала. В «техническое» оснащение сибирских производственных площадок для выделки кирпича XVIII столетия входили рогожи, ведра, станки, скамьи, застулы, лопаты, топоры и чаны. Часть из этих предметов уже обнаружена в ходе раскопок на Умревинском остроге. Размеры умревинских кирпичей составляли $25 \times 12 \times 6$ см.

Большое значение для исследований по промышленной археологии имеет акварельный план (профиль и проспект) плавильной фабрики конструкций Нижне-Сузунского завода 1798 г. Для сооружения печей и других производственных сооружений завода требовался массовый и стандартизованный выпуск кирпичей, места производства которого еще предстоит локализовать. Размер сузунского кирпича составлял $30 \times 15 \times 6$ см. Такой стандарт достаточно любопытен, поскольку для первой половины XVIII – начала XIX столетия было характерно значительное разнообразие размеров: $24\text{--}26,5$ (иногда до 28) $\times 11\text{--}13 \times 4,5\text{--}6,5$ см; $24 \times 12 \times 5$ см; $25\text{--}28 \times 11\text{--}13 \times 6\text{--}8$ см. Однако параметры сузунских кирпичей явно близки к стандарту, введенному еще указом Петра I: $28 \times 14 \times 7$ см, хотя для конца XVIII – начала XIX в. характерна их габаритная нестабильность $25\text{--}28 \times 11\text{--}13 \times 6\text{--}8$ см.

В дополнение к изучению керамических материалов (кирпичей) еще заслуживает внимания производство извести как основы строительного и побелочного раствора. Содержимое одной из ям для выжигания извести сохранилось в береговой кромке р. Оби около Умревинского острога.

Кроме археологического изучения самих производственных комплексов и связанных с ними артефактов в формате промышленной археологии, перспективным представляется выявление в погребальной практике сооружений и их деталей, связанных с традициями горнозаводского ведомства конца XVIII – начала XIX в. Такие изыскания наиболее результативны на некрополях острогов Новосибирского Приобья, подчиненных горнозаводскому ведомству Колыван-

но-Воскресенских заводов. К этим предметам относятся детали погребальных конструкций – чугунные надмогильные плиты, выявленные на кладбищах Чаусского острога и Нижне-Сузунского медеплавильного завода. Производство таких погребальных плит из чугуна было развернуто на Уральских заводах еще во второй половине XVIII столетия. В этот период плиты представляли собой вытянутый прямоугольник, покрытый рельефным текстом в несколько строк об умершем с указанием срока жизни и его служебного статуса.

Плиты с Чаусского острога (рис. 4) и Нижне-Сузунского медеплавильного завода (рис. 5) изготовлены в начале XIX столетия и отличаются друг от друга своими размерами.

Рис. 4. Фрагмент металлической надмогильной плиты
служащего Колывано-Воскресенских заводов (Чаусский
острог, экспозиция Колыванского краеведческого музея)

Рис. 5. Чугунная плита с Нижне-Сузунского медеплавильного завода (Сузун, фонды краеведческого музея)

Если плита из Чаусского острога практически полностью соответствует размерам могильной ямы ($137 \times 70 \times 63$ см), по стандартам еще середины XVIII в., то другое изделие из Нижне-Сузунского медеплавильного завода имеет значительно меньшие размеры ($35 \times 26 \times 1,7$ см). Оно больше соответствует надмогильной табличке, а не погребальной плите. В целом в отношении этих специфических атрибутов погребальной обрядности следует еще заметить, что технологически эти изделия явно близки к чугунным плитам для покрытия полов в цехах с горячей обработкой металла заводских помещений горного ведомства второй половины XVIII – начала XIX в. Указанная особенность позволяет рассматривать эти артефакты в контексте отражения специфики промышленной археологии в погребальной обрядности. В рамках такого формата находятся и атрибуты форменной одежды горнозаводского ведомства (металлическое шитье), выявленной среди материалов некрополя, сформировавшегося на месте Умревинского острога.

По данным письменных и картографических источников известны факты посещения некоторых верхнеобских острогов и их окрестностей горными специалистами в XVIII – начале XIX в. В частности, унтер-шихт-мейстером Сургуновым в 1829 г. был составлен геометрический специальный план Ояшинской

волости с Умревинским острогом и посельем. Этот факт лишний раз подчеркивает актуальность привлечения материалов местной картографии XVIII–XIX столетий как источников для промышленной археологии Верхнего Приобья.

Обсуждение. В настоящее время в ряде стран мира промышленная археология уже заняла свое заметное место. В силу достаточного количества объектов и зарождающегося интереса это специализированное направление археологии становится все более значимым и на территории Верхнего Приобья, включая территорию Новосибирской области. Одним из ярких примеров такой тенденции являются археологические работы на Сузунском медеплавильном заводе, проводившиеся с 2010 по 2012 г. В последующем результаты этих исследований стимулировали целую серию мероприятий охранного и музейно-восстановительного характера. В связи с необходимостью сохранения и государственной охраны объектов культурного наследия (которым является и достопримечательное место бывшего завода) была разработана долгосрочная целевая программа по созданию музеино-туристического комплекса «Завод-Сузун. Монетный двор», реализованная с 2012 по 2016 гг. Эта программа также была необходима для популяризации регионального культурно-исторического наследия и развития туристической отрасли Сузунского района и Новосибирской области в целом.

Одним из центральных объектов частичного восстановления производственных сооружений Нижне-Сузунского медеплавильного завода стало сохранившееся здание толчельни. Соответственно, оно являлось единственным объектом промышленной архитектуры Новосибирской области XVIII–XIX вв. [17]. К началу XXI в. это здание находилось в плачевном состоянии. Сооружение было руинировано, окна и двери были утрачены, конструкции пола, кровля и декоративные элементы сохранились только частично. Остатки этого производственного сооружения основательно поросли травой и кустарником и были замусорены. В рамках указанной программы по сохранению исторического промышленного наследия началась музеефикация цеха плавильной фабрики. Важной частью этих комплексных работ явилось изучение письменных источников, хранящихся в архивах Новосибирска, Барнаула и Санкт-Петербурга. Благодаря обнаруженным документам специалистам удалось восстановить первоначальный исторический облик цеха. Сохранившееся здание было разобрано и сконструировано заново, а оригинальный кирпич распилен и отшлифован, после чего он был использован как облицовочный (с воссозданием исторического вида объекта). В ходе таких реставрационно-восстановительных работ были сохранены основные декоративные элементы постройки XVIII–XIX столетия. Кроме того, внутри здания была реконструирована в натуральную величину одна из печей завода – шплейзофон, а также набор инструментов для работы с этой печью. Впоследствии в восстановленном здании толчельни (рис. 6) был создан музей «Медеплавильный завод» – филиал Новосибирского областного краеведческого музея.

Рис. 6. Реконструированная толчельня Нижне-Сузунского медеплавильного завода

Экспозиция этого музея включает оригинальные предметы, производившиеся на заводе (в том числе, и из других металлов, например, чугуна). Существенной частью музейной экспозиции стал макет поселения Нижне-Сузунского медеплавильного завода и макет «толчеи для сору», в которой перемалывали известняк.

В 2016 г. на территории музейного комплекса открылся музей «Монетный двор». Он расположен на территории исторического монетного двора, однако оригинальное здание после пожара в 1847 году не сохранилось. Воссозданное музейное здание по причине уже существующей застройки расположено несколько иным образом и в целом мало отображает исторические реалии Сузунского монетного двора. На первом этаже этого современного музейного корпуса представлены макеты станков, демонстрирующих последовательные этапы чеканки монет. На втором этаже экспонируются монеты, производимые в годы от правления Петра I до правления Николая II, а также купюры и угольные жетоны.

Музеефикации подверглось и еще одно уцелевшее здание, относящееся к медеплавильному заводу – дом-контора управляющего. Этот дом претерпел несколько изменений. В частности, в середине XX в. он был обширен рейкой. В конце 1980-х гг. к одной из его сторон была сделана пристройка, а печи демонтированы. После чего, в 1989 г., в доме был организован краеведческий музей Сузунского района. Он долгое время экспонировал палеонтологические, зоологические и археологические находки, совершенные на территории района, а также предметы быта горнозаводских крестьян. В 2014 г. здание вошло в состав музейно-туристического комплекса, в связи с чем его экспозиция

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. CULTURAL HISTORY

поменялась и теперь воссоздает быт управляющих заводом. В 2019–2021 гг. здание в очередной раз находилось на реконструкции, в результате чего его внешний вид довольно сильно преобразился.

Однако в целом современный музеевицированный участок явно не соответствует не только историческим границам Сузунского медеплавильного завода (рис. 7), но и распространению культурного слоя XVIII–XIX вв. этого исторического поселения.

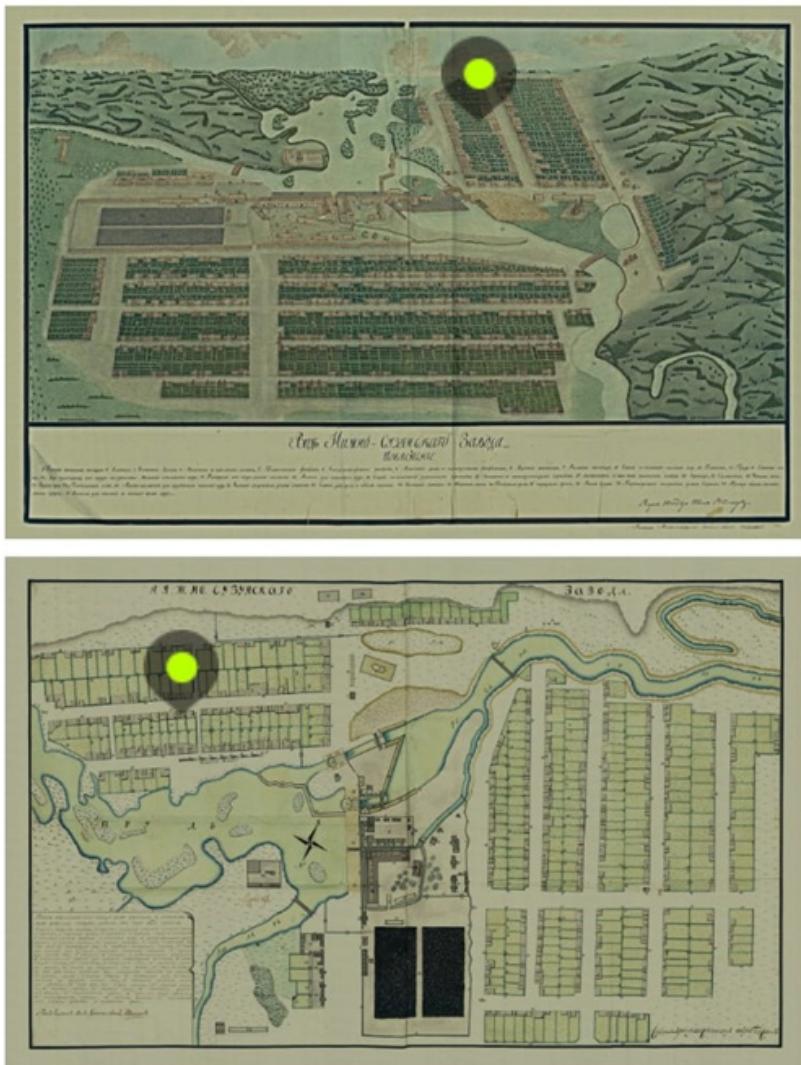

Рис. 7. Зонирование исторического поселения р. п. Сузун

Таким образом, процесс выявления этого объекта промышленной археологии явно находится в начальной стадии и еще далек от своего завершения. В этой связи следует особо отметить музейную разработку «Монетного двора» по идентификации современной локации отдельных жилых зданий специалистов монетного производства. Одним из таких объектов является предположи-

тельное место расположения участка и дома пробирного мастера монетного двора (рис. 8), по материалам картографии конца XVIII столетия.

Сузун, ул. Советская, 21

В этом доме в XVIII - XIX вв. могла жить семья пробирного мастера монетного двора.

Рис. 8. Предполагаемый двор пробирного мастера Сузунского монетного двора по картографии конца XVIII в. (План Нижне-Сузунского завода, всего казненного и домового строения, декабрь 1798 г.)

В свою очередь, локализация этой территории посредством археологических исследований является одним из самых надежных способов установления реальных границ не только культурного слоя соответствующего времени, но и общей структуры производственных объектов прошлого их центра и периферии.

Кроме Нижне-Сузунского медеплавильного завода и монетного двора, происходила активная музеефикация исторических традиций горнорудных производств в с. Егорьевское Маслянинского района Новосибирской области. В краеведческом музее этого населенного пункта не только собраны артефакты промысла россыпного золота, но и реконструированы многие приспособления добычи и переработки этого промысла. Таким образом, можно констатировать, что музеефикация объектов промышленного наследия на территории Новосибирской области уже достаточно давно является отчетливой тенденцией для культурного развития нашего региона.

Заключение. Обзор археологических источников промышленной археологии XVIII–XIX вв. на территории Новосибирской области позволяет выявить не только их разнообразие, но и многочисленность, что является необходимым и достаточным условием для развития этого специализированного направления археологических исследований в регионе. Необходимо также подчеркнуть, что в современных административных границах нашей области располагается один из ключевых промышленных объектов той эпохи – Сузунский медеплавильный завод. На этом предприятии осуществлялась не только обработка сырья, но и чеканка сначала сибирской монеты, а затем и нумизматики общероссийского образца. За Уралом это был не только единственный монетный двор Российской империи, но и первый в Сибири производственный комплекс, осуществлявший чеканку монет. Локализация этого стратегически важного предприятия в Новосибирском Приобье позволяет поставить вопрос о возможности зонирования объектов промышленной археологии Верхнеобского региона.

В основе такого подхода лежит метод археологического микрорайонирования, когда в локализации археологических объектов определенного периода отчетливо прослеживается структура и соотношение локального центра и периферии. В свое время Татьяна Николаевна Троицкая предлагала рассматривать подобную локализацию различных, но синхронных археологических объектов как «кусты археологических памятников». Подобная «растительная» дефиниция археологического наследия неоднократно применялась в отечественной археологии¹. По сути такая «растительная» аналогия предлагала определенную структурную схему пространственной группировки объектов археологического наследия (памятников), соответствующую смыслу понятия «археологический микрорайон» в определенном временном срезе. Применительно к объектам

¹ Например, М. П. Грязнов, характеризуя процесс формирования феномена «скифо-сибирского» культурно-исторического единства, приводил в качестве аналогии дерево-роща баньян, ветви которого, соприкасаясь с землей, давали собственные корни и росли впоследствии уже как отдельные деревья.

промышленной (индустриальной) археологии в формате такого подхода можно говорить для севера Верхней Оби о наличии производственного локального центра – Нижне-Сузунского медеплавильного завода (Монетный двор) и связанных с ним других вспомогательных ресурсно-снабжающих пунктов – рудных приисков, мест заготовки древесного угля, сел, острогов (Умревинского, Чаусского, Бердского) и системы транспортного сообщения.

В целом именно этот комплекс объектов археологического наследия, наряду с предметным комплексом XVIII–XIX вв., составляет основу промышленной археологии на территории Новосибирской области. В свою очередь, предметный комплекс промышленной археологии имеет явные соответствия с основными критериями понятия «археологическая культура». Среди них: территориальность; функциональная специфика изделий; связь предметов с определенной хозяйственно-экономической деятельностью; особенностями атрибутов погребальной обрядности, распространенных в определенное время.

В формате инфраструктуры и материальной культуры наличие промышленной археологии на любой территории является отражением не только наиболее высокого уровня социального и технологического развития, связанного с определенным историческим этапом развития региона. На протяжении XVIII–XIX столетий Верхняя Обь как часть обширного региона юга Западной Сибири являлась одной из наиболее развитых территорий России за Уралом. Появление здесь особого сибирского монетного двора представляется важным признаком такого статуса. Экономическое и технологическое развитие этого региона в указанный временной период в полной мере отражает формирование оригинальных черт культуры российской цивилизации и процесса становления Российской империи на сибирских просторах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Курилов В. Н., Мамсик Т. С., Резун Д. Я.** Присоединение и хозяйственное освоение Новосибирского Приобья в XVIII – первой половине XIX ст. // Новосибирск: энциклопедия. – Новосибирск, 2003. – С. 701–703.
2. **Ткаченко П. Е.** Осень 1643 г. в походе В. Д. Пояркова // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. Т. 3. – Владивосток, 1998. – С. 53.
3. **Степанов И. В. Пащенко А. В.** Забытая история: Медные прииски юго-востока Новосибирской области // Живоносный Источник. – 2023. – № 1(24). – С. 25–31.
4. **Степанов И. В.** Искитимская медь в Сузунской монете // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». – М.: Пере, 2023. – С. 388–392.
5. **Степанов И. В.** К истории Сузунского монетного двора: вопросы обеспечения сырьевыми ресурсами // Деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования: сборник материалов Шестой Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2023 года). – СПб.: АО «Гознак», 2023. – С. 100–104.
6. **Степанов И. В.** Выворотни как указатели мест поиска руд в древности // Геоархеология и археологическая минералогия-2024. Научное издание. – Миасс; Челябинск: Издательство ЮУрГГПУ, 2024. – С. 199–205.
7. Горный журнал. 1831. Кн. 12 (декабрь). – СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1831. – С. 317–490.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
PART I. CULTURAL HISTORY

8. **Мамонтов В. Н.** Список рудных месторождений Алтайского округа (Золото, Серебро, Медь, Свинец и Цинк). – Барнаул: Типо-Литография главного управления Алтайского горного округа, 1908. – 486 с.
9. **Бакшеев Н. А., Калинин Ю. А., Житова Л. М., Фрадкин Е. И.** Перспективы открытия нетрадиционных месторождений золота в позднеоплейстоценовых отложениях Салаирского кряжа // Золото и технологии. – 2017. – № 3 (37). – С. 158–164.
10. **Семевский В. И.** Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. Т. 1. – СПб.: Сибирияков, 1898. – 578 с.
11. **Паллас П. С.** Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. – СПб., 1786. – Ч. 2, кн. 2.1 – 571 с.
12. **Фальк И. П.** Записки путешествия. Полное собрание путешествий по России. Т. 6. – СПб., 1824. – 546 с.
13. **Росляков С. Г., Шаповалов А. В.** Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора // Освоение и развитие Западной Сибири, XVI–XX вв.: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск, 2013. – С. 171–175.
14. **Воротникова Е. Ю., Шаповалов А. В.** Сузунский медеплавильный завод и монетный двор на рубеже XVIII–XIX вв. – Новосибирск: Сибирское музейное агентство, 2015. – 85 с.
15. **Тальская О. С.** Система учета труда приписных крестьян на Алтайских заводах (по нумизматическим памятникам) // Научные труды Новосибирского государственного педагогического института. Вып. 51. Вопросы политической экономии. – Новосибирск: [Б. и.], 1969. – С. 21–35.
16. Сузунский медеплавильный завод и монетный двор. Каталог коллекций Сузунского краеведческого музея. – Новосибирск: Сибирское музейное агентство, 2011. – 112 с.
17. **Бондаренко О. В.** Изучение, реставрация и музеефикация значимых объектов культурного наследия Сузунского района Новосибирской области // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. Вып. XXII. – Барнаул: Издательство АлтГУ, 2016. – 328 с.

REFERENCES

1. Kurilov V. N., Mamsik T. S., Rezun D. Ya. Annexation and economic development of the Novosibirsk Ob region in the 18th – first half of the 19th century. *Novosibirsk: encyclopedia*. Novosibirsk: Book publishing house, 2003, pp. 701–703. (In Russian)
2. Tkachenko P. E. Autumn of 1643 in the campaign of V. D. Poyarkov. *Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries*. Vladivostok, 1998, vol. 3, pp. 45–55. (In Russian)
3. Stepanov I. V., Paschenko A. V. Forgotten history: copper mines of the southeast of the Novosibirsk region. *Life-giving source*, no. 1 (24), 2023, pp. 25–31. (In Russian)
4. Stepanov I. V. Iskitim copper in the Suzun coin. *X International Siberian Historical Forum «Siberia and Russia: History and Culture»*. Moscow: Pero Publishing House, 2023, pp. 388–392. (In Russian)
5. Stepanov I. V. On the history of the Suzunsky Mint: issues of providing raw materials. *Money in Russian history. Issues of production, circulation, existence: Collection of materials of the Sixth International scientific conference, St. Petersburg, October 18–20, 2023*. St. Petersburg: JSC Goznak, 2023, pp. 100–104. (In Russian)
6. Stepanov I. V. Turnouts as indicators of ore prospecting locations in ancient times. *Geoarchaeology and archaeological mineralogy-2024*. Scientific publication. Miass; Chelyabinsk: Publishing house of South Ural State Pedagogical University, 2024, pp. 199–205. (In Russian)
7. Mining Journal. 1831. Book 12 (December). St. Petersburg: Printing House of the Expedition for Procurement of State Papers, 1831, pp. 317–490. (In Russian)
8. Mamontov V. N. List of ore deposits of the Altai District (gold, silver, copper, lead and zinc). Barnaul: Tipo-Lithography of the Main Administration of the Altai Mining District, 1908, 486 p. (In Russian)
9. Baksheev N. A., Kalinin Yu. A., Zhitova L. M., Fradkin E. I. Prospects for the discovery of unconventional gold deposits in the late Neopleistocene deposits of the Salair Ridge. *Gold and Technology*, no. 3 (37), September 2017, pp. 158–164. (In Russian)

10. Semevsky V. I. Workers in the Siberian gold mines: a historical study. T. 1. St. Petersburg: I. M. Sibiryakov, 1898, 578 p. (In Russian)
11. Pallas P. S. Journey through various places of the Russian state by order of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. 1770. Part 2, book 2. St. Petersburg, 1786, 571 p. (In Russian)
12. Falk I. P. Travel notes. Complete collection of travels in Russia. Vol. 6. St. Petersburg, 1824, 546 p. (In Russian)
13. Roslyakov S. G., Shapovalov A. V. Fortress walls of the Suzunsky copper smelter and mint. *Development of Western Siberia, 16th – 20th centuries. Proceedings of the interregional scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of the Chausy fortress.* Novosibirsk, 2013, pp. 171–175. (In Russian)
14. Vorotnikova E. Yu., Shapovalov A. V. Suzunsky copper smelter and mint at the turn of the 18th – 19th centuries. Novosibirsk: Siberian Museum Agency Publishing House, 2015, 85 p. (In Russian)
15. Talskaya O. S. The system of accounting for the labor of assigned peasants in Altai factories (according to numismatic monuments). *Scientific Works of the Novosibirsk State Pedagogical Institute. Issue 51. Questions of Political Economy.* Novosibirsk: [B. I.], 1969, pp. 21–35. (In Russian)
16. Suzunsky Copper Smelter and Mint. Catalogue of the Collections of the Suzunsky Museum of Local History. Novosibirsk: Siberian Museum Agency Publishing House, 2011, 112 p. (In Russian)
17. Bondarenko O. V. Study, restoration and museumification of significant cultural heritage sites of the Suzunsky district of the Novosibirsk region. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory: collection of scientific articles.* Issue XXII. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2016, pp. 296–302. (In Russian)

Информация об авторах

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

А. П. Корчагин, аспирант, начальник отдела сопровождения грантовой деятельности, Центр креативных индустрий, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6228-6380>, korchagin-86@rambler.ru

Information about the authors

Andrey P. Borodovskiy, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Scientific Officer, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Aleksandr P. Korchagin, graduate student, Creative industries center, Head of the grant support department, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6228-6380>, korchagin-86@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 15.07.2025

The article was submitted: 15.07.2025

Одобрена после рецензирования: 19.09.2025

Approved after reviewing: 19.09.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

Accepted for publication: 19.09.2025

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 3

Culture and anthropology research journal. 2025. № 3

Научная статья

УДК 299.52 + 791.43-252.5

Синтоизм в современной визуальной культуре

Тихомирова Елена Евгеньевна¹, Сыроечковский Владимир Антонович²

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

²Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу синтоизма как фундаментального элемента японской культурной и религиозной традиции, а также исследованию его презентации в современной визуальной культуре, в частности в анимационных произведениях. В работе рассматриваются ключевые категории и идеи синтоистского мировоззрения – вера в ками, кульп предков, гармония человека и природы, цикличность времени и очищение, – которые формируют уникальный культурный код японской нации и сохраняют свою актуальность в условиях глобализации. Особое внимание уделено тому, каким образом данные концепты находят отражение в художественных мирах ведущих японских режиссеров-аниматоров – Макото Синкай и Хаяо Миядзаки. Анализируется специфика функционирования синтоистских реплик в их произведениях, включая семиотическую роль сакральных образов, мифологических мотивов и ритуальных практик, а также способы их интерпретации японской и международной аудиторией. Выявляется дидактико-мировоззренческий, национально-исторический и социально-инструментальный потенциал синтоистских элементов в анимации, что позволяет рассматривать их не только как художественные приемы, но и как средства сохранения и трансляции культурной идентичности. Статья демонстрирует значимость синтоизма как живой традиции, которая, несмотря на процессы модернизации и культурного синкретизма, продолжает активно влиять на формы и содержание современной японской массовой культуры.

Ключевые слова: синтоизм; ками; Япония; культура; анимация; Макото Синкай; Хаяо Миядзаки; философия; мифология; природная гармония; культурная идентичность

Для цитирований: Тихомирова Е. Е., Сыроечковский В. А. Синтоизм в современной визуальной культуре // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 25–39.

Scientific article

Shintoism in Contemporary Visual Culture

Elena E. Tikhomirova¹, Vladimir A. Syroechkovskii²

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

²Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of Shintoism as a fundamental element of Japanese cultural and religious tradition, as well as an examination of its representation in contemporary visual culture, particularly in animation. The study explores the core categories and ideas of the Shinto worldview – belief in kami, ancestor veneration, harmony between humans and nature, the cyclical perception of time, and purification rituals – which constitute a unique cultural code of the Japanese nation and remain relevant in the context of globalization. Special attention is given to the ways in which these concepts are reflected in the artistic worlds of leading Japanese animation directors Makoto Shinkai and Hayao Miyazaki. The article analyzes the functionality of Shintoist references in their works, focusing on the semiotic role of sacred imagery, mythological motifs, and ritual practices, as well as the interpretive strategies of both Japanese and international audiences. It identifies the didactic-philosophical, national-historical, and socio-instrumental potential of Shinto elements in animation, demonstrating that they serve not only as artistic devices but also as instruments of preserving and transmitting cultural identity. Thus, the article highlights the significance of Shinto as a living tradition that, despite processes of modernization and cultural syncretism, continues to exert a profound influence on the forms and content of contemporary Japanese popular culture.

Keywords: shintoism; kami; Japan; culture; animation; Makoto Shinkai; Hayao Miyazaki; philosophy; mythology; natural harmony; cultural identity

For citation: Tikhomirova, E. E., Syroechkovskii, V. A. Shintoism in Contemporary Visual Culture. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 25–39.

Исследования феномена синтоизма как неотъемлемой части традиционного японского мировоззрения в современной культуре становятся все более востребованными. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, синто является самым древним и уникальным религиозным и культурным явлением Японии. Во-вторых, современная визуальная культура активно синтезирует традиционные элементы синто и новейшие тенденции в искусстве, медиа и дизайне. Это позволяет исследователям выявить особенности взаимодействия японской культуры с существующей глобализацией, а также проанализировать механизмы адаптации синто к современным культурным запросам. В-третьих, развитие междисциплинарных подходов открывает новые горизонты для комплексного анализа влияния синто на визуальные образы, символику и архитектурное пространство.

Целью работы является изучение синтоистских реплик в ключевых произведениях японских режиссеров-аниматоров.

Традиционное мировоззрение в Японии является одним из ключевых системообразующих элементов традиционной культуры. В культуре Японии традиционные ценности, понимание места человека в мире и особенности взаимодействия человека с окружающей средой были сформированы на основе глубокого мировоззрения, в котором философия, религия, искусство и наука взаимно переплетаются.

Синтоизм, синто (яп. 神道 синто – «путь богов») – это традиционная национальная религия Японии. Зародилась на основе анимистических представлений древних жителей японского архипелага. Объектами поклонения являются огромные множества божественных существ и духи умерших. Синтоизм навечно закрепился в японском мировоззрении и японских традициях. Его невозможно убрать из жизни японцев ни на местном, ни на государственном уровне [10, с. 190].

Базис синтоизма – в придании силам и явлениям природы божественной сути и последующем поклонении ей [8, с. 17]. Предполагается, что у большинства вещей есть своя духовная ипостась – *ками*. Ками способны пребывать на Земле в имманентном состоянии. В таком случае их вместилищем могут стать не только живые объекты, в обычном понимании, а дерево, камень, природное явление и при определенных условиях даже божественный атрибут. Также предполагаются ками, которые могут являться духом определенной области или конкретных природных объектов (например, ками определенной реки), некоторые воплощают в себе глобальные природные явления. Так, например, Аматэрасу Омиками представляет собою персонификацию солнца.

Особенно почитаются ками, которые покровительствуют семьям и родам. Считается, что все исконно-японские роды ведут свое происхождение от какого-либо ками. Главным примером такой традиции является императорская семья, которая ведет свой род от богини Аматэрасу Омиками. Культ предков тоже имеет свое место в синтоизме. Предки способны защищать и покровительствовать своим потомкам. Также синтоизм включает магию, тотемизм, а также веру в способности талисманов и амулетов.

Однако стоит заметить, что в синтоизме нет определенных границ, отделяющих обычного человека от ками. В некотором роде человек сам по себе является ребенком ками.

Жизнь в синтоизме священна. Человек должен быть обязан за нее своим предкам и ками. Жизненную силу и душу ему дает ками, а самим рождением он обязан родителям и предкам, которые жили до него на протяжении долгих столетий. Для того чтобы существовать дальше, человеку необходима не только природа, но и общество. Поскольку он социален, он не способен жить изолированно. Основополагающим духовным постулатом синто является пребывание в гармонии с людьми и природой. В миропонимании синтоизма, окружающий нас мир – это цельная природная среда, где люди, души почивших и, собственно, ками живут рядом. Хоть ками и вечны, они также являются частью цикла рождения и смерти, которому подчинено все в мире. Но даже сам цикл

не вечен и исчезнет только с разрушением Земли, после чего станет чем-то по-настоящему новым.

Каждый человек обладает собственной личностью, которая позволяет ему отличаться от других, делает его уникальным. Ками лишь дает человеку личность. К ней же в свою очередь прибавляются традиции, сформированные семьей на протяжении столетий, влияние друзей и других людей, формирующих социальную среду человека. В совокупности все это складывается в характер. Но стоит сказать, что в синто нет места единоличным мотивам. Эгоизм по своей природе не может существовать с самими принципами служения богам в синтоизме. Для верующего, в первую очередь, должны быть главными интересы общества и процветание всей общины. Но это не лишает смысла семьи и права отдельного человека. Они находятся в одной системе с обществом и поддерживаются друг другом.

Каждый человек рождается с определенным предназначением в жизни. Так, с одной стороны, он должен оправдать надежды предков и воплотить в жизнь их идеалы. Но в то же время он должен заботиться и любить своих потомков, чтобы они также имели возможности исполнить желание своих предков. И те, и другие являются частью одного рода. Если не придавать значения памяти предков, не почитать их, заботиться лишь о себе, то человек не сможет выполнить свою миссию, а значит, его жизнь потеряет всякий смысл.

Считается, что поскольку любой человек способен стать идеальным, его за-ведомо могут принимать за ками. Воплощенная в словах способность подобного благословения – котодама. Котодама (яп. 灵 котодама, «душа слова») – понятие в японской культуре, связывающее с произнесенным словом некие сверхъестественные атрибуты, способна произвести в характере человека глубокие изменения [7, с. 387]. Однако при жизни человека невозможно назвать ками. Подобное воплощение он может принять только после собственной смерти.

В синто нет сотериологических мотивов, вместо этого человек сам, в соответствии с наставлением предков, выбирает подходящее ему место в жизни, благодаря чему способствует гармонии и развитию мира. Как и в большинстве культур, в синтоизме существуют представления о добре и зле, однако по своей сути они отличаются от других. Если существуют противоположные по своей природе ками или у них есть личная неприязнь к друг другу, то подобное противостояние считается естественным. От агрессивно настроенных ками можно защититься амулетами и талисманами или вообще подчинить с помощью особых ритуалов. Синтоизм с большей ответственностью принуждает верующих заботиться о том, что останется после их смерти, и речь идет не только о потомках, но и о природе. Из-за всего вышеизложенного можно сказать, что синто не является дуалистической религией, а отсутствие в ней общего строгого закона не позволяет назвать ее подобной авраамическим религиям.

Главными источниками мифологии синто являются сборники «Кодзики» и «Нихон сёки» («Анналы Японии»), хроника правлений императоров Японии с древнейших времен до 697 года (31 том). Они состояли из объединенных и адаптированных сказаний, мифов и легенд, которые передавались из уст

в уста на протяжении многих поколений. Поскольку до прихода письменной буддийской традиции Япония не задумывалась о составлении письменных трудов, то в записях из «Кодзики» и «Нихон сёки» специалисты обнаружили сильное влияние китайской культуры, мифологии, философии [2, с. 9].

События, о которых пишется в этих сборниках, в большинстве своем описывают так называемую «эру богов». В обоих источниках ее временные рамки никак не определяют. Вслед за «эрой богов» приходит новая – эра правления древних императоров, которые сами по себе являются потомками богов. Оба сборника заканчиваются историями о событиях времен первых императоров. Как ни странно, и в «Кодзики», и в «Нихон сёки» речь идет об одних и тех же мифах, но нередко толкование различается. Стоит также отметить, что в «Нихон сёки» нередко встречается толкование мифа в нескольких возможных вариантах.

В начале обоих писаний мифы повествуют о зарождении мира. Согласно им, мир изначально был хаотичным и содержал в себе все в бесформенном и смешанном состоянии. В определенный момент хаос разделился и появилась Такама-нохара (яп. 高天原 такамагахара, Равнина Высокого Неба). Вслед за ней появились первые боги, а за ними первые божественные пары. Такие пары состояли из мужчины и женщины, которые являлись друг другу братом и сестрой, каждый из них олицетворял какое-либо природное явление.

Весьма показательным для понимания мировоззрения синто является миф об Идзанаги и Идзанами – последней из возникших божественных пар. Благодаря им был создан первый остров, Оногородзима – Сам Собой Сгустившийся Остров. Позже они заключили брак, но из-за того, что первой говорила Идзанами, первые дети оказались «некорошими», и только после того, как они вновь поженились, но Идзанаги начал говорить первым, дети начали рождаться «правильными» (таким образом, патриархальная система Японии твердо укрепилась в обществе, теперь уже на мировоззренческом уровне). Таким путем появились японские острова и большое количество ками, которые и заселили эти земли. После того как Идзанами родила ками Огня, она заболела, вследствие чего и умерла и отправилась в Страну Мрака. Смерть супруги погрузила Идзанаги в отчаяние, из-за чего он отрубил голову богу Огня, из которого после появились новые поколения ками. После этого Идзанаги отправился в страну Мрака, чтобы спасти свою супругу, однако, застав ее обезображеный вид, убежал и завалил вход. Разгневанная Идзанами пообещала убивать тысячу людей каждый день, на что Идзанаги ответил, что будет строить по полутора тысяч хижин для рожениц в день. «Эта история как нельзя лучше передает представления синто о жизни и смерти: смертно все, даже боги, и нет смысла пытаться вернуть умерших, но жизнь побеждает смерть через перерождение всего живого» [5].

После возвращения Идзанаги очистился, устроив омовения в водах реки. Подобное омовение в Японии называется мисоги (яп.禊 мисоги, «Ритуальное омовение») и служит ритуалом для очищения тела и души. Пока он совершаил омовение, из его одежды и капель воды появились новые ками. Из капель,

которые омыли левый глаз, родилась богиня Солнца Аматэрасу, которая стала хранителем Равнины Высокого Неба. Из капель, омывших нос – бог ветра и бури Сусаноо, который стал хранителем Равнины Моря. Стоит отметить, что главной богиней все равно оказалась женщина, но все же она не была всемогуща и не могла существовать без других камы. Однако Сусаноо не хотел ведать Равниной Моря, а хотел в Страну Мрака, из-за чего и был изгнан Идзанаги. После этого Сусаноо отправился к сестре, где спустя некоторое время начал вести себя несдержанно и буйно, из-за чего Аматэрасу спряталась в небесном гроте, обрушив на мир бесконечную тьму. Боги смогли выманить Аматэрасу из грота, а Сусаноо принес искупительные яства, однако не был прощен и был изгнан, поселившись в стране Идзумо.

После мифа о Сусаноо и Аматэрасу истории теряют последовательность и рассказывают больше об отдельных, не связанных друг с другом сюжетах. Практически все из них описывают борьбу камы между собой за власть над теми или иными территориями. В одном из таких мифов повествование ведется о внуке Аматэрасу, Ниниги, которого спустили на землю, чтобы он правил Японией. Вместе с ним отправились пятеро других камы, которые стали предками наиболее влиятельных кланов Японии. Другая история повествует о потомке Ниниги Иварэхико, который принял имя Дзимму и предпринял поход на Хонсю, подчинив при этом всю Японию. Также он основал империю и стал ее первым императором. Наиболее важно, что это миф, один из немногих, кто имеет конкретную датировку – 660 год до н. э., однако исследователи говорят, что эти события могли происходить не ранее третьего века нашей эры.

Синтоизм, зародившись как национальная религия, продолжает быть воплощением японской нации, ее обычая и культуры. Многовековое существование синто как главной идеологической парадигмы оказало значительное влияние на жителей Японии. Даже в условиях длительного синкретирования с буддизмом, синтоизм не стал его частью, а наоборот, спустя время вернулся на главенствующую позицию. Сложно представить японца, который бы даже на подсознательном уровне не был частью этого религиозного мировоззрения. Даже если большое количество японцев не считают себя приверженцами синто, эта религия настолько проникла в культуру, что действия, атрибуты и праздники синтоизма могут приниматься обычными жителями как то, что было всегда, как традиция, которую необходимо соблюдать, «потому что всегда так делали, всегда так было» [1, с. 47–51].

На данный момент на территории Японии располагается около 80 тысяч синтоистских храмов, а также два университета синто, в которых обучают синтоистских священнослужителей: Кокугакуин в Токио и Кагаккан в Исэ. В самих храмах активно протекает религиозная деятельность, исполняются необходимые ритуалы, проводятся праздники. Главные праздники синто проходят очень феерично, могут сопровождаться факельными шествиями, фейерверками, военными парадами или спортивными соревнованиями. Все это зависит от конкретного региона. В подобных праздниках участвуют не

только верующие синтоисты, но и нерелигиозные люди и даже представители других конфессий.

На сегодняшний день сохранилась традиция проведения ритуалов при строительстве нового дома. Перед началом строительных работ проводят очищение территории будущего дома, чтобы прогнать злых духов и задобрить ками, проживающих в этом месте. Для подобного обряда могут специально пригласить священника. Такие обряды – *охарай* (яп. お祓い охарай, «обряд очищения») используются не только при строительстве, но и при очищении храмов. «По завершении строительства проводится обряд “дзёто-сай” (“Церемония укладки коньковой балки”): на середину коньковой балки крыши помещается символ ками, после чего устраивается праздник для рабочих, строивших дом, и соседей» [6, с. 238].

Не только в особые дни можно заметить присутствие синтоизма. Дважды в год, осенью и весной, японцы обычно устраивают генеральную уборку, которая в некоторой степени отражает древнюю церемонию Великого очищения. Синто связывают традицию открывать счета в июне и декабре. Манера завершать хлопком в ладоши удачно состоявшиеся сделки – это тоже веяние синтоизма. Подобный жест используется для привлечения ками, чтобы они стали свидетелями удачной сделки и завершения дела [5].

На основании изученных текстов можно заключить, что синтоизм не обладает конкретным определением добра и зла, а для того, чтобы человек был способен самостоятельно определить их границы, он должен адекватно воспринимать окружающую действительность и иметь некие благоприятные отношения с ками. Всего этого он может достичь, живя в согласии с природой и обществом, а также очищая свое тело и сознание, постепенно приближая себя к становлению ками путем религиозного служения. Создание мифологических сборников несло в себе цель не столько в описании мировоззрения японцев времени написания трудов, сколько в укреплении положения императора и императорской власти и также наиболее влиятельных родов. Такой атрибут, как богоизбранность, повышал значимость установившейся власти, а также являлся объединяющим фактором, что позволило японцам возыметь национальную идентичность. После рассказов об Идзанаги и Идзанами в текстах начитают упоминать людей. В мифах нигде не указано, как именно появились люди, что дает право считать, что, в соответствии с представлениями синто, различий между ками и людьми нет. В большинстве своем японцы не считают себя приверженцами синто, оно с самого детства становится неотъемлемой частью их культурной и общественной жизни и, так или иначе, остается олицетворением нации.

Перейдем к репликам синтоизма в современной визуальной культуре. Начнем с произведений известного японского режиссера-аниматора Макото Синкай. Необходимо уточнить, что синтоизм не является основной темой в произведениях Макото Синкай. Автор утверждает, что синто в его работах – это «отражение японского культурного кода, нашего общего исторического мировосприятия, через которое можно донести мысли, которые важно услышать

в настоящее время. Я говорю языком образов, но таких, которые считаются каждым японцем на генетическом уровне» [4].

Репликой в данной работе будет называться отношение между гипотекстом и гипертекстом. Термин «реплика» в интертекстуальности был введен французским литературоведом Жераром Женеттом [12, с. 385–386]. Автор описывает концепцию интертекстуальности как процесс взаимодействия текстов разных эпох, культур и жанров. Он использует термин «реплика» для обозначения фрагмента текста (в том числе текста культуры), который цитируется, адаптируется или переосмысливается в другом тексте с использованием новых форм и смысловых модификаций.

Семиотика синтоизма, пронизывающая произведения японских режиссеров, воспринимается и анализируется японским зрителем за счет воспитания и пребывания в соответствующей культурной среде. Однако неподготовленный зритель, который часто не знаком с национальной японской религией на достаточном уровне, не способен разглядеть более глубокие смыслы, скрытые за визуальными и сюжетными мотивами анимационной картины.

Синто для режиссера выступает дополнительным инструментом, в некотором роде семиотическим концептом, представленным через реплики. Рассмотрим несколько из них.

Во-первых, дидактико-мировоззренческий, а именно относящийся к пониманию времени. Концепция линейного времени зародилась на Ближнем Востоке, однако синтоизм, а соответственно и Японию это не коснулось. Цикл [9, с. 185–188] рождения и смерти, цикличность истории, цикл лун, циклы правления – все это хорошо вписывается в парадигму синтоизма, и соответственно в мировоззрение японцев. Кольцевое время преподносится автором во многих его произведениях. В анимэ «Твоё имя» мы наблюдаем несколько примеров рекурсивности. Например, комета, упавшая на городок Итомори. В самом анимэ говорится, что 1200 лет назад на эту же местность упала другая комета, из-за чего впоследствии и образовалось озеро Итомори. Но это еще не все. Если взглянуть на место, где располагается святилище местного ками, то можно заметить еще один кратер. Причем на потолке самого святилища была изображена летящая комета, очень похожая на комету из мультфильма. Само ками, о котором говорит бабушка сестер, не является божеством основного пантеона синто. Макото Синкай вполне мог взять за основу местное божество или же придумать его лишь для картины. Это ками именуется Мусуби (яп. 結び мусуби, «узел»). Главная жрица говорит: «Вязать нить – это мусуби. Узы между людьми – это тоже мусуби. И даже течение времени – мусуби. Это все сила бога». Шнурки же, которые плетут в этой деревне – это символ времени. Их нити могут скручиваться, переплетаться, распутываться и даже рваться, но затем сплетаются вновь. А узлы, которые являются окончательным сплетением, и создают бесконечный цикл. Имена жриц тоже имеют некоторую цикличность. Если обратить внимание на имена сестер, а именно Мицухи (яп. 三葉 Мицуха, «третий лист») и Ёцухи (яп. 四葉 Ёцуха, «четвёртый лист»), а затем заметить в некрологе Итомори имя их бабушки Хитохи (яп. 一葉 Хитоха, «первый лист»),

то можно предположить, что имя их матери скорее всего было Футаха (яп. 二葉 Футаха, «второй лист»). Из этого следует, что имена давались в определенной последовательности, а учитывая то, что до Хитохи Миямидзу храм тоже существовал и поддерживался их семьей, то можно предположить, что и имена подвержены циклу.

В других произведениях режиссера можно проследить подобное отношение ко времени, например можем обратиться к его работе «Дитя погоды». Для того чтобы усмирить ярость неба, раз в несколько сотен лет так называемая дева погоды должна принести себя в жертву богам, чтобы остановить непрекращающийся дождь. Главная героиня, Хина, будучи девой солнца, совершает данную жертву, что и приносит солнечные дни в Токио, однако вскоре ее спасает Ходака, и они решают отказаться от жертвы, что провоцирует продолжение катаклизма. С одной стороны, можно сказать о том, что цикл разрушен, интерпретируя это как то самое «окончательное разрушение Земли», которое повлечет за собой нечто по-настоящему новое, но с другой стороны, в конце анимэ мы можем узнать, что затопляемая часть Токио несколько сотен лет назад находилась под водой, а это значит, что цикл может быть гораздо больше и может включать в себя подобное противостояние людей с небом. Также хочется отметить похожие судьбы Ходоки и его начальника Кэйсукэ. У них схожий характер. Кэйсукэ в детстве также сбежал из дома, чтобы начать новую жизнь в Токио. Он также быстро нашел свою любовь, но судьба оказалась жестока, и спустя несколько лет она погибла. Цикл мог бы продолжиться, но спасение Хины его нарушило.

На метауровне мы можем наблюдать взаимодействие между работами Макото Синкай. В анимэ «Дитя погоды» (2019) эпизодично присутствуют главные герои предыдущего произведения режиссера «Твоё имя» (2016), а в нем в свою очередь можно заметить учителя из «Сада изящных слов» (2013). Таким образом, можно предположить, что невероятно долгий сезон дождей из последней работы Синкай также отсылает нас к его последнему произведению, и тогда цепь снова замкнулась. Не исключено, что цикл еще не завершился и в следующих работах режиссера мы сможем наблюдать интертекстуальные ссылки на предыдущие работы.

Также к дидактико-мировоззренческому концепту можно отнести еще один мотив произведений режиссера. Его можно обобщить словами «чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать». В определенный момент герои сталкиваются с ситуацией, в которой приходится принести жертву для благой (а иногда и корыстной) цели. «Одно – это все, а все – это одно». Так, например, Хина из анимэ «Дитя погоды» является девой погоды и способна лишь одной молитвой разгонять тучи. Но это не могло происходить вечно и с каждым разом она все больше теряла свое человеческое тело. В конце концов она должна была стать жертвой для неба, но ее спасение нарушило баланс, что привело к еще большим последствиям.

Учитель Морисаки из анимэ «Ловцы забытых голосов» хочет вернуть к жизни свою мертвую жену. Даже преодолев всю Агарту и спустившись ко вратам «жизни и смерти», местное божество требует новый «сосуд» для возлюбленной

учителя. Не колеблясь, он приносит в жертву свою спутницу, главную героиню Асуну. Более того, учитель также потерял правый глаз, в наказание за его недальновидность. После того как клавис был уничтожен, жена Морисаки вновь исчезла, а Асuna вернулась. Однако глаз не вернулся к учителю, что может говорить о том, что его потеря была наказанием, а не дополнительной ценой воскрешения.

Чтобы выбраться из священного места Мусуби, необходимо оставить в нем часть себя. И если для сестер подобной жертвой стало заранее подготовленное кутикамисакэ (яп. 嘙み酒 кутикамисакэ, «саке из риса, процесс ферментации которого производится с помощью его разжевывания»), которое, благодаря силе Мусуби, становится частью человека, то Таки скорее всего пожертвовал своей памятью и памятью Мицухи.

К следующему концепту, а именно национально-историческому, хотелось бы отнести желание режиссера придать его работам национальный оттенок и создать «знаковый слой», который по большей части способен восприниматься японской аудиторией. Синтоистские элементы тесным образом переплетены с сюжетами работ.

Например, в анимэ «Твоё имя» Мицуха, находясь около озера Итомори выкрикивает: «Боги, в следующей жизни сделайте меня мальчиком из Токио». Это было не что иное, как котоагэ (яп. 言上げ котоагэ, «вознести словеса»). Подобный оборот означает «говорить очень громким голосом», что было воспрещено, потому что подобное могло активировать магическую силу, находящуюся в котодама. Кодзики располагают мифом о том, как принц Яматотакэру-но микото был запутан ками горы за то, что «вознес словеса» и вследствие этого погиб.

Таки и Мицуха впервые встретились около святилища Мусуби, а поспособствовало этому время тасогарэдоки (яп. 黄昏時 тасогарэдоки, «время сумерек»), во время которого, по синтоистским легендам, могут происходить таинственные вещи. Именно в это время, когда Аматэрасу оставляет свое наблюдение, а Цукуеми еще к нему не приступает, Таки и Мицуха смогли встретиться.

Неудачная первая встреча в Токио и первое счастливое воссоединение спустя годы можно сравнить со свадьбой Идзанаги и Идзанами. В первом случае первой говорила Мицуха, что в корреляции с мифом может свидетельствовать о неправильном совершении ритуала. При последней встрече первым говорил Таки, что показывает важность соблюдения традиций.

Хина из «Дитя погоды» называют девой солнца, а позже и девой погоды. Таким образом, она является жрецом-медиумом и также способна быть одержима божеством. Учитывая, что она могла разогнать тучи и тем самым призвать солнце, можно предположить, что она была одержима самой Аматэрасу. В то же время при побеге от полиции она смогла призвать молнию, благодаря чему можно предположить связь с Сусаноо. Небесное поле, на котором она пребывает после совершения жертвы, не что иное, как Такамагахара, Равнина Высокого Неба, где живут трансцендентные камы. Об этом свидетельствует и фамилия Хины – Амано (яп. 天野 Амано, дословно «небесная равнина»). Поскольку она находится там в одиночестве, можно сказать, что она не до конца слилась

с потусторонним миром ками. Ее жертва должна была усмирить ярость Сусаноо, вследствие чего непрекращающийся дождь подошел бы к концу. Потому нарушение традиции привело к печальным последствиям не только Землю, но и небо.

Отдельным национально-историческим концептом является мотив, тянувшийся «красной нитью» через многие работы автора. Она связана с древней японской легендой, которая гласит, что у каждого человека есть невидимая красная нить, которая связывает его с нитями других людей. Этим людям предназначено встретиться, несмотря ни на что и повлиять друг на друга. Главная канва повествования в анимэ «Твоё имя» – это история двух людей, которым суждено встретиться сквозь пространство и время. Шнуры, которые плетут в деревне – это материальное представление тех самых красных нитей. На севере Японии была традиция связывать мизинцы парня и девушки, которые хотят вступить в брак, шнуром кумихимо (яп. 組紐 кумихимо, «плетёный шнур»). Мицуха отдает свой шнурок Таки при первой встрече в Токио и отчасти именно он помогает не забыть девушку из странных видений. Сам ками Итомори – Мусуби в некоторых легендах именуется как Мусуби-но ками (яп. 結びの神 Мусубиноками, дословно «бог, связывающий [влюблённых]»), что вполне коррелируется с тем, что он сделал для персонажей.

Подобный мотив «обязательной встречи» можно увидеть и в произведении «Сад изящных слов», и в «Дитя погоды», и в «Ловцах забытых голосов».

Синтоизм также присутствует в анимационных произведениях другого известного режиссера-аниматора – Хаяо Миядзаки. В его работах синто также выступает в роли семиотического концепта, проявленного через интертекстуальные реплики. Философ Е. И. Гусев в своей статье, посвященной синтоизму в художественных мирах Хаяо Миядзаки, рассматривает функциональность синто на дидактико-мировоззренческом, национально-историческом и социально-инструментальном уровнях [3].

В качестве дидактико-мировоззренческого концепта необходимо отметить отношение режиссера к экологическим проблемам. Впервые эту тему режиссер раскрывает в анимэ «Навсикая из долины ветров». Фильм основан на манге, написанной самим Миядзаки, и рассказывает историю Навсики, принцессы маленьского королевства, которая пытается спасти свой народ от гибели в результате атаки технологически продвинутой цивилизации. Миядзаки использует синтоизм, который нацелен на объединение и гармонию с природой, чтобы эффективно показать зрителю идеи пацифизма и уважения к природе. Автор обращает внимание на следующую проблему: если человечество будет продолжать бездумно вести войны, заражать природу и неумеренно эксплуатировать ее, то возникнут серьезные последствия. В произведении показываются негативные последствия такого отношения к природе – возникновение зараженных «Лесом» областей, ядовитых спор, а также появление гигантских насекомых, которые сами становятся защитниками природы от человека. Это означает, что если человек будет использовать методы насилия для решения таких проблем, результатом будут лишь неудачи. Сам режиссер о созданном

им сюжете пишет следующее: «Идея фундаментального благодушия природы, которая создаст подобие Леса для восстановления среды – полный абсурд. Тот факт, что человечество действительно придерживается столь радужной точки зрения – серьезная проблема» [13, р. 169]. Что касается синто, то главные персонажи поклоняются ками, включая ками ветра, который защищает долину от ядовитых спор. После вторжения Кусяны в деревню со своими войсками ветер прекращается, приводя долину к гибели. Это является отражением влияния милитаризма и научного прогресса на мирную жизнь, поддерживающую гармонию с окружающим миром. Волчица Моро и Сисигами в «Принцессе Мононоке» также являются ками, которые защищают лес. Миядзаки описывает роль Навсикаи не только как лидера или вождя для своего народа, но и как мико – служительницу синтоистского храма. Роль мико включает в себя не только проведение храмовых обрядов, но и церемониальное очищение и налаживание контакта с ками.

Следующий концепт проявляется во взаимодействии персонажей с духами. Для более глубокого понимания данного явления необходимо обратиться к одному из главных концептов творчества режиссера, который именуется как «кокоро». Д. Бойд и Н. Тэцуя в своем исследовании, посвященном исследованию фильма «Унесённые призраками», выводят следующее определение «кокоро»: «сущность нашей личности, сочетание души и сознания человека» [11]. Для восприятия ками и их деятельности необходимо наличие эстетически чистого, «оптимистического» кокоро. Загрязнение кокоро человека – то же самое, что загрязнение реки или озера. Оно влияет на восприятие мира и связь с предками, природой и самим «Я». Человек должен восстановить нормальное восприятие и очиститься физически и духовно. Очищение (охарай) становится ключевым семиотическим знаком в творчестве Миядзаки. Персонажи часто встречаются с водой и очищаются, что изменяет их восприятие мира и способы решения проблем. Некоторым персонажам не нужно внутреннее очищение – например, Аситака и Навсикая. Они уже обладают чистым кокоро, которое позволяет им взаимодействовать с духами. Несмотря на это, внешнее очищение меняет их мироощущение и направляет на правильное решение.

Еще одно анимэ, которое показывает проблему загрязнения среды и кокоро – «Унесённые призраками». Сцена с духом реки в купальне – это яркое отображение ритуала охарай. «Оскверненный» ками, погруженный в мусор, который жители города повсеместно сваливают в реку, не способен выполнять свои божественные функции. Только очищение позволяет ему освободиться. А Тихиро, в роли жрицы-мико, помогает ему в этом. Ту же функцию фундаментально выполняет и вся купальня – сюда духи приходят, чтобы очиститься. Миядзаки подводит зрителя к мысли о том, что если мусор способен поработить даже бога, что тогда происходит с человеком?

Хаяо Миядзаки как искусный режиссер вкладывает множество традиционных и культурных элементов в свои произведения, создавая мир, где традиция и современность сочетаются в уникальной гармонии. В итоге он описывает те концепции, которые поистине важны для японского народа. Его работы

представляют собой исключительное проявление творчества, почтения и духовной глубины, которые ценятся в культуре Японии.

Сравнивая работы двух режиссеров в области пяти категорий культуры, можно заметить некоторые различия во взглядах авторов. В произведениях Хаяо Миядзаки, например, таких как «Унесённые призраками» и «Мой сосед Тоторо», категория времени представлена более прямолинейно. События происходят последовательно, описывая развитие персонажей и их отношений. Миядзаки также часто использует мотивы времен года в качестве символических элементов, помогая зрителю ощутить смену сезонов вместе с героями. Категория времени в произведениях Макото Синкай более абстрактна и не линейна, в то время как в работах Хаяо Миядзаки она более очевидна и понятна.

Пространство в произведениях Хаяо Миядзаки более мифологично и отчужденно от простого мира. Создается впечатление, что сам человек в своей повседневной реальности становится «объектом», кем-то странным и необычным в волшебных и мистических мирах. Синкай же ставит в роль субъекта человека и позволяет ему взаимодействовать с окружающим его, внезапно возникающим, загадочным пространством.

Природа является неотъемлемым элементом в фильмах Миядзаки. Он стремится показать ее красоту и уязвимость, а также ее несовместимость с человеческой цивилизацией. Однако он не разделяет человека и природу нерушимой границей, наоборот, на примерах отдельных персонажей он показывает, что еще не поздно изменить свое отношение к природе и жить в гармонии с ней. Синкай в своих произведениях уделяет особое внимание отображению природы. Качество прорисовки, насыщенность цвета, масштабность – все это показывает величие и красоту природы, от которой человек уходит все дальше и дальше. Для человека эта природа является чем-то самим собой разумеющимся, однако по ходу произведения персонажи замечают ее нечеловеческую красоту и приближаются к пониманию природы и ее важности.

Боги в произведениях Синкай чаще всего незримы и трансцендентны. Они безусловно влияют на жизнь героев, однако это влияние нельзя назвать абсолютным добром. Их помощь обычно представляется в виде шанса проявить себя, изменить свою судьбу и иногда судьбу мира. В произведениях Миядзаки боги, как правило, представлены имманентно. Они способны непосредственно взаимодействовать с человеком, однако, как и у Синкай, ключевые действия совершают именно человек, тем самым режиссеры наделяют их волей, которая проявляется более ярко, чем у богов.

В произведениях обоих режиссеров человек является не механизмом, приводящим сюжет в движение, а полноценной личностью со своим внутренним миром, переживаниями и эмоциями. В какой-то степени внутренний мир героев предстает как отражение природы, такой же разнообразной и гармоничной. Следуя философии синто, авторы сближают человека и природу, стараются «снять» границу, которую воздвигает человек, отказываясь от своей сущности.

Реплики синто, которые Макото Синкай и Хаяо Миядзаки органично вплетают в свои произведения, считаются японскими зрителями на интуитивном

уровне и насыщают семантическую сферу анимэ дополнительными смыслами. Подобное раскрытие данных реплик позволяет гораздо глубже изучить и понять творчество режиссеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнов С. А., Комаровский Г. Е. Религия в жизни японцев // Азия и Африка сегодня. – 1966. – № 8. – С. 47–51.
2. Боги, святыни, обряды Японии: Энциклопедия синто / под ред. И. С. Смирнова. – М.: РГГУ, 2010. – 337 с.
3. Гусев Е. И., Коваленко Д. Г. Актуализация синтоизма как семиотического концепта в художественном мире Хаяо Миядзаки [Электронный ресурс] // Философия и культура. – 2019. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-sintoizma-kak-semioticheskogo-kontsepta-v-hudozhestvennom-mire-hayao-miyadzaki> (дата обращения: 11.05.2023).
4. Качанова Ю. Номинант на «Оскар» Макото Синкай: Вряд ли меня сможет изменить статуэтка на полке [Электронный ресурс]. – URL: <https://snob.ru/entry/184487/> (дата обращения: 23.05.2023).
5. Крестовский В. А. Синто и Буккьо. Из воспоминаний о стране восходящего солнца // Русский вестник. – 1890. – № 8. – С. 95–125.
6. Маркарьян С. Б., Молодянова Э. В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. – М.: Наука, 1990. – 238 с.
7. Накорчевский А. А. Синто. – СПб.: Азбука-классика – Петербургское востоковедение, 2003. – 448 с.
8. Оно С., Вудард У. Синтоизм: Древняя религия Японии / пер. с англ. Ю. Гладковой. – М.: София, 2007. – 160 с.
9. Сыроечковский В. А. Синтоизм в анимационных произведениях Макото Синкай // Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток: материалы Международной студенческой научно-практической конференции (г. Новосибирска, 19 ноября 2020 г.). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. – С. 182–183.
10. Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. – Т. 2. – М.: БЕК, 2001. – 784 с.
11. Boyd James W., Tetsuya N. Shinto Perspectives in Miyazaki's Anime Film «Spirited Away» // The Journal of Religion and Film. – 2004. – Vol. 8, No. 2.
12. Genette G. Palimpsest: Literature in Second Degree. – Nebraska: University of Nebraska Press, 1997. – 491 p.
13. Miyazaki H. Starting Point: 1979–1996. Trans. by Beth Cary and Frederik L. Schodt. – San Francisco, 1996. – 462 p.

REFERENCES

1. Arutyunov S. A., Komarovsky G. E. Religion in the Life of the Japanese. *Asia and Africa Today*, 1966, no. 8, pp. 47–51. (In Russian)
2. Gods, Shrines, and Rituals of Japan: Encyclopedia of Shinto. Ed. by I. S. Smirnov. Moscow: RGGU, 2010. 337 p. (In Russian)
3. Gusev E. I., Kovalenko D. G. Actualization of Shintoism as a Semiotic Concept in the Artistic World of Hayao Miyazaki. *Philosophy and Culture*, 2019, no. 12 [Online]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-sintoizma-kak-semioticheskogo-kontsepta-v-hudozhestvennom-mire-hayao-miyadzaki> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)
4. Kachanova Yu. Oscar Nominee Makoto Shinkai: An Academy Statuette on the Shelf is Unlikely to Change Me [Online]. Available at: <https://snob.ru/entry/184487/> (accessed: 23.05.2023). (In Russian)
5. Krestovsky V. A. Shinto and Bukkyō. From Memories of the Land of the Rising Sun. *Russkiy vestnik*, 1890, no. 8, pp. 95–125. (In Russian)

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

6. Markaryan S. B., Molodyanova E. V. Festivals in Japan: Customs, Rituals, Social Functions. Moscow: Nauka, 1990, 238 p. (In Russian)
7. Nakorchevsky A. A. Shinto. St. Petersburg: Azbuka-klassika – Petersburg Oriental Studies, 2003, 448 p. (In Russian)
8. Ono S., Woodard W. P. Shinto: The Kami Way. Transl. by G. Y. Gladkova. Moscow: Sofia, 2007, 160 p. (In Russian)
9. Syroechkovskii V. A. Shintoism in the Animated Works of Makoto Shinkai. Intercultural Communication: West–Russia–East. Proceedings of the International Student Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, November 19, 2020). Novosibirsk: NSPU, 2020, pp. 182–183. (In Russian)
10. Strashun B. A. Constitutional (State) Law of Foreign Countries. Vol. 2. Moscow: BEK, 2001, 784 p. (In Russian)
11. Boyd James W., Tetsuya Nishimura. Shinto Perspectives in Miyazaki's Anime Film Spirited Away. *The Journal of Religion and Film*, 2004, vol. 8, no. 2 (In English)
12. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997, 491 p. (In English)
13. Miyazaki H. Starting Point: 1979–1996. Transl. by Beth Cary and Frederik L. Schodt. San Francisco, 1996, 462 p. (In English)

Информация об авторах

Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

В. А. Сыроечковский, аспирант, специалист, кафедра социально-коммуникативных технологий, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия, limak2008n@yandex.ru

Information about the authors

Elena E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

Vladimir A. Syroechkovskii, graduate student, Specialist at the Department of Social and Communication Technologies, Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk, Russia, limak2008n@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025

The article was submitted: 11.07.2025

Одобрена после рецензирования: 17.08.2025

Approved after reviewing: 17.08.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

Accepted for publication: 19.09.2025

Научная статья
УДК 008

Методологические подходы к изучению архитектурного пространства в философии и науке

Чапля Татьяна Витальевна¹, Ванеев Владимир Алексеевич¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В работе осуществляется комплексный анализ архитектурного пространства как социокультурной среды, рассматриваемой сквозь призму философских и культурологических концепций. Автор прослеживает генезис научных подходов к изучению архитектурного пространства – от античных представлений о гармонии и порядке до современных междисциплинарных парадигм. Особое внимание уделяется трансформации понимания пространства: от объективной физической данности до семиотически нагруженного феномена, конституирующего человеческое существование и социальные практики. В работе выделяются и анализируются ключевые методологические подходы, такие как функционализм, коньюмеризм, средовая, феноменологическая, интеракционистская и релятивистская парадигмы. Подчеркивается переход от технократического детерминизма к антропоцентрическим моделям, акцентирующем роль человека как активного соучастника в создании и осмыслиении среды. Архитектурное пространство интерпретируется не только как материальный конструкт, но и как текст, нарратив, коммуникативная система и форма социального бытия. Используя труды классиков философии, теоретиков архитектуры и социологов, автор демонстрирует, как пространство становится медиумом культурных кодов, ценностей и властных отношений. Делается вывод о необходимости интеграции философского, культурологического и социально-психологического знания для полноценного понимания роли архитектуры в формировании современного урбанизированного мира.

Ключевые слова: архитектурное пространство; социокультурная среда; философия пространства; семиотика архитектуры; урбанистика; интерпретация пространства

Для цитирований: Чапля Т. В., Ванеев В. А. Методологические подходы к изучению архитектурного пространства в философии и науке // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 40–54.

Scientific article

Methodological Approaches to the Study of Architectural Space in Philosophy and Science

Tatyana V. Chaplyva¹, Vladimir A. Vaneev¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This paper provides a comprehensive analysis of architectural space as a sociocultural environment, viewed through the prism of philosophical and cultural

concepts. The author traces the genesis of scientific approaches to the study of architectural space—from ancient notions of harmony and order to contemporary interdisciplinary paradigms. Particular attention is paid to the transformation of the understanding of space: from an objective physical entity to a semiotically charged phenomenon constituting human existence and social practices. The paper identifies and analyzes key methodological approaches, such as functionalism, consumerism, environmental, phenomenological, interactionist, and relativistic paradigms. The transition from technocratic determinism to anthropocentric models emphasizing the role of humans as active participants in the creation and understanding of the environment is emphasized. Architectural space is interpreted not only as a material construct but also as a text, narrative, communicative system, and form of social existence. Drawing on the works of classical philosophers, architectural theorists and sociologists, the author demonstrates how space becomes a medium for cultural codes, values, and power relations. The author concludes that it is necessary to integrate philosophical, cultural, and socio-psychological knowledge for a comprehensive understanding of the role of architecture in shaping the modern urban world.

Keywords: architectural space; sociocultural environment; philosophy of space; architectural semiotics; urban studies; spatial interpretation

For citation: Chaplyva T. V., Vaneev V. A. Methodological approaches to the study of architectural space in philosophy and science. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 40–54.

Введение. В современном мире, в условиях нарастающих темпов урбанизации, глобализации, глокализации, особенно остро встают вопросы изучения архитектурного пространства города как среды пребывания человеческих индивидуумов. Многочисленные исследования в различных областях гуманистического знания (психологические, социологические, культурологические и т. д.) констатируют особое влияние специфических черт городской архитектурной среды как на психологическое состояние отдельных лиц (городских жителей) в частности, так и на специфику протекания и направленности социальных процессов (в различных группах городского населения) в целом. В данной парадигме город, как архитектурное пространство, становится не только физическим местом пребывания, характеризуемым в шкалах физических измерений (км, мин., °С и т. д.), но и особой средой знаков, образов, смыслов и ценностей, способной оказывать влияние на становление и развитие психологических особенностей отдельных индивидуумов и социальные практики целых групп населения.

Таким образом, выявленное влияние архитектурного пространства на психосоциальные особенности функционирования представителей городского населения, а также недостаточная изученность области, соответствующей заявленной теме, подчеркивают актуальность данной работы.

Целью данной работы является анализ исторических и философских подходов к изучению особенностей архитектурного пространства как среды.

Методология. Работа основана на междисциплинарном подходе, включающем философские, социологические, психологические и архитектурные теории (концепции и подходы).

Обсуждение. История архитектуры берет свое начало в глубокой древности, когда первобытные люди начали возводить свои простейшие жилища, и продолжается по сей день. В процессе ее эволюции ключевую роль играют такие факторы, как географические условия, мировоззрение, уровень экономического развития, а также достижения в области технологий, науки и искусства. Именно изменения в обществе определяют смену архитектурных стилей. Архитектура обладает социальной природой, и ее развитие тесно связано с социокультурными процессами, происходящими в жизни общества. На особенности архитектурной среды не в последнюю очередь оказывают влияние и условия жизни общества: мировоззрение, философия, религия, экономика, технические возможности, развитие наук, искусств и ремесел.

Дом в своем физическом и концептуальном смысле был воплощением социальности и выражал оппозицию дикому, а значит опасному. И. Ходдер сформировал три понятия, относящихся к модели дома европейского неолита:

- домус – пространство социальных практик, место и практика воспитания, контроля;
- агриос – внешний мир (дикая, неосвоенная природа);
- форис – дверной проем [28].

Попытки осмыслиения архитектурного пространства как особой среды; архитектуры как особой сферы человеческой деятельности предпринимались еще в глубокой древности античными авторами.

Так и в дальнейшем классическая теория архитектуры развивалась в согласии с Аристотелевым правилом: «опыт есть знание единичных вещей, искусство же – общих» [1, с. 34]. Одной из первых работ на тему архитектурного пространства как среды была работа античного римского архитектора Витрувия «Десять книг об архитектуре», где он обсуждает влияние пространства на человека и предлагает принципы создания гармоничных и комфортных жилых сред. Это прочность, польза, красота.

Впоследствии к данной теме стали активно обращаться деятели эпохи Возрождения и титаны эпохи просвещенного абсолютизма, стоящие у фундамента классической науки.

В 1746 году Шарль Батте, французский теоретик искусства, написал трактат «Изящные искусства, сведенные к единому принципу». Данный труд базировался на принципе Аристотеля: «подражай природе» и был написан под влиянием идей Джона Локка и Франсуа Мари Аруэ Вольтер. Классификация, представленная в этой работе, привела к тому, что изобразительное искусство (живопись, скульптура, архитектура и т. д.), отделенное от отраслей промышленности и различных научных и философских областей, было определено в самостоятельный раздел и получило право на общую концепцию искусства. Таким образом, изобразительное искусство выделялось на основе общего принципа подражания (*mimesis*) [4].

После эпохи Возрождения наше безоговорочное доверие к применению научной методологии в архитектуре напрямую вытекает из методов, описанных Жаком Николя Луи. Наследие Дюрана – это объективизация стиля и техники,

и установление, казалось бы, непримиримых альтернатив: технологическое строительство (функциональное) против художественной архитектуры (формальной), ложная дихотомия необходимой структуры и случайного орнамента.

По приближении к XX веку работы на тему архитектуры отходят от умозрительных размышлений, приобретая все более отчетливо научные формы и содержание (в современном понимании данных концептов).

Примечательно, что до середины XVIII века в искусствоведческой литературе на архитектурную тематику термин «пространство» практически отсутствовал. И только в XIX–XX веках, с появлением работ Г. Вёльфлина, «пространство» занимает свое место в трудах на тему архитектуры.

Исследование архитектурного пространства и его восприятия является сложной задачей, которая на протяжении долгого времени вызывает интерес как ученых, так и практиков. Одним из первых значительных вкладов в эту область стал труд Рудольфа Арнхайма, который основывал свои идеи на принципах гештальтпсихологии. В своих работах он акцентирует внимание на значении композиционных акцентов в архитектуре, которые способны привлекать внимание и создавать впечатление у зрителей. Арнхайм подчеркивает, что архитектурные элементы, обладающие смыслом, должны быть размещены в определенных позициях по отношению друг к другу для достижения наилучшего эффекта восприятия [2].

Кевин Линч в своих исследованиях акцентирует внимание на восприятии городских структур людьми. Линч выделяет следующие элементы, способствующие ориентированию в городской среде: пути; границы; районы; узлы; ориентиры [17].

Линч, опираясь на эмпирические данные, демонстрирует влияние архитектурного окружения на человеческое поведение. Его методика позволяет глубже понять, как восприятие городской архитектуры формируется в зависимости от ее структуры.

Научные работы указанных теоретиков продемонстрировали, что архитектурное пространство значительно воздействует на психоэмоциональное состояние индивидов. Это положение также получает подтверждение от других исследователей, которые акцентируют внимание на взаимодействии человека с окружающей средой.

В первой половине XX века к рассмотрению пространства в теории архитектуры подключаются отечественные исследователи: В. Ф. Кринский, А. Г. Габрический, А. Ладовский. Н. А. Ладовский рассматривает пространство как один из материалов архитектуры. В данном случае пространство выходит из зрительной оценки и сбережений «психической энергии» человека. К основным факторам архитектурной композиции Ладовский относил цвет, пропорции, объем, масштабность, динамику, ритм и закономерности взаимовлияния массы и пространства. Начиная с 70-х годов XX века в теории архитектуры начинает разрабатываться проблема «языка пространственных отношений». Ю. Едике, К. Линч, В. Ф. Маркузон [10; 18; 20] преследовали задачу выявления

специфики «архитектурного словаря», «грамматических правил» архитектурного языка.

В рамках теории архитектуры активно продолжалась разработка проблемы восприятия архитектурного пространства. Здесь эмпирические данные служат основой для разработки практических решений, направленных на структурирование пространственной среды. Цель – оптимизировать условия жизнедеятельности человека посредством рациональной организации пространства.

В философской литературе проблема человеческого переживания пространства представлена в трудах М. Хайдеггер, в контексте рассмотрения концепта «пространственности существования». Под влиянием работ Хайдеггера, его последователи стали рассматривать пространство не просто как физическую категорию, а как неотъемлемую часть человеческого существования (Г. Башляр, О. Больнов, М. Мерло-Понти) [5; 6; 21]. «Архитектурное пространство – это экзистенциальное пространство, которое образуется при помощи физического пространства, измененного культурными символами и морально-ценностной системой человека» [22, с. 30].

В постмодернистской традиции архитектурное пространство рассматривается как некий текст. Этот «визуальный язык» не отражает объективную истину, а допускает различные толкования; содержит множество равнозначных значений; не является отражением действительности, но предлагает наличие различных интерпретаций и равноценных смыслов; отходит от реализма и допускает многозначность (Р. Барт, Ж. Деррида) [3; 9].

Граница XX–XXI веков охарактеризовала себя как период перехода в новые научные парадигмы. Поскольку вопрос, рассматриваемый нами, является предметом исследований обширной части гуманитарных дисциплин (и завязан на стремительных изменениях условий социального функционирования и новых этических нормах научного сообщества), многие актуальные (современные) подходы к его пониманию отталкиваются от противопоставления подходам прошлого века (т. е. существовавших ранее).

В середине прошлого века в понимании архитектурного пространства одну из главенствующих позиций занимал функционалистский подход. Функционализм в архитектуре исходит из принципа детерминированности пространственной организации структурой жизнедеятельности обитателя пространства. В контексте данного подхода выносится постулат, что «функции» (понимаемые как человеческие потребности) обладают имманентными пространственными требованиями. При этом антропологическая модель, лежащая в основе функционализма, характеризуется редукционизмом, представляя человека как рационального агента, ориентированного на оптимизацию затрат времени и энергии.

В конце XX века прежняя доминирующая идеология, ставившая во главу угла машинизацию, обезличивание и отчуждение человека от общества и приведшая к созданию сухих и неживых функциональных проектов, утратила свою силу.

На данный момент в русле функционализма развиваются концепции «безбарьерной» среды, «всевозрастной» среды, «универсального проектирования», эргономические и антропометрические подходы.

В противовес функционализму в конце XX века появляются подходы к пониманию архитектурного пространства с ориентацией на индивидуальные особенности отдельных личностей. На фоне широкой тенденции к маркетизации развития городской среды и архитектуры в Европе и США очевидно становление парадигмы потребительства как преобладающей. Консьюмеризм – парадигма ориентации на потребителя, корни которой, однако, уходят далеко в историческое прошлое. Отличительная черта данного подхода – уважение к индивидуальным предпочтениям и потребностям клиента в формировании его жизненного пространства. Концепция «потребности», как она проявляется в различных формах консьюмеризма, с акцентом на «предпочтениях», «неудовлетворенности» и «повседневной деятельности», играет ключевую роль в формировании среды обитания. Существуют значительные различия в моделях «потребности» и «удовлетворения потребностей» между массовым коммерческим и элитарным сегментами архитектурной практики. Развитие консьюмеризма в архитектурной сфере было обусловлено внутренними изменениями в профессиональной сфере (архитектуры), в частности отказом от доминирующей ранее концепции архитектурного патернализма, предполагавшей профессиональное превосходство и право на диктат в отношении клиента. Это привело к признанию за потребителем автономии в выборе не только функциональной организации пространства, но и его художественного оформления.

В *средовой парадигме* человек рассматривается не просто как «пользователь», «потребитель», но и со-творец собственного пространства. Вместо привычного разделения на «клиента» (пользователя) и «архитектора» (создателя) средовая парадигма предполагает рассмотрение локального сообщества как единой силы, одновременно и живущей в определенном месте, и формирующей его. Иными словами, жители становятся не просто потребителями среды, созданной кем-то другим, а активными участниками ее создания и развития. Архитекторы, придерживающиеся средового подхода, исходят из того, что потребность в определенной среде не является предопределенной, а формируется и осознается в процессе ее проектирования и создания. В этой парадигме архитектор отказывается от роли авторитарного эксперта, но и не сводится к простому исполнителю желаний заказчика. Эта ветвь социально-архитектурного знания представлена сегодня концепциями «защищающего градостроительства», «архитектуры соучастия», «открытого проектирования», «Нового урбанизма», «Разумного роста». Через средовую парадигму происходит актуализация вопросов исследования архитектурного пространства посредством объединения с социальной проблематикой всей глобальности экологической темы. Эта диффузия представлена следующими концепциями: «устойчивости», «устойчивой архитектуры, города и жилища», «экопоселений» и «эcodеревень».

Феноменологическая парадигма, как и средовая, зародилась и развивалась в противодействии идеям функционализма и в стремлении утвердить в архитектуре гуманистические ценности. Она одинаково скептически воспринимает как оторванные от жизни научные теории (статистические данные, социологические опросы, формальные и усредненные социальные модели), так и очевидные, но субъективные данные о людях (например, заявленные ими потребности или наблюдаемое поведение). Феноменологическая перспектива предполагает деконструкцию привычных интерпретаций и защитных механизмов с целью доступа к непосредственному опыту сознания. В рамках этого подхода эмпирическая реальность рассматривается как конституирующая содержание индивидуального «жизненного мира». Дональд Шён концептуализировал подобный тип профессиональной деятельности как рефлексивную практику.

Благодаря феноменологии архитектурная культура получает в свое распоряжение не только более глубокое понимание, но и более изысканные инструменты для анализа и осмыслиения социальной среды: «ментальные карты» Кевина Линча, метод «семантического дифференциала», «включенное наблюдение», исследование «жизненных историй» и другие приемы «качественной социологии». Феноменологическими являются концепции «места», «делания мест», «духа места», «духа времени», «аутентичности», «отождествления (идентификации)».

В архитектурной сфере, как в теории, так и на практике, все более утверждается *интеракционистская парадигма*, которая исходит из представления о человеке как об активном участнике социальных процессов. Архитектор рассматривает социальное взаимодействие и коммуникацию как фундаментальную составляющую человеческого существования. Соответственно, архитектурное проектирование должно учитывать и поощрять эти процессы в создаваемой среде. Интеракционизм, будучи глубоко «социализированной» парадигмой, генерирует собственные социальные концепции и модели, которые активно распространяются за пределы архитектурной сферы. Концепции подхода: «соседской единицы», «комьюнити», «социальной эргономики», «общинного жилища», «центров общения», «защищающего пространства», «смешанной застройки», «промежутка».

Релятивистская традиция опирается на критику позитивизма (К. Поппер, Т. Кун). Данная парадигма опирается на социологию и психологию. В противовес объективному и формализованному знанию выдвигается на первый план субъективное понимание: как конкретные люди и сообщества интерпретируют события, социальные связи и окружающую среду, наделяя их собственными смыслами и значениями [25, с. 113–123].

Социальный аспект архитектуры претерпел значительные изменения в период с 1950-х по 1980-е годы. На смену функционализму и позитивизму пришли средовая и феноменологическая парадигмы, которые и сегодня определяют архитектурное мышление. Именно через призму этих подходов современные архитекторы рассматривают и интерпретируют социальную

реальность. Преобладание средовых и феноменологических теорий в списке наиболее цитируемых работ по социальной проблематике подтверждает их доминирующее влияние.

Благодаря происходящим изменениям архитектура как область знания, теоретическая дисциплина и профессиональная деятельность приобретает более демократичный, гуманистический и интеллектуальный характер.

Наше понимание пространства – это результат длительного исторического развития, которое продолжается и сегодня, поскольку наука постоянно расширяет наши знания. То, как люди воспринимали пространство, менялось с течением времени. Это понятие осмысливалось с разных точек зрения: религиозной, мифологической, натурфилософской и научно-философской. В мифопоэтическом мировоззрении пространство представлялось как загадочная сила, определяющая судьбу всего сущего, включая людей и богов. Пространство всегда мыслилось заполненным, не существующим в пустоте. Отсутствие пространства ассоциировалось с хаосом, который затем преобразовывался в упорядоченное пространство. Для первобытных людей пространство было одушевленным, наделенным как положительными, так и отрицательными качествами, благоприятным для одних занятий и опасным для других.

Человеческое восприятие пространства строилось по принципу оппозиций: верх и низ, правое и левое, центр и периферия. Центр, как правило, наделялся сакральным значением, являясь местом сосредоточения духовной силы (алтарь, храм). Периферия, напротив, представляла собой область потенциальной угрозы, часто выходящую за пределы освоенного мира, символизируемую фразой «иди туда, не знаю куда». Путешествие в эту «чужую» зону, характерное для мифологических и сказочных героев, приводило к ее освоению и интеграции в «свое» пространство [7, с. 38].

Мифологическое мышление подразумевает три типа пространства: пространство вертикали (одно измерение); пространство движения по кругу; пространство жидкое (тяготеет к центру, связано с водой).

В античные времена философы, стремясь постичь фундаментальные истины, уделяли значительное внимание природе пространства. В частности, Платон предлагал свою концепцию пространства: «вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся. Но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения и поверить в него почти невозможно...» [23, с. 68].

Платон предложил модель геометрического пространства, в котором существуют совершенные геометрические формы. Он утверждал, что фундаментальные строительные блоки материи – это микроскопические частицы, имеющие форму правильных многогранников, известных как Платоновы тела (куб, тетраэдр и другие). Эта концепция Платона о природе материи впоследствии легла в основу теоретических построений в области архитектурного пространства [23, с. 367].

По мнению Аристотеля, пространство и время не существуют раздельно, а образуют неразрывное единство, постоянно влияя друг на друга: «Простран-

ство и время, не бесконечно разделены, а лишь бесконечно делимы, поэтому в непрерывном движении заключается бесконечное число половин, но только не актуально, а потенциально» [1, с. 209].

Согласно Аристотелю, пространство неразрывно связано с материей и всегда заполнено телами, исключая возможность существования пустоты. Он также придерживался идеи конечности пространства.

В период между античностью и средневековьем категория пространства не являлась предметом активного философского анализа. В Средние века понимание пространства формировалось под влиянием религиозной доктрины, что привело к его разделению на сферы: земную и божественную. «Граница между этими пространствами проходит везде – в человеке, во всех вещах, в мире в целом» [16, с. 60].

В Средние века большинство людей проводили всю жизнь в пределах родного поселения, что формировало их восприятие мира. Пространство для них было целостным и определялось христианской верой. Средневековый мир представлялся как замкнутая система, где священные места являлись центром, а обыденная жизнь – периферией. При этом пространство обладало двойственностью: с одной стороны, оно было наполнено возвышенным и таинственным, с другой – представляло собой конкретную и привычную реальность.

В эпоху Возрождения формируется новая космологическая модель, характеризующаяся пересмотром представлений о пространстве. Великие географические открытия способствовали осознанию огромных масштабов Земли и, как следствие, представлению о бесконечности и непознаваемости Вселенной.

В эпоху Нового времени научная мысль не прекращала попыток осмыслить природу пространства. В частности, Рене Декарт утверждал, что пространство неразрывно связано с материей и является ее протяжением. По его мнению, пространство – это единая непрерывная субстанция, заполненная телами, что исключает возможность существования пустоты: «все пространства, которые обычно считаются пустыми и в которых не чувствуется ничего кроме воздуха, на самом деле так же наполнены и притом той же самой материей, как и те пространства, где мы чувствует другие тела». Согласно реляционной концепции Декарта, пространство и время не являются независимыми сущностями, а представляют собой систему отношений, возникающих между материальными объектами. Пространство – это форма существования материи, определяемая ее протяженностью и структурой. Время же является производным от более фундаментальных процессов, происходящих с материей. Следовательно, любое событие, происходящее в пространстве, обязательно происходит и во времени. Эта реляционная точка зрения нашла отражение в трудах Эйнштейна и Лобачевского. В отличие от этого, субстанциальная концепция рассматривает пространство как абсолютную пустоту, а время – как независимую и абсолютную длительность. Данные категории существуют как независимые сущности, не связанные ни с материальным миром, ни с происходящими в нем процессами, ни между собой [8, с. 190].

В античности и в эпоху Нового времени существовала концепция, согласно которой пространство и время являются самостоятельными сущностями, не зависящими от материи. Видными представителями этой точки зрения были Демокрит, Эпикур и особенно Исаак Ньютон, чья теория абсолютного пространства и времени оказала огромное влияние. Ньютон представлял пространство как бесконечный, трехмерный и неизменный контейнер, в котором разворачиваются все физические процессы. Однако с развитием физики, а именно после создания Эйнштейном специальной теории относительности, эта субстанциональная концепция была поставлена под сомнение. Альтернативную точку зрения предложил Иммануил Кант, который считал пространство не объективной реальностью, а априорной формой чувственности, то есть врожденной структурой нашего сознания, необходимой для организации внешних впечатлений. Для Канта пространство и время были не чем-то существующим вне нас, а фундаментальными категориями, определяющими наше восприятие мира [12, с. 380].

В ряду мыслителей, занимавшихся вопросами пространства, следует упомянуть Г. Лейбница. Согласно его представлениям, пространство – это порядок сосуществования, который не может существовать без объектов.

В отличие от Ньютона, который считал пространство абсолютной и независимой сущностью, Лейбниц утверждал, что пространство не существует само по себе. По его мнению, пространство – это не более чем совокупность пространственных отношений между объектами. Существование и свойства пространства напрямую зависят от объектов, которые его заполняют. Лейбниц ввел понятие «монад» – фундаментальных, нематериальных элементов реальности, каждая из которых обладает уникальным восприятием вселенной. Наше ощущение пространства, согласно Лейбничу, возникает именно из этих индивидуальных перспектив и их взаимосвязей. Пространство, таким образом, является ментальной конструкцией, порожденной расположением и взаимодействием монад. Лейбниц также утверждал, что не существует двух абсолютно идентичных объектов, и этот принцип распространялся и на пространство: если бы две области пространства были совершенно одинаковы, они были бы одним и тем же. Это подкрепляло его отказ от абсолютного пространства, поскольку не было бы смысла в существовании нескольких идентичных пространств. В отличие от статической картины Ньютона, Лейбниц видел пространство как динамичную сущность, изменяющуюся вместе с движением объектов и эволюцией их взаимоотношений [14, с. 480].

Согласно Хайдеггеру, пространство не является физической данностью, окружающей человека. Он понимал его как некую аморфную сущность, не имеющую ни внутренней структуры, ни внешних очертаний. Пространство, в его понимании, не содержит в себе никаких конкретных объектов. Оно проявляется лишь во взаимосвязи и взаимодействии воспринимаемых вещей [25, с. 113].

Таким образом, категория «пространство» является основополагающей в философии и широко используется как в повседневном языке, так и в науч-

ных исследованиях. Ее понимание углубляется и трансформируется с течением времени.

Как было сказано ранее, понятие пространства является ключевым и изучается в различных областях знания, включая как гуманитарные (культурология, философия, теория архитектуры, социология), так и естественно-научные и технические дисциплины (физика, математика). В связи с этим далее мы проанализируем термин «пространство», используя междисциплинарный подход.

В физике пространство рассматривается как фундаментальная, первичная сущность, в которой разворачиваются все физические процессы и существуют все объекты. Это не просто пустая вместимость, а реальный объект, обладающий физическими свойствами и предоставляющий возможность перемещения. Пространство существует независимо от наблюдателя и его представлений о нем. В отличие от математического понимания пространства как логической структуры, физическое пространство – это объективная реальность, в которой существует вся материя.

Многие математические структуры наделяются свойствами, имитирующими пространственные отношения, например, понятие расстояния или идентичности форм. Благодаря этому, мы можем рассматривать их как абстрактные «пространства», представляющие собой логически конструируемые пространственные модели. Евклидово пространство в трех измерениях, возникшее первым, является ключевым примером и служит упрощенной математической моделью физического пространства.

Стоит отметить, что архитектурное пространство неразрывно связано с социальным, поскольку архитектура служит материальным воплощением социальных отношений и процессов. Подобно тому, как П. А. Сорокин анализировал социальные явления в контексте социального пространства, архитектура отражает динамику и структуру общества. Социальное пространство, по Сорокину, представляет собой сеть социальных связей, создаваемых различными группами. Позиция в этом пространстве определяет характер взаимодействия между индивидами и социальными явлениями. Сорокин выделял два измерения социального пространства: вертикальное, подверженное изменениям из-за социальной мобильности и экономических факторов, и горизонтальное, более стабильное и связанное с личными границами [24, с. 174].

Согласно Э. Гидденсу, социальное пространство является результатом динамичного взаимодействия между социальными структурами и действующими лицами (агентами), разворачивающегося в определенном временном и пространственном контексте. М. Кастельс, анализируя современное общество, пронизанное информационными технологиями, выделяет «пространство потоков» как новую форму организации пространства, включающую в себя глобальные потоки капитала, информации, технологий, визуальных и звуковых образов, а также символов. Пространство потоков – это выражение процессов, доминирующих в экономической, политической и символической жизни людей. Кастельс рассматривает пространство как социальное явление, подчеркивая, что оно формируется под воздействием социальных практик. Он считает, что

социальные отношения первичны, а пространственные формы – их следствие [13, с. 364].

Согласно определению доктора философских наук О. И. Иванова, социальное пространство – это способ организации совместной жизни людей, сформированный исторически. В широком понимании это общая форма этой организации. В более узком – это упорядоченная система социальных позиций, необходимых для жизнедеятельности. О. И. Иванов акцентирует внимание на том, что расположение и взаимодействие людей в социальном пространстве напрямую связаны с развитием их потенциала. Это пространство состоит из различных социальных полей, которые могут быть как открытыми и доступными, так и закрытыми и недоступными.

Изучение пространства является важной темой в культурологии. Одним из важнейших трудов в этой области можно по праву считать работу А. Лефевра «Производство пространства». Лефевр исследует, как общественные, экономические и политические факторы влияют на создание и формирование пространства, в котором мы живем. Он утверждает, что пространство не является пассивным, а активно «производится» обществом, и это понимание является ключом к анализу культуры и социальных структур [15, с. 389].

Т. В. Чапля отмечает, что «именно через архитектуру человек впервые попадает в пространство культуры» [26, с. 20; 27]. Архитектурное пространство является неотъемлемой частью повседневного опыта человека, характеризуясь стабильностью и визуальной доступностью и оказывая влияние на различные аспекты его деятельности.

В своей работе А. В. Иконников, рассматривая фундаментальные понятия архитектуры – пространство и форму, подчеркивает, что архитектура как вид искусства выполняет важную культурную и гуманистическую функцию. Он полагает, что «пространство, целесообразно организованное для социально значимой цели, вмещающее человека и воспринимаемое им зрительно». Архитектура с ее предопределенной структурой важна не только для практических нужд, но и для формирования ценностных ориентиров. Она является носителем общекультурного наследия, вызывая эмоциональный отклик и эстетическое наслаждение, и представляет собой художественное произведение [11, с. 167].

В своей работе «Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве» А. В. Иконников подчеркивает, что архитектура – это не просто искусство, а сложный синтез, в котором эстетика, общественные потребности и практическая польза неразрывно связаны: «Архитектура всегда служила инструментом выражения общественных идеалов и одновременно формировалась повседневную жизнь человека» [11, с. 127].

А. В. Иконников, подобно Ю. М. Лотману, рассматривает архитектурное пространство, особенно город, как семиотическую систему. Лотман видел в городе сложный культурный механизм, гармонизирующий отношения человека и среды. Иконников подчеркивает, что архитектурные решения, основанные на идеальных моделях жизнеустройства, не только выполняют практические

функции, но и несут в себе информацию, выраженную в форме и художественной ценности.

Таким образом, по Ю. М. Лотману, архитектура – это текст в контексте: «работающий механизм, постоянно воссоздающий себя в меняющемся облике и генерирующий новую информацию» [19, с. 288].

Архитектурное пространство невозможно рассматривать только с точки зрения архитектуры. Архитектурное пространство – это многогранное понятие, выходящее за рамки одной лишь области, так как оно является и физическим, и математическим, и философским, и социокультурным понятием, отражающим взаимодействие человека с окружающим миром и другими индивидуумами.

Заключение. Исторически специфические черты различных подходов к рассмотрению архитектурного пространства были обусловлены культурно-социальными особенностями развития общества на тех или иных этапах своего становления. Представления об архитектурном пространстве всегда были связаны с развитием человечества. В современном мире, характеризующемся технологическим бумом и динамичными социальными изменениями, архитектура и дизайн требуют инновационных научных подходов к созданию и изучению пространства, учитывающих его взаимодействие с человеком и обществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. О возникновении и уничтожении. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
2. Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1984. – 193 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, Универс, Рея, 1994. – 615 с.
4. Баттё Ш. Изящные искусства, сведенные к единому принципу / пер. с фр. А. Ромма // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 2: Эстетические учения XVII–XVIII веков / ред. коллегия М. Ф. Овсянников (гл. ред.); сост. В. П. Шестаков. – М., 1964. – 834 с.
5. Башляя Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос. – М., 2002. – № 3-4. – С. 109–135.
6. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
7. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. – М.: Мысль, 1984. – 350 с.
8. Декарт Р. Размышления о первой философии. – М.: Новое знание, 1989. – 654 с.
9. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2012. – 375 с.
10. Едике Ю. История современной архитектуры: Синтез формы, функции и конструкции. – М.: Искусство, 1972. – 246 с.
11. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре градостроительства. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
12. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
14. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1989. – 870 с.
15. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
16. Либба Е. А. Средневековые представления о пространстве и времени на примере «Кентерберийских рассказов» Джейфри Чосера: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2009. – 183 с.
17. Линч К. Образ города / перевод с англ. В. Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

18. **Линч К.** Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
19. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
20. **Маркузон В. Ф.** Архитектура архаической эпохи // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 2. – М.: Стройиздат, 1973. – 742 с.
21. **Мерло-Понти М.** Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 605 с.
22. **Норберг-Шульц К.** Замыслы и метод в архитектуре. – М.: Прогресс, 1971. – 184 с.
23. **Платон.** Тимей. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. – 752 с.
24. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
25. **Хайдеггер М.** Что это такое – философия? // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
26. **Чапля Т. В.** Архитектурное и общественное поведение // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2017. – № 1. – С. 20–27.
27. **Чапля Т. В.** История архитектуры в зеркале истории коммуникативного пространства // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 136–143.
28. **Hodder I.** Burials, houses, women and men in the European Neolithic // Ideology, Power and Prehistory / eds. D. Miller and C. Tilley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 53–69.

REFERENCES

1. Aristotle. On Generation and Corruption. Moscow: Myśl, 1981, 613 p. (In Russian)
2. Arnheim R. The Dynamics of Architectural Forms. Translated from English by V. L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat, 1984, 193 p. (In Russian)
3. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics: Translated from French / Compiled, edited and with an introduction by G. K. Kosikov. Moscow: Progress, Univers, Reya, 1994, 615 p. (In Russian)
4. Battier S. The Fine Arts Reduced to a Single Principle / Translated from French by A. Romma. *History of Aesthetics. Monuments of World Aesthetic Thought:* in 5 vols. Vol. 2: Aesthetic Teachings of the 17th–18th Centuries / Edited by M. F. Ovsyannikov (chief editor). Edited and compiled by V. P. Shestakov. Moscow, 1964, 834 p. (In Russian)
5. Bashlyar G. The House from Cellar to Attic. The Meaning of Dwelling. *Logos.* Moscow, 2002, no. 3-4, pp. 109–135. (In Russian)
6. Bolnov O. F. The Philosophy of Existentialism. St. Petersburg: Lan, 1999, 224 p. (In Russian)
7. Gurevich A. Ya. The Category of Medieval Culture. Moscow: Mysl, 1984, 350 p. (In Russian)
8. Descartes R. Meditations on First Philosophy. Moscow: Novoye znanie, 1989, 654 p. (In Russian)
9. Derrida J. Fields of Philosophy / translated from French by D. Yu. Kralechkin. Moscow: Academic Project, 2012, 375 p. (In Russian)
10. Edike Yu. History of Modern Architecture: Synthesis of Form, Function and Construction. Moscow: Art, 1972, 246 p. (In Russian)
11. Ikonnikov A. V. Space and Form in Urban Architecture. Moscow: KomKniga, 2006, 352 p. (In Russian)
12. Kant I. Universal Natural History and Theory of the Heavens. Moscow: Mysl, 1964, 799 p. (In Russian)
13. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: GU-VShE, 2000, 608 p. (In Russian)
14. Leibniz G. W. Theodicy: On the Goodness of God, Human Freedom, and the Origin of Evil. Leibniz, G. W. Works: In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1989, 870 p. (In Russian)
15. Lefebvre A. The Production of Space. Moscow: Strelka Press, 2015, 432 p. (In Russian)
16. Libba E. A. Medieval conceptions of space and time as exemplified by Geoffrey Chaucer's Canterbury Tales: abstract of dissertation ... candidate of cultural studies. Moscow, 2009, 183 p. (In Russian)
17. Lynch K. The Image of the City / translated from English by V. L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat, 1982, 328 p. (In Russian)
18. Lynch K. The Perfect Form in Urban Planning. Moscow: Stroyizdat, 1986, 264 p. (In Russian)
19. Lotman Yu. M. Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds: Articles. Research Notes. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000, 704 p. (In Russian)
20. Markuzon V. F. Architecture of the Archaic Era. *General History of Architecture:* In 12 vols. Vol. 2. Moscow: Stroyizdat, 1973, 742 p. (In Russian)
21. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. St. Petersburg: Juventa: Nauka, 1999, 605 p.

22. Norberg-Schulz K. Concepts and Methods in Architecture. Moscow: Progress, 1971, 184 p. (In Russian)
23. Plato. Timaeus. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2007, 752 p. (In Russian)
24. Sorokin P. A. Man. Civilisation. Society. Moscow: Politizdat, 1992, 543 p. (In Russian)
25. Heidegger M. What is Philosophy? *Questions of Philosophy*, 1993, no. 8, pp. 113–123. (In Russian)
26. Chaplyva T. V. Architectural and Social Behaviour. *Interexpo Geo-Siberia*, 2017, no. 1, pp. 20–27. (In Russian)
27. Chaplyva T. V. Die Geschichte der Architektur im Spiegel der Geschichte des Kommunikationsraums. *Bulletin der Staatlichen Universität Tomsk*, 2017, no. 415, pp. 136–143. (In Russian)
28. Hodder I., 1984. Burials, houses, women and men in the European Neolithic. D. Miller und C. Tilley (Hrsg.) Ideology, Power and Prehistory. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 53–69.

Информация об авторах

Т. В. Чапля, доктор культурологии, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

В. А. Ванеев, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, vladimir.vaneev.00@mail.ru

Information about authors

Tatyana V. Chaplyva, Doctor of Culturology, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

Vladimir A. Vaneev, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, vladimir.vaneev.00@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 12.06.2025

The article was submitted: 12.06.2025

Одобрена после рецензирования: 12.09.2025

Approved after reviewing: 12.09.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

Accepted for publication: 19.09.2025

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM

PART III. AD MEMORIAM

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 3

Culture and anthropology research journal. 2025. № 3

Обзорная статья

УДК 130.2+37.017+ 821.161.1

Слово Пушкина: смысл и судьба.

Часть 1. Наследие русского гения в современной Монголии

Материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства» (30.11.2024)

**Магсар Цэвээн^{1,2}, Хишигдулам Нанжидмаа², Мунхдаваа Нэргүй³,
Оюунбат Цэвээнравдан⁴, Везнер Сергей Иванович⁵, Рязанов Вячеслав
Александрович⁶, Изгарская Анна Анатольевна^{7,8}**

¹Монгольская ассоциация преподавателей русского языка и литературы,
Улан-Батор, Монголия

²Монгольский национальный университет образования, Улан-Батор,
Монголия

³Средняя школа № 93, Улан-Батор, Монголия

⁴Центр русского языка, Улан-Батор, Монголия

⁵Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия

⁶Средняя общеобразовательная школа № 68, Кемерово, Россия

⁷Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

⁸Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия

Аннотация. 30 ноября 2024 года состоялось XVIII заседание Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства». Вебинар был посвящен 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Мероприятие было подготовлено отделом социальных и правовых исследований ИФПР СО РАН, кафедрой права и философии НГПУ и кафедрой английского, немецкого языков МНУО. Первая часть вебинара была подготовлена учеными и педагогами из Монголии. Доклад «*Некоторые особенности перевода русских реалий на монгольский язык: на примере перевода поэмы А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”*» прочитал президент Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МонАПРЯЛ), доктор философии

(PhD), профессор Ц. Магсар. Докладчик обобщил и описал проблемы, с которыми он столкнулся в процессе перевода поэмы А. С. Пушкина на монгольский язык. Основное содержание доклада было посвящено проблемам перевода образов и персонажей пушкинской поэмы, которые не имеют монгольских эквивалентов. Второй доклад «Поэзия А. С. Пушкина на уроках в монгольской школе и культуре» сделали учитель русского языка средней школы № 93 Улан-Батора Н. Мунхдаваа, заведующий Центром русского языка Ц. Оюунбат и старший преподаватель кафедры английского, немецкого языком МНУО Н. Хишигдулам. В докладе было раскрыто значение творчества А. С. Пушкина для развития межкультурных связей народов Монголии и России. Многие произведения А. С. Пушкина входят в программы изучения русского языка в монгольских школах и университетах, что позволяет монгольским школьникам и студентам понять особенности русской культуры. Положительную роль в изучении биографии А. С. Пушкина играют онлайн-экскурсии, размещенные на сайтах музеев г. Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: творчество А. С. Пушкина; проблемы перевода с русского языка на монгольский; перевод культурно-маркированных элементов; поэтический перевод; образовательные программы русского языка и литературы в Монголии; онлайн-экскурсии; методы мотивации к чтению

Для цитирования: Магсар Ц., Хишигдулам Н., Мунхдаваа Н., Оюунбат Ц., Везнер С. И., Рязанов В. А., Изгарская А. А. Слово Пушкина: смысл и судьба. Часть 1. Наследие русского гения в современной Монголии // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 55–77.

Review article

Pushkin's Word: Meaning and Destiny.

Part 1. The Legacy of Russian Genius in Modern Mongolia

Proceedings of the session of the National scientific webinar on the problems of social sciences and humanities with international participation “Connecting spaces” (30.11.2024)

**Tseveen Magsar^{1,2}, Nanjidmaa Khishigdulam², Nergui Munkhdavaa³,
Tseveenravdan Oyunbat⁴, Sergey I. Vezner⁵, Vyacheslav A. Ryazanov⁶,
Anna A. Izgarskaya^{7,8}**

¹Mongolian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Ulaanbaatar, Mongolia

²Mongolian National University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia

³Secondary School № 93, Ulaanbaatar, Mongolia

⁴Russian Language Centre, Ulaanbaatar, Mongolia

⁵Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia

⁶General Secondary School № 68, Kemerovo, Russia

⁷Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

⁸Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPL SB RAS), Novosibirsk, Russia

Abstract. The XVIII session of the National scientific webinar on the problems of social sciences and humanities with international participation “Connecting Spaces” was held on 30 November 2024. The webinar was dedicated to the 225th anniversary of the birth of A.S. Pushkin. The event was prepared by the Social and Legal Research Division of IPL SB RAS, the Department of Law and Philosophy of the NSPU and the Department of English, German Languages of the Mongolian National University of Education. The first part of the webinar was prepared by scholars and educators from Mongolia. The report “Some peculiarities of translation of Russian realities into Mongolian: on the example of translation of A.S. Pushkin’s poem *Ruslan and Lyudmila*” was made by the President of the Mongolian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philosophy (PhD), Professor Ts. Magsar. The speaker summarized and described the problems he encountered in the process of translating Pushkin’s poem into Mongolian. The main content of the report was devoted to the problems of translating the images and characters of Pushkin’s poem, which have no Mongolian equivalents. A teacher of Russian language at Secondary School № 93 of Ulaanbaatar N. Munhdavaa, teacher of Russian and English languages and head of the Russian Language Centre T. Oyunbat, and a senior lecturer at the English and German languages Department of MNUE N. Khishigdulam made a report “Pushkin’s Poetry in Mongolian School and Culture”. The report emphasised the importance of A.S. Pushkin’s works for the development of intercultural relations between the peoples of Mongolia and Russia. Many works by A.S. Pushkin are included in Russian language study programmes in Mongolian schools and universities, which allows Mongolian schoolchildren and students to understand the peculiarities of Russian culture. Online excursions posted on the websites of St. Petersburg museums play a positive role in the study of A.S. Pushkin’s biography.

Keywords: A. S. Pushkin’s works; problems of translation from Russian into Mongolian; translation of culturally marked elements; poetic translation; educational programmes of Russian language and literature in Mongolia; online excursions; methods of motivation to reading

For citation: Magsar Ts., Khishigdulam N., Munkhdavaa N., Oyunbat T., Vezner S. I., Ryazanov V. A., Izgarskaya A. A. Pushkin’s word: meaning and destiny. Part 1. The legacy of russian genius in modern Mongolia. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 55–77.

В обсуждении докладов участвовали: д-р филос. наук, профессор, профессор Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова Анжиганова Лариса Викторовна (Абакан, Россия); заведующий кафедрой английского и немецкого языков МНУО Ариунцэнгэл Мижжидорж (Улан-Батор, Монголия); студент первого курса МНУО Балдандорж Батбаатар (Улан-Батор, Монголия); профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени аль-Фараби, д-р филос. наук, профессор Бегалинова Калимаш Кансамаровна (Алматы, Казахстан); канд. пед. наук, профессор кафедры эдукологии МНУО Ичинхорлоо Шагжжав (Улан-Батор, Монголия); профессор кафедры философии Сибирского федерального университета, д-р филос. наук, профессор Пфаненштиль Иван Алексеевич (Красноярск, Россия); канд. филос. наук, старший научный сотрудник отдела социальных и политических исследований Ушаков Дмитрий Викторович (Новосибирск, Россия); канд. филос. наук, доцент, заместитель директора по общим вопросам Гуманитарного

института Новосибирского государственного университета *Филиппов Сергей Иванович* (Новосибирск, Россия), доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков НГПУ *Чернобров Алексей Александрович* (Новосибирск, Россия).

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Сегодня мы проводим XVIII заседание Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединянем пространства». Вебинар посвящен 225-летию со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. Вашему вниманию будут предложены четыре доклада. Хочу отметить, что сегодня у нас докладчиками выступают не только представители академической науки. Произведения А. С. Пушкина входят в нашу жизнь с детства, поэтому сегодня будет предоставлено слово школьным учителям.

Первый наш докладчик – президент Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МонАПРЯЛ), доктор философии (PhD), профессор Магсар Цэвээн. Он сделает доклад на тему: «Некоторые особенности перевода русских реалий на монгольский язык: на примере перевода поэмы А. С. Пушкина “Руслан и Людмила”». Но для того чтобы более полно представить профессора Ц. Магсара, я передаю слово монгольскому модератору нашего вебинара, старшему преподавателю кафедры английского, немецкого языков МНУО Н. Хишигдулам.

Хишигдулам Н. Уважаемые коллеги, я рада вам представить профессора кафедры перевода русской литературы МНУО Ц. Магсара. Являясь переводчиком и литературоведом, он известен своими работами в области перевода произведений русских и западных авторов на монгольский язык. Стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, С. А. Есенина, герои пьесы «Собачье сердце» М. А. Булгакова и пьесы «Чинзано» Л. Петрушевской стали близкими монгольскому читателю благодаря его переводам. Если перечислять все его награды и звания, то это займет много времени. Отмечу только то, что он неоднократно побеждал в конкурсах по переводу русской классической литературы, за большой вклад в развитие и укрепление культурных связей он награжден Государственной медалью Российской Федерации «Медаль Пушкина», а также «Медалью Лермонтова» Российского союза писателей. Передаю слово Вам, профессор Ц. Магсар.

Магсар Ц. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Благодарю Вас за приглашение выступить на научном вебинаре «Соединянем пространства». Коллеги меня слишком громко представили, я рядовой переводчик и рядовой учитель. Предлагая вам тему доклада о переводе произведения А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», я осознаю проблемы, связанные с тем, что у вас нет багажа монгольской лексики. Поэтому я попытаюсь использовать те моменты перевода, которые будут вам понятны.

Перевод русских реалий и этнокультурных явлений из поэтических текстов является одной из самых трудных задач для переводчика, особенно когда речь идет о переводе между языками с разным культурным фоном, как русский и монгольский. В своем докладе я постараюсь осветить некоторые проблемы,

с которыми столкнулся при переводе поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» на монгольский язык.

«Руслан и Людмила» – одно из тех поэтических произведений, которое носит чисто национальный или этнокультурный характер. Это поэма, где «русский дух» чувствуется со всей отчетливостью, где «русью пахнет» чуть ли не каждая строка. Но мы постарались перевести ее в общую ауру «монгольского духа» с той целью, чтобы ее читали и изучали монголы, чтобы она «жила» на монгольском языке. Естественно, в подобных ситуациях появляется большое количество спорных, а иногда сомнительных вопросов, которые приходится решать одному только переводчику.

Проблемы, с которыми мы столкнулись при переводе поэмы, условно можно разделить на три группы.

Во-первых, национально-специфические явления или предметы, названия которых соотносимы с монгольским культурным фоном, например названия музыкальных инструментов – *гусли, арфа, волынка*. Их можно перевести аналогичными монгольскими названиями (*гусли и арфа – ятга; волынка – цуур*), хотя русские и монгольские денотаты не соотносятся между собой. Необходимо отметить, что некоторые русские музыкальные инструменты давно уже носят монгольские названия: *арфа – морин ятга; баян – баян хуур* («баян» – по-монгольски «богатый», что далеко не соответствует русскому «баяну», схожему по корню с вещим Бояном; «хуур» – референциальная единица для музыкального инструмента обычно в составе слов: морин хуур, аман хуур, баян хуур и т. д.). Таким образом, общие монгольские названия «ятга», «цуур» вполне могут сохранять информативную ценность русских денотатов.

Имена героев или нарицательные имена следует переводить, если они носят какой-либо ценностно-информационный характер [1, с. 56]. В данном случае они обычно бывают переводимыми. Мы сочли необходимым перевод имени одного героя – *Черномор*, в котором содержится явная информация в прямом смысле – «черный мор». Оно вполне соответствует монгольскому «хар тахал» (черная эпидемия). Таким же образом переведено слово «*арап*». «Арапов длинный ряд» (в нашем переводе «хар цэргийн урт цуваа», что означает «длинный ряд черных войск») представлен в нашем варианте, может быть, в более отрицательной, чем в оригинале, образной оболочке, так как монгольский «хар цэрэг» носит двоякий информативный характер, где смысл одного, исторически закрепленного в национальном сознании, превалирует над другим – тем, что имеется в виду в поэме.

Во-вторых, русские сказочные герои или типичные образы, с которыми монгольские читатели так или иначе знакомы, поскольку многие русские сказки давно были переведены на монгольский язык, включены в школьные учебники и среди читателей пользуются большой популярностью. Например, такие сказочные персонажи, как Баба Яга (*Нисдэг шулам*), Василиса Прекрасная (*Сайхан Василиса*), Русалка (*Лусын охин*), мальчик-с-пальчик (*чигчийн чинээ хүү*), а также художественные образы «шапка-невидимка» (*далдын хар малгай*), «колобок» (*өнхрүүш*), сюжет с избушкой на куриных ножках и многие другие по-

пулярны среди монгольских детей, поэтому в переводе таких имен (наименований) особых затруднений нет. Таким образом, уже имеющийся в национальной культурной среде культурный фон той нации, которая является создателем текста, может служить только благоприятной почвой для перевода [2, с. 49]. Нужно отметить, что такой фон формируется, в первую очередь, посредством самого перевода и с развитием духовных контактов различных народов, тем более соседствующих, имеет тенденцию к расширению.

В-третьих, образы или персонажи, не имеющие монгольских эквивалентов. Их можно сгруппировать по трудности в трансформации, основываясь на том, насколько широк информативный объем данной лексической единицы или художественного образа. Разумеется, чем шире информативный объем, тем меньше возможностей в подборе подходящих эквивалентов, тем сложнее перевод. Например, русская «котомка» – дорожная сумка, носимая за плечами, – если она за седлом, вполне может переводиться на монгольский «богц» – дорожная сумка, носимая за седлом. «Кафтан» – старинная долгополая русская одежда – в переводе нами опущено, а высказывание «держаться за кафтан» было переведено одним словом «хормойдох», что означает «хвататься за по-дол», где в монгольском сознании будет подразумеваться своя национальная одежда «дээл». Таким образом, «кафтан» подсознательно трансформируется в «дээл». Или, скажем, в строчках «Кругом курильницы златые подъемлют ароматный пар» сама картина зарождается в монгольском сознании курильницы для благовонного курения можжевельника чаще в буддийских храмах, что также не вызывает особых затруднений в трансформации поэтического текста, хотя денотаты совершенно разные. Эти примеры представляют определенный ряд лексических единиц совершенно другого рода или вида, чем то, что дается в переводе, однако в художественно-информационном плане они вполне заменимы. Но нельзя распространять данный прием на другие лексемы, тем более, если они имеют дополнительный информативный смысл. Например, в переводе на русский язык романа известного монгольского писателя Ч. Лодойдамба «Прозрачный Тамир» национальный монгольский сапог «гутал» был передан транслитерацией (*гутул*), так как он содержал в себе информации больше, чем обычный русский сапог: в гутале можно было ездить сутками верхом зимой в сорокоградусный мороз. Дополнительные информативные доли существительного «гутал» – сделан из хорошей кожи, имеет теплую войлочную подкладку до самого колена, удобный для езды верхом и т. д. – свидетельствуют о том, что сапог не может стать гуталу эквивалентом [3, с. 56].

Следующая группа – это лексические единицы или художественные образы, которые вообще не имеют точных денотатов в монгольском языке, но формальные эквиваленты для них могут быть найдены. Стока «Одна, красавица младая на берегу плела венок» в нашем переводе на монгольский язык выглядит, может быть, без лексической потери («Усны хөвөөд залуу бүсгүй өнгийн цэцэг сүлжиж суув»), но сам род деятельности «плести венок» или вообще «венок» (более близкий вариант: «цэцгээр титэм сүлжих») для монгола нетипичен. Поэтому очень возможно, что данная картина для рядового монгольского

читателя может вызвать ассоциацию, что человек плетет венок от безделья. Также и «венец». Стока «венец любви, венец желаньям» переведена нами в двойном смысле, где «венец желаньем» («хүслийн зовлон») соотнесен со смыслом «страдание от желания», а «венец любви» («хайрын титэм») – вроде «вершины любви» или «венца любви». Или, например, «русская баня» («орос уур»). Наша современность дает возможность перевести данное слово благодаря тому, что в настоящее время в Монголии появилось много финских бань. С особым затруднением в этом ряду получился перевод понятия «черная книга» («хар судар»). Хотя выбранный вариант в образном плане, на наш взгляд, обеспечивает смысловой оттенок переводимой единицы, но традиционный монгольский хар сутар – это что-то другое, а именно книга, содержащая тексты черной магии, заклинания, магические слова и пр. Поэтому понятие «чернокнижный язык» («хар судрын тарни») получилось как «заклинание чернокнижия», где информативный характер несколько изменен.

Самым трудным является перевод особенных культурно- или национально-маркированных элементов, информативная ценность которых так или иначе ущемляется в переводе. В частности, имена из различных источников, в том числе религиозно-мифологических (Диана, Орфей, Дорида, Дельфира и др.), обычно даются в оригинале с определенной целью [4, с. 268; 5, с. 14]. Например, Орфей – это не только персонаж древнегреческой мифологии, символизирующий певца и музыканта. В поэме «Руслан и Людмила» Северным Орфеем А. С. Пушкин называет своего любимого поэта В. Жуковского. Наверное, Орфей как мифологический образ певца или музыканта в поэтическом тексте вполне мог быть переведен на монгольский язык точно таким же монгольским эквивалентом «Янжинлхам». Но здесь на этот образ поэт накладывает дополнительную информацию, извиняется перед В. Жуковским, что не мог не поддаться влиянию его стиля («...в повести моей забавной теперь восслед тебе лечу»), используя в своей поэме сюжет из его «Двенадцати спящих дев». Там, где возможно в подобных случаях, приветствуется комментированный способ. Например, при переводе такого понятия, как «Рыцари парнассских гор», нами использован данный способ («Хэзээний цут Парнас уулын хэл амаараа тэрслэгчид»), где само слово «рыцари» опущено и заменено понятием «противоборствующие в споре» («хэл амаараа тэрслэгчид»), поскольку переводом слова «рыцари» нельзя передать даже часть скрывающейся за этим информации о том, что поэты времен А. С. Пушкина, поднимающие шум, занимающиеся пустословием, не нравились автору «Руслана и Людмилы». Также опущено имя Мильпомены. «Плохой патомец Мильпомены» в монгольском переводе представлен как «плохой актер, выступающий в роли трагического героя» («эмгэнэлт дүрийн муу жүжигчин»).

Поэтический перевод, особенно перевод насыщенного национальными, историческими, этнокультурными и другими элементами текста XIX века, всегда осложняется проблемой, которая состоит в том, как охватить содержание материала разумной формой [6, с. 134]. Для решения этой проблемы мы использовали около тридцати дополнительных комментариев в виде приложения

к переводу. Например, «Лелем свитый венец», «природный финн», «пустынные рыбари», «рыцари парнасских гор», «лукоморье», история Громобоя (сюжет из «Двенадцати спящих дев»), «Лемноса хромой кузнец», «монах», «печенеги», «чета духов», «сады Армиды», «Царь Соломон», «князь Тавриды», «Фидий», «Орловский», «Зоил», «Климена» и др. без комментария недоступны большинству читателей. Например, «чета духов» («гүс савдаг, албин савдаг»), «печенеги» («тонуулч босуулдууд») переведены нами способом генерализации. Большую трудность для нас представляло понятие «пустынные рыбари». От слова «рыбари» нам пришлось вообще отклониться и остановиться только на слове «пустынный», заменив рыбарей на отшельников («аглаг хөвчийн даяанчид»), что предполагало знакомый для монголов род деятельности отшельничества, традиционно распространенный среди восточных религиозных созерцателей.

Есть ряд моментов, которые связаны с русским народным фольклором или непривычны для восточных национальных обычаев и нравов. В нашем варианте перевода они опущены. Например, «в радости лобзает руку», «при-свистнул коня», «перчатки» (для воина) опущены, «прижать к устам перст» в одном месте опущено, так как их перевод, очень возможно, придаст непонятные штрихи к портрету героев. Опущена у нас также строка «Повеселись, мой верный меч! Повеселись, мой конь ретивый!». Переведена в другом, в более нейтральном стиле строка «Я еду, еду, не свищу, А как наеду, не спущу!», потому что эти строки отчетливо представляют стиль народного фольклора, который требует особого переводческого приема.

Как видим, тут представлены примеры, на наш взгляд, не простые для перевода с русского языка на монгольский, потому и проблемные для переводчика. Все эти проблемы носят единичный характер, мало поддаются обобщению (наше обобщение совершенно условное), поэтому каждый переводчик решает их по-своему, основываясь на своей интуиции. Есть трудности в понимании, особенно, если материал отдален в временном или содержательном плане, и есть трудности в передаче. Естественно, самой проблемной являются трудности в передаче.

Монгольский и русский языки, хотя и неродственные, имеют постоянное взаимодействие, поскольку соседствуют, следовательно, исторически имеют следы взаимного влияния. А это есть фактор, благоприятствующий художественному переводу русских этнокультурных явлений из «Руслана и Людмилы». В процессе мировой глобализации проблемы, имеющиеся в интеллектуальном общении людей, в том числе проблемы, затрудняющие художественный перевод, будут нивелироваться, однако поэтический перевод этнокультурных и национально-специфических явлений всегда будет интересовать переводоведов и культурологов. Тут уместно упомянуть Г. Гачечиладзе, который писал: «Художественный перевод колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала перевод. Теоретически нет ничего легче, как синтезировать эти два принципа и объявить идеалом точно воспроизводящий оригинал и художественно полноценный перевод. Но на практике

подобный синтез невозможен: на различных языках пользуются совершенно различными средствами для выражения одной и той же мысли. Дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом» [7, с. 144]. Также было и у нас. Мы старались, чтобы прочитавший «Руслана и Людмилу» на монгольском языке, получил такое же удовольствие и впечатление, что и прочитавший на русском. Поэтому, как было сказано, перевод пришлось где-то адаптировать к монгольской культуре. Но дух произведения, его художественно-эстетическая ценность, надеемся, не утеряны. Спасибо, коллеги, за внимание!

Изгарская А. А. Спасибо, профессор Ц. Магсар! Коллеги, пожалуйста, задавайте вопросы.

Чернобров А. А. Я хочу поблагодарить докладчика за очень интересный доклад! Я всегда приветствую такие исследования, которые сопоставляют культуры, далекие друг от друга в лингвистическом плане. У меня два вопроса. Во-первых, в Вашем докладе меня заинтересовали невербальные вещи. Вы сказали, например, что такая фраза, как «приложила к устам палец», вызвала затруднение в переводе. В русской культуре этот жест означает призыв к молчанию. А что это означает в монгольской культуре? Почему фраза вызвала затруднение?

Магсар Ц. Да, в русской культуре это призыв к молчанию. Но если дословно фразу перевести, то ее смысл для монгольского читателя будет непонятен. У монголов нет подобного жеста, и у меня не получилось включить в перевод данный штрих.

Чернобров А. А. Еще вопрос. Мне очень понравилось то, как Вы перевели имя «Черномор» – «Черный мор». И Вы, скорее всего, знаете, что у А. С. Пушкина в «Сказке о царе Салтане» тоже есть «Черномор», но он Черномор, потому что выходит из Черного моря, корень взят отсюда. Таким образом, Вы передаете мрачный образ «Черномора» в «Руслане и Людмиле». Очень интересно, как Вы перевели на монгольский «Кощей Бессмертный»? В самом начале произведения он «над златом чахнет». И там много таких слов. Например, «русалка»?

Магсар Ц. Кощей Бессмертный – злой, бессмертный колдун. В русских сказках его образ часто присутствует и он известен монгольскому читателю по другим переводам. Относительно русалок, мне удалось лишь отчасти перевести это слово на монгольский язык. В русской культуре этот сказочный персонаж обладает не только положительной коннотацией, но и отрицательной. Отрицательность передать не удалось.

Анжиганова Л. В. Добрый вечер, коллеги! У меня вопрос к уважаемому профессору Ц. Магсару как к педагогу, как учителю. Мои монгольские друзья по студенчеству, а училась я очень давно, говорили на русском языке свободно, они очень хорошо знали русскую поэзию. Относительно недавно, в 2010 г., мы проводили в Монголии Международную этносоциологическую школу и отметили серьезные изменения. Нашим слушателям, очень молодым людям, таким же как молодежь нашего времени, русский язык уже не так близок. Скажите, пожалуйста, востребована ли сейчас русская поэзия и понятны ли

стихи А. С. Пушкина молодежи? Или эта поэзия остается только для нашего поколения и таких ценителей, как Вы?

Магсар Ц. Спасибо. Это больной для меня вопрос. Читателей, владеющих русским языком, становится все меньше. Сфера русского языка в Монголии сужается. Я, как человек, возглавляющий организацию монгольских русистов, вместе с моими коллегами всегда поднимаю эту проблему перед нашим государством. Однако читатели остались, читают переводы на монгольском, и на английском, читают и на русском языке. Литература всегда находит путь к своему читателю, тем более такая литература, как русская классика. Я надеюсь, что мы не потеряем эту часть нашей духовной сферы.

Везнер С. И. Добрый день, профессор Ц. Магсар. Позвольте узнать, Вы себя считаете билингвом? Вы так замечательно знаете русский язык. Как происходит процесс переработки информации? Это как синхронное звучание или это происходит как «перевод» текста, «перенос» в другую культуру?

Магсар Ц. Я не совсем билингв. Относительно механизма, думаю, что в большей мере это вопрос психологии. Переводчики придерживаются или культурологического подхода, эстетического направления перевода художественной литературы, или переводят дословно, передают лексику, которая имеется в тексте. Это разные подходы. Я всегда придерживаюсь эстетического направления в переводе.

Везнер С. И. Позвольте тогда еще один вопрос. Наблюдается ли какое-то влияние перешедшего на монгольский язык эстетического содержания на монгольскую культуру? Может быть, например, появились какие-то подражания этому произведению, его стилю или ничего об этом не известно?

Магсар Ц. Я затрудняюсь ответить на Ваш вопрос. При переводе важно сохранять стиль. В данном случае, стиль А. С. Пушкина. Но если переводчик одним и тем же стилем переводит и А. С. Пушкина, и М. Ю. Лермонтова и других поэтов, то это плохо.

Бегалинова К. К. Спасибо, профессор Ц. Магсар за Ваш замечательный доклад. Когда мы говорим о А. С. Пушкине, то можно заметить, что ни один народ к нему не равнодушен. Стихи А. С. Пушкина переводили и у нас в Казахстане. В частности, наш великий переводчик Абай переводил «Евгения Онегина». Многие переводчики, включая казахских специалистов, говорят о сложности перевода поэзии с русского языка. Как Вам кажется, чем это вызвано? Как Вы справлялись с этим? Можно ли делать дословный перевод?

Магсар Ц. Скажу сразу, у меня недословный перевод. Я считаю, что стержнем художественной литературы является метафора. Метафоры следует передавать подобными метафорами другого языка. Тогда появляется образность. Это является основой эстетики текста. Конечно, это не всегда достигается на сто процентов. Есть моменты, которые невозможно передать при помощи метафоры. Иногда приходится дословно переводить. Это часто связано с национальным бытом. В Монголии метафоры связаны больше с животноводством, а в России они иные.

Ариунцэнгэл М. Спасибо за интересный доклад! Я бы хотел спросить о фонетических аспектах перевода, например, количество столпов, или слогов. Вы придерживаетесь в этом плане каких-то принципов?

Магсар Ц. Восточное стихосложение совсем другое. Русская поэзия – европейское стихосложение. Количества слов в строфе еще можно придерживаться, а метрики – невозможно. Текст должен быть созвучен монгольскому стихосложению.

Филиппов С. И. Спасибо за интересный доклад! В нем Вы говорили о сложностях перевода поэтического текста с русского на монгольский язык. Источник проблем здесь понятен, совершенно разные языковые семьи. А были ли Вами выявлены в процессе перевода какие-то сходства между двумя языками, возможно, не на структурном, а на лексическом уровне? Почему возникает такой вопрос? В российской истории, филологии, лингвистике было особо популярным такое направление, как *евразийство*. Лингвисты этого направления, в частности Р. Якобсон, утверждали, что русский язык, как и русская культура, содержит столь много заимствований из тюрksких языков, что его сложно отнести к индоевропейским языкам. Вы бы согласились с данной гипотезой?

Магсар Ц. Нет. Категорически нет. Об этом даже подумать невозможно, когда переводишь.

Ушаков Д. В. Спасибо за очень интересный доклад! Я бы хотел пояснить нашим российским коллегам сложность монгольского языка. Монголы иначе строят фразу. Мы как-то проводили опрос в Монголии. Необходимо было перевести анкету на монгольский язык. Дословный перевод анкеты ничего бы не дал, вопросы оказались бы непонятными для монголов. Когда мы занялись переводом, то монгольский переводчик давала три-четыре формулировки и предлагала нам выбрать вариант.

Пфаненштиль И. А. Уважаемый Ц. Магсар, я восхищен Вашим огромным трудом! Сколько лет Вам потребовалось на перевод «Руслана и Людмилы»? Я сам двуязычный человек. Как-то я пытался перевести стихотворение С. Есенина на немецкий язык, я был в ужасе от того, что у меня получалось. Я нашел перевод этого стихотворения у немецких поэтов и понял, что их перевод очень далек от оригинала, это было совсем не то, что я читал на русском языке. Есть душа народа, она непереводима. Как это у А. С. Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...». Можно, конечно же, говорить о том, что есть монгольский дух. И передать душу языка практически невозможно, и преклоняюсь перед тем, что Вы это сделали, сближая наши культуры.

Магсар Ц. Я преподаю студентам русскую литературу. Взял в библиотеке предыдущий перевод «Руслана и Людмилы», стал читать, он мне не понравился. Взялся переводить сам. Ушло на это у меня почти два года. Я хоть и занимаюсь русской литературой, но не могу сказать, что это был легкий процесс. Каждый отрывок текста содержит в себе огромную информацию, которая не всегда бывает доступна.

Изгарская А. А. Спасибо, профессор Ц. Магсар! Теперь я предоставляю слово монгольским педагогам. С докладом «Поэзия А. С. Пушкина на уроках

в монгольской школе и культуре» выступят учитель русского языка средней школы № 93 Улан-Батора Н. Мунхдаваа, заведующий Центром русского языка Ц. Оюунбат и старший преподаватель кафедры английского, немецкого языков МНУО Н. Хишигдулам.

Хишигдулам Н. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Мы поделили наш доклад на три части. Н. Мунхдаваа расскажет о том, как творчество А. С. Пушкина представлено в монгольском среднем образовании. Далее Ц. Оюунбат – о месте произведений А. С. Пушкина в высшей школе Монголии, а затем я кратко дам характеристику влияния поэзии А. С. Пушкина на монгольскую культуру.

Мунхдаваа Н. В школьных программах изучение произведений Пушкина является обязательной частью курса по русскому языку и литературе. Произведения Пушкина, такие как «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Зимнее утро» и «Я вас любил», помогают учащимся развивать навыки чтения, анализа и интерпретации текстов. На уроках литературы творчество А. С. Пушкина вводится в контекст русской истории и культурных традиций, позволяя учащимся понять особенности российского общества и мировоззрения.

В пятом классе на уроках литературы изучается сказка А. Пушкина «О золотой рыбке». Эта сказка не воспринимается монгольскими детьми как произведение иностранного автора, им она кажется народной сказкой. Образы пушкинских героев реалистичны, а события насыщены, что трогает детские сердца и оказывает воспитательное воздействие. Конечно, нельзя не отметить значение профессионального перевода сказки, осуществленного известным монгольским писателем и переводчиком Ц. Дамдинсуреном.

Готовясь к докладу, я провела урок, посвященный поэзии А. С. Пушкина, на котором попыталась выяснить впечатления, которые она вызывает у школьников восьмого класса. Следует отметить, что выбор произведения для чтения я оставила за ребятами. Приведу в качестве примеров некоторые их ответы.

Г. Тэмүүлэн: «Возможно, Пушкин посвящал свои стихи многим женщин(ам), потому что он видел доброту и красоту в людях».

Э. Энхсүлд: «Когда я учился в шестом классе, я нашел зеленую книгу и захотел ее прочитать, но не знал ни одного слова. Я рад, что благодаря сегодняшнему занятию я понял цель этой книги. Я начал читать роман “Евгений Онегин”. Это сложно, но я стараюсь уловить его смысл».

Саранггоо: «Когда я прочитала стихотворение “Я вас любил...”, я сначала его не поняла. Но я перевела его по-своему, чтобы разобраться».

О. Доржшанд: «Я прочитала “Сказку о золотом петушке”. Я поняла, что если человек не выполняет обещаний, то обязательно впоследствии пострадает».

Б. Энхжин: «Мне так понравилось стихотворение “Сожженное письмо”, что я даже выучила его наизусть и прочитала на конкурсе “Уран жиргээ”¹».

Еще хочу отметить, что в нашей стране ежегодно проводится конкурс «Лучшие песни народов мира». На этом конкурсе звучат русские песни, их яркая тональность и мелодия близка восприятию монгольских детей. Как учитель,

¹ «Красноречивое щебетание» – масштабное соревнование чтения стихов среди школьников Монголии.

я понимаю, что близость стран и соседство влияют на взаимопонимание русского и монгольского народов в литературе и искусстве. Мой опыт показывает, что легче учить английскому языку детей, которые уже выучили русский, чем учить русскому тех, кто знает английский. Точно так же, слушая стихи, дети с большим интересом воспринимали А. С. Пушкина и отмечали, что его произведения ближе для слухового восприятия, чем произведения Шекспира.

Оюунбат Ц. Я остановлюсь на педагогических подходах в изучении творчества А. С. Пушкина. Несмотря на снижение объема преподавания русского языка, произведения А. С. Пушкина, такие как «Узник», «К Чаадаеву» и отрывки из «Евгения Онегина», сохраняют место в школьных программах. На уроках школьники учатся проводить анализ персонажей, сюжета и литературных приемов произведений А. С. Пушкина. Учителя обучают детей интерпретировать скрытые смыслы и аллегории, развивая у них навыки глубокого прочтения текста. Творчество Пушкина часто становится темой для школьных конкурсов чтецов, литературных дебатов и инсценировок, что помогает учащимся развивать уверенность в себе и навыки публичных выступлений.

В высшем образовании Монголии творчество Пушкина изучается на филологических факультетах ведущих университетов страны, таких как Национальный университет Монголии, Педагогический университет Улан-Батора и университет имени Чойбалсана. Студенты анализируют ключевые произведения Пушкина, такие как «Евгений Онегин» и «Медный всадник», в рамках курсов по русской классической литературе. Большое внимание уделяется философским и эстетическим аспектам пушкинского творчества, таким как его идеи свободы, ответственности и роли человека в истории.

На филологических факультетах проводится сравнительное изучение творчества А. С. Пушкина и монгольских писателей. Например, анализируются параллели между пушкинской поэзией и произведениями Д. Нацагдоржа, что способствует пониманию взаимодействия двух культур. Курсы по литературному переводу и сравнительному литературоведению позволяют студентам исследовать способы передачи пушкинских идей и стиля на монгольский язык, обращая внимание на особенности языковых и культурных адаптаций.

Монгольские ученые, такие как профессор М. Ц. Дамбадорж, исследуют пушкинское наследие, уделяя внимание переводу и адаптации его произведений на монгольский язык. Например, его работа по анализу перевода «Евгения Онегина» на монгольский язык помогает исследовать тонкости перевода и влияние А. С. Пушкина на восприятие русской литературы в Монголии. Это исследование также подчеркивает, как текст А. С. Пушкина можно адаптировать для других культур, сохраняя при этом его философскую глубину и эстетическую ценность.

Научно-исследовательская деятельность в университетах Монголии включает дипломные и магистерские работы, посвященные творчеству А. С. Пушкина. Темы исследований варьируются от философского анализа пушкинских идей до изучения влияния его творчества на развитие монгольской литературы. Кроме того, творчество великого русского поэта используется

в междисциплинарных исследованиях, связанных с философией, культурологией и социологией, позволяя студентам анализировать его произведения в более широком гуманитарном контексте.

Изучение пушкинских произведений помогает студентам овладеть русским языком на более глубоком уровне. Стилистика и лексика произведений рассматриваются как модель высокого литературного русского языка, что способствует развитию языковой интуиции и навыков письма. Переводы пушкинских произведений на монгольский язык становятся не только объектом лингвистического анализа, но и важным инструментом для изучения межкультурных связей.

Теперь я хочу сказать несколько слов о цифровизации образования и появлении, в связи с этим, новых подходов к изучению творчества А. С. Пушкина.

Цифровизация образования в Монголии открывает новые горизонты для преподавания творчества А. С. Пушкина. Современные технологические средства позволяют создавать интерактивные курсы и учебные программы, которые делают изучение его творчества более увлекательным и доступным. Например, образовательные платформы, такие как «Пушкин в школе», предоставляют доступ к мультимедийным материалам, где представлены не только тексты произведений, но и комментарии, видеолекции и онлайн-курсы, что помогает учащимся глубже понять содержание произведений.

В качестве примера можно привести использование виртуальных туров по музеям, связанным с жизнью А. С. Пушкина, такими как музей в Санкт-Петербурге, где школьники и студенты Монголии могут пройти онлайн-экскурсию, узнавая подробности о его жизни и творчестве. Таким образом, цифровизация позволяет сделать изучение А. С. Пушкина не только более доступным, но и более интересным для молодежной аудитории, которая активно пользуется интернет-ресурсами.

Современные культурные проекты, такие как создание цифровой библиотеки русской литературы, включают произведения А. С. Пушкина как основу для изучения межкультурных связей. Такие инициативы поддерживаются Русским культурным центром в Улан-Баторе, который активно популяризирует пушкинское наследие через онлайн-курсы, лекции и выставки.

Хишигдулам Н. Теперь я постараюсь дать краткую характеристику влияния поэзии А. С. Пушкина на монгольскую культуру.

Во-первых, следует отметить, что влияние А. С. Пушкина на монгольскую литературу невозможно переоценить. Творчество Пушкина внесло значительный вклад в развитие монгольской литературы и критической мысли. Его произведения служат образцом высокого литературного стиля, а его философские идеи находят отклик в монгольской культуре.

Одним из ярких примеров такого влияния является творчество Д. Нацагдоржа, одного из основателей современной монгольской литературы. В своей поэзии и прозе Д. Нацагдорж использовал символизм и лиризм, характерные для произведений А. С. Пушкина. Например, его стихотворение «Моя родина» перекликается с пушкинским «К морю», где пейзаж становится

метафорой свободы и внутреннего поиска. Этот подход стал новым для монгольской литературы, которая ранее фокусировалась на эпических сюжетах и устной традиции.

Другой пример – творчество Б. Ринчена, который в своих произведениях использовал методы, характерные для пушкинской реалистической прозы. Его роман «Намтар» содержит элементы, напоминающие «Капитанскую дочку», особенно в изображении столкновения личных чувств с историческими обстоятельствами.

Кроме того, переводы А. С. Пушкина на монгольский язык стали не только инструментом для изучения русской литературы, но и вдохновением для монгольских авторов. Например, перевод «Евгения Онегина», выполненный Ц. Дамдинсурэном, позволил монгольским читателям познакомиться с идеями романтизма и реализма, которые повлияли на развитие литературного языка в Монголии.

Можно смело сказать, что А. С. Пушкин – это символ культурного диалога между нашими народами.

В 2023 году в Улан-Баторе прошла выставка «Пушкин и Монголия», на которой были представлены рукописи, переводы и художественные интерпретации его произведений. Это событие стало важным для укрепления культурных связей, привлекая внимание как российских, так и монгольских исследователей.

Важным элементом культурного диалога является проведение литературных конкурсов, посвященных чтению произведений Пушкина. Например, в 2022 году конкурс «Читаем Пушкина» собрал более 500 участников из разных уголков Монголии. Победители представляли монгольскую интерпретацию таких произведений, как «Борис Годунов» и «Дубровский», показывая, как пушкинская драматургия и проза находят отклик в современном монгольском обществе.

С 24–30 мая в преддверии 225-летия со дня рождения А. С. Пушкина в Улан-Баторском филиале РЭУ им. Г. В. Плеханова прошли мероприятия, приуроченные к этому событию. В них приняли участие ученики начальной школы. В Русском центре были организованы фотовыставка и викторина «Сказки А. С. Пушкина». Для учеников четвертых классов провели литературный час «Жизнь и творчество великого писателя», после чего ребята совершили увлекательное путешествие в сказочную страну Лукоморье.

6 сентября 2024 года в Русском центре при Улан-Баторском филиале РЭУ им. Г. В. Плеханова прошло мероприятие «Читаем А. С. Пушкина». Учащиеся филиала познакомились с книжной выставкой, приняли участие в чтении самостоятельно выбранных произведений Пушкина, продемонстрировав прекрасное знание пушкинской поэзии и языка. Ребята показали, что, читая и перечитывая Пушкина, всегда открываешь для себя удивительный мир, красоту природы и богатство русского языка.

Особого внимания заслуживает сотрудничество в области театра. В 2018 году монгольский Государственный драматический театр поставил спектакль по мотивам «Пиковой дамы», в котором традиционные монголь-

ские музыкальные инструменты использовались для создания уникального звукового сопровождения. Этот проект продемонстрировал, как пушкинское наследие может быть интегрировано в традиционное монгольское искусство.

А. С. Пушкин оказал значительное влияние на развитие театрального искусства Монголии. Его драмы, такие как «Борис Годунов» и «Моцарт и Сальери», были адаптированы для сцен Монголии. Примером является постановка «Моцарта и Сальери» в 2019 году в театре Улан-Батора. Современные монгольские режиссеры смешали элементы традиционного монгольского театра с пушкинской драмой, добавив к постановке народные музыкальные инструменты, что позволило зрителям не только понять философский контекст произведения, но и увидеть его в новом культурном контексте. Кроме того, произведения Пушкина стали частью театральных фестивалей в Монголии, где артисты используют пушкинскую драматургию для создания современных постановок, которые затрагивают актуальные проблемы общества, такие как власть, мораль и свобода.

Произведения Пушкина вдохновляют монгольских художников и режиссеров на создание новых форм искусства. Например, монгольский художник Г. Энхтайван создал серию картин, посвященных пушкинским образам, включая иллюстрации к «Сказке о царе Салтане» и «Золотому петушку». Эти работы сочетают европейскую графику с элементами монгольской национальной живописи, что подчеркивает универсальность пушкинской тематики.

В изобразительном искусстве художники, такие как Ч. Эрдэнэ, вдохновлялись образами Пушкина, создавая картины, которые передают философские и эстетические идеи, заложенные в его произведениях. Эти работы часто содержат элементы монгольской живописи, что позволяет видеть, как пушкинские мотивы могут быть интерпретированы через призму местной культуры.

Кинематограф также обращается к наследию Пушкина. Документальный фильм 2021 года «Пушкин в Монголии» исследует влияние русской литературы на монгольское общество, используя архивные материалы и интервью с известными переводчиками и исследователями. Этот фильм стал важным вкладом в сохранение культурной памяти и популяризацию пушкинского творчества.

Музыкальные интерпретации пушкинских произведений также занимают важное место в культурной системе Монголии. В 2019 году ансамбль «Соёмбо» исполнил концерт из произведений на стихи Пушкина, адаптированных для монгольских народных инструментов. Эти интерпретации позволили аудитории по-новому взглянуть на пушкинскую поэзию, подчеркнув ее музыкальность и универсальность.

Не только литература, но и музыка, и изобразительное искусство Монголии ощутили влияние А. С. Пушкина. Например, его произведения были адаптированы монгольскими композиторами, такими как Б. Р. Сэр-Оджи, который написал музыкальные композиции на стихи А. С. Пушкина. Эти произведения, исполненные на традиционных монгольских инструментах, стали важной

частью культурной жизни страны, отражая не только русскую классику, но и монгольские музыкальные традиции.

Важнейшее значение для целей культурного диалога имеют переводы произведений А. С. Пушкина на монгольский язык. Дацдоржийн Нацагдорж, основатель современной монгольской литературы, стал первым переводчиком произведений Пушкина на монгольский язык. Он перевел такие стихотворения, как «Анчар», «Ворон к ворону летит», «Земля и море», «Узник», «Пробуждение», «Зимняя дорога», а также прозу – повести «Выстрел» и «Пиковая дама» [8]. За свой вклад в популяризацию русской классики в Монголии Нацагдорж получил высокую оценку, а русский писатель Валентин Катаев назвал его «монгольским Пушкиным», подчеркивая его мастерство и любовь к поэтическому слову [9, с. 123].

Включение произведений Пушкина в монгольскую литературу способствовало переориентации традиционного монгольского художественно-поэтического мышления в сторону европейского, обогащая его новыми эстетическими направлениями, как считает переводчик Ц. Магсар, который перевел такие знаменитые произведения, как «Я вас любил», «К Чаадаеву», «Руслан и Людмила», а также целый ряд других работ писателя, которые знакомят монгольского читателя с русской классикой [3].

На монгольский язык было переведено множество произведений А. С. Пушкина различных жанров выдающими монгольскими писателями и переводчиками. Среди самых крупных переводов – трагедия «Борис Годунов» (перевод Б. Ринчена), «Письмо Татьяны» из романа «Евгений Онегин» (перевод Дацдоржа), повесть «Выстрел» (перевод Д. Нацагдоржа), повесть «Метель» (перевод Э. Оюун), «Сказка о золотом петушке» (перевод Дацдоржа), «Песнь о вещем Олеге» (перевод Ц. Дамдинсурэна), «Сказка о рыбаке и рыбке» (перевод Ц. Дамдинсурэна), повесть «Барышня-крестьянка» (перевод Б. Ринчена), «Капитанская дочка» (перевод Х. Пэрлээ), «Сказка о царе Салтане» (перевод Дэлэга и Жадамбы), повесть «Дубровский» (перевод Б. Гонгоржава), поэма «Цыганы» (перевод Цэдэнжава). Эти переводы сыграли важную роль в распространении пушкинского наследия в Монголии и в развитии монгольской литературы [10].

Ц. Дамдинсурэн, один из ведущих монгольских поэтов и переводчиков XX века, сыграл ключевую роль в знакомстве монгольского читателя с пушкинским наследием. Он перевел на монгольский язык несколько стихотворений А. С. Пушкина, а также отрывки из его поэм и поэтических произведений. Ц. Дамдинсурэн внимательно относился к сохранению пушкинского стиля и ритма, что позволило донести оригинальные элементы пушкинского текста до монгольской аудитории. Его переводы, выполненные с точностью и чувством, стали классикой перевода в Монголии и оказали влияние на множество последующих переводчиков.

Перевод романа в стихах «Евгений Онегин» на монгольский язык стал важнейшим этапом в распространении русской литературы в Монголии. В 1956 г. опубликован «Евгений Онегин» в переводе Ч. Чимэда [11]. Это произведение стало одним из самых сложных для перевода, и работа над ним

потребовала от переводчика исключительных усилий. В процессе перевода важно было сохранить не только сюжет и персонажей, но и саму форму стихов, их ритм и звуковую гармонию.

Эти переводы стали основой для дальнейшего распространения творчества А. С. Пушкина и оказали значительное влияние на развитие монгольской литературы, способствуя эстетической и моральной воспитанности поколений читателей.

В последние десятилетия перевод творчества А. С. Пушкина на монгольский язык не потерял своей актуальности. Современные переводчики, такие как Д. Баатар и Г. Лхагвасүрэн, продолжили традицию пушкинского перевода, выполняя новые переводы и адаптации для широкой аудитории. Важным аспектом их работы является попытка сделать произведения А. С. Пушкина более доступными для современного читателя, сохранив при этом оригинальность и сложность его стиля.

Одной из важнейших особенностей современных переводов является то, что они учитывают изменения в языке и культуре Монголии, а также новый взгляд на пушкинские произведения, которые теперь могут быть восприняты через призму современных проблем и реалий. Переводчики, сталкиваясь с уникальными особенностями монгольского языка, искали оптимальные способы передачи как лексического содержания, так и эмоциональной окраски пушкинских текстов. Это требовало не только глубоких знаний оригинала, но и способности адаптировать произведение к культурному контексту.

Современные переводы также акцентируют внимание на философских и социальных аспектах пушкинского творчества. В частности, переводчики делают акцент на социальных конфликтах, борьбе личности с окружающим миром, а также на моральных дилеммах героев, что позволяет глубже понять философию Пушкина.

Перевод Пушкина на монгольский язык, как и на любой другой язык, сопряжен с рядом сложностей. Прежде всего, это касается сохранения особенностей стихотворной формы и ритма. Пушкин был мастером рифмованной поэзии, его стихи полны мелодичных и звуковых изысков, которые трудно передать в другом языке без утраты их музыкальности.

Кроме того, существует проблема культурных различий между русским и монгольским народами. Это касается как фразеологии, так и восприятия определенных символов и образов. Например, пушкинская культура и символы, такие как дворянство, русская природа, характеры русских людей, могут быть непривычными для монгольского читателя. Поэтому переводчики часто сталкиваются с трудностью адаптации этих элементов, сохранив при этом верность авторскому замыслу.

Несмотря на сложности, монгольские переводчики не только сохраняют основные идеи и стиль Пушкина, но и вносят в их переводы элементы монгольской культуры и восприятия, что позволяет создавать уникальные адаптации его произведений.

Переводы произведений Пушкина не только знакомят монгольских читателей с русской классикой, но и оказывают влияние на развитие монгольской литературы. Пушкина воспринимают как символ гуманизма, свободы личности и борьбы за права человека, что отразилось в произведениях монгольских писателей и поэтов. Идеи, выраженные в пушкинских произведениях, становятся частью философской и литературной мысли Монголии. Через переводы Пушкина монгольские авторы начинают осмысливать проблемы идентичности, культуры и свободы, что способствует развитию национальной литературы.

В заключение хочу подчеркнуть, что творчество А. С. Пушкина играет важную роль в культурной системе Монголии. Его произведения не только способствуют укреплению культурных связей между Монголией и Россией, но и вдохновляют монгольских авторов, художников и музыкантов на создание уникальных произведений. Через пушкинскую литературу Монголия сохраняет связь с мировым культурным наследием, находя в нем вдохновение для развития собственной национальной идентичности.

И сейчас студент первого курса филологического факультета Монгольского национального университета образования *Балдан Батбаатар* прочитает стихотворение А. С. Пушкина «Я Вас любил».

Изгарская А. А. Спасибо, коллеги! Сергей Иванович Филиппов, задавайте докладчикам вопрос.

Филиппов С. И. Спасибо, коллеги, за интересный доклад! Каких зарубежных авторов, не только русских, в современной школе изучают в Монголии на уроках литературы?

Мунхдаваа Н. На сегодняшний день в монгольской школе изучаются как западные авторы, так и восточные. Например, из американских авторов изучается Э. Хемингуэй, из русских, кроме А. С. Пушкина, изучается С. А. Есенин.

Чернобров А. А. У нас в России существует проблема с мотивацией учеников к чтению? Все учителя жалуются, что школьники мало читают и не хотят читать. Как вы мотивируете своих студентов и школьников читать, пусть не зарубежных, но своих, монгольских авторов?

Мунхдаваа Н. Да, и у нас такая проблема присутствует. Мы приучаем читать детей. Начинаем с маленьких рассказов, потом уже задаем читать книги. Обсуждаем с ними прочитанное, делаем выводы, пытаемся заинтересовать, привить любовь к чтению и самостоятельному мышлению. Организуем школьные мероприятия, нацеленные на привитие любви к чтению книг.

Хишигдулам Н. И в университетах студенты ленятся читать, но сейчас есть электронные книги, которые можно слушать. Слушать им нравится, хотя конечно хочется, чтобы они больше читали, особенно классическую литературу. Два года назад в университете мы организовали клуб любителей книг, ребята с энтузиазмом обсуждают прочитанные книги.

Чернобров А. А. Согласен с Вами, и наши студенты используют гаджеты. Какие авторы наиболее популярны?

Хишигдулам Н. Так как я и наша кафедра преподаем английский язык, поэтому мы часто выбираем английских авторов, чаще всего читаем со студентами Шекспира.

Пфаненштиль И. А. Спасибо, дорогие коллеги за ваш доклад, огромное спасибо студенту за прочитанное стихотворение! Я хочу сказать, что чтение незаменимо для формирования и работы человеческого мозга, для формирования личности. Когда мы читаем, то мы выступаем как субъект, а книга является объектом. Читая книгу, мы можем остановиться в любое время, подумать, задать вопрос писателю, поразмышлять. Когда же мы слушаем книгу, или смотрим фильм, то мы становимся объектами. Чтение формирует нашу личность, с книгой мы формуемся как субъект. Это очень важно. И конечно задача педагога привлечь, заинтересовать студента в чтении книги. У меня много таких методик, будет возможность, я с Вами ими поделюсь. А вопрос я хотел задать следующий. Есть ли в Монголии памятник А. С. Пушкину?

Хишигдулам Н. Один есть. В Российском центре науки и культуры в 2015 г. установлен бюст А. С. Пушкина. Но если Вы зайдете в любой кабинет русского языка, то увидите портрет А. С. Пушкина.

Ичинхорлоо Ш. Спасибо, уважаемые коллеги, за ваш доклад. Я хотела бы задать вопрос Нэргүй Мунхдаваа. Скажите, пожалуйста, каково влияние произведений А. С. Пушкина, например, его сказок, на детей? Что-то меняется в их поведении? Может быть, Вы могли наблюдать это в своей практике?

Мунхдаваа Н. Ребята с большим желанием читают стихи А. С. Пушкина, учат их наизусть. В его сказках высмеивается жадность, лживость, лень. Это способствует освоению этических ценностей.

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, я хочу поблагодарить вас за вашу подвижническую деятельность в продвижении русского языка и культуры в Монголии. Мой вопрос, а существует ли со стороны России помочь вашей работе? Может быть, есть совместные разработки учебников, методических пособий? Мы видим, что китайские коллеги активно реализуют проекты своего государства по продвижению китайского языка и культуры за рубежом. А что делается со стороны современного российского общества и государства в Монголии? Ощущаете ли вы какую-либо поддержку, помочь?

Хишигдулам Н. Я знаю, что существует методическая поддержка. Учителя-методисты приезжают в Монголию, организуются курсы повышения квалификации для монгольских преподавателей русского языка.

Мунхдаваа Н. Русский язык сейчас преподается не как в советское время, а только с 7 по 9 классы. Если обучающийся выражает желание продолжать изучать русский язык, то он изучает его до 12 класса. Но поскольку объем преподавания русского языка, к сожалению, резко сократился, то сократилась потребность и в методической поддержке. Но несмотря на сложившуюся ситуацию, наши учителя стараются привить детям интерес и любовь к русскому языку и русской культуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Небольсин С. А. Пушкин и европейская традиция: писатель-классик как фактор самоопределения национальной литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
3. Магсар Ц. Место Пушкина в истоке монгольской поэзии нового времени // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. – 2012. – Вып. 19. Уч. зап. Государственного университета Чжэнчики. – С. 49–71.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 387 с.
5. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 220 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвостилистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
7. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М.: Советский писатель, 1980. – 160 с.
8. Майдар С. Тайны «монгольского Пушкина» [Электронный ресурс] // Asiarussia.ru. 8 января 2016 г. – URL: https://asiarussia.ru/persons/10661/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 11.11.2024).
9. Цыренов Б. Д. Устаревшие и редкие слова в романе А. С. Пушкина «Выстрел» на монгольском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 122–126. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-122-126.
10. Шаракшинова Н. О. О переводах Пушкина на монгольский язык [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1949. – № 6. – С. 71–80. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ewEwlyqK1fA%3d&tabid=10396> (дата обращения: 25.10.2024).
11. Шарав Э. Ч. Об истории переводов произведений А. С. Пушкина на монгольский язык // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XIV: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 100-летию дипломатических отношений России и Монголии (Улан-Удэ, 10 декабря 2021 г.) / науч. ред. А. В. Мантатова. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. – С. 122–124.

REFERENCES

1. S. A. Pushkin and the European tradition: the classical writer as a factor in the self-determination of national literature: abstract dissertation of Dr. Philological Sciences. Moscow, 2002, 319 p. (In Russian)
2. Komissarov V. N. Modern Translation Studies. Moscow: ETS, 2001, 424 p. (In Russian)
3. Magsar Ts. Pushkin's place in the origin of Mongolian poetry of the new time. *Issues of studying the Russian language, history and culture of Russia*, 2012, vol. 19, Academic Notes of Zhengzhi State University, pp. 49–71. (In Russian)
4. Lotman Yu. M. The Structure of the Artistic Text. Moscow: Art Publ., 1970, 387 p. (In Russian)
5. Lvovskaya Z. D. Modern Problems of Translation. Moscow: LKI Publ., 2008, 220 p. (In Russian)
6. Galperin I. R. Text as an object of linguistic and linguistic research. Moscow: Nauka, 1981, 138 p. (In Russian)
7. Gachechiladze G. R. Artistic translation and literary interrelations. Moscow: Soviet Writer, 1980, 160 p. (In Russian)
8. Maidar S. Secrets of "Mongolian Pushkin". *Asiarussia.ru*. 8 January 2016. URL: https://asiarussia.ru/persons/10661/?utm_source=chatgpt.com (accessed 11.11.2024). (In Russian)
9. Tsyrenov B. D. Obsolete and rare words in the novel "The Shot" of A. S. Pushkin in Mongolian language. *Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 122–126. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-122-126. (In Russian)
10. Sharakshinova N. O. On Pushkin's translations into Mongolian. *Bulletin of the Leningrad State University*, 1949, no. 6, pp. 71–80. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ewEwlyqK1fA%3d&tabid=10396> (accessed: 25.10.2024). (In Russian)

-
11. Sharav E. Ch. On the history of translations of works by A. S. Pushkin into Mongolian. *Asia-Pacific region: History and Modernity – XIV: Proceedings of the international scientific-practical conference of young scientists dedicated to the 100th anniversary of diplomatic relations between Russia and Mongolia (Ulan-Ude, 10 December 2021)*. Scientific ed. A.V. Mantatova. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2021, pp. 122–124. (In Russian)

Информация об авторах

Ц. Магсар, профессор, доктор философии (PhD), профессор кафедры перевода русской литературы, Монгольский национальный университет образования, президент Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, tsmagsar@mail.ru, Улан-Батор, Монголия

Н. Хишигдулам, старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков, Монгольский национальный университет образования, Khishigdulam@msue.edu.mn, Улан-Батор, Монголия

Н. Мунхдаваа, учитель русского языка, средняя школа № 93, munkhdavaa93school@gmail.com, Улан-Батор, Монголия

Ц. Оюунбат, заведующий, Центр русского языка, tseveenravdanoyunbat@gmail.com, Улан-Батор, Монголия

С. И. Везнер, кандидат филологических наук, Сибирский университет потребительской кооперации, veznersergey@mail.ru, Новосибирск, Россия

В. А. Рязанов, заместитель директора по методической работе, учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 68, Кемерово, Россия

А. А. Изгарская, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный педагогический университет, aizgarskaya@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the authors

Tseveen Magsar, Professor, Doctor of Philosophy (PhD), Professor of the Department of Translation of Russian Literature, Mongolian National University of Education, President of the Mongolian Association of Teachers of Russian Language and Literature, tsmagsar@mail.ru, Ulaanbaatar, Mongolia

Nanjidmaa Khishigdulam, Senior Lecturer, Department of English and German Languages, Mongolian State University of Education, Khishigdulam@msue.edu.mn, Ulaanbaatar, Mongolia

Nergui Munkhdavaa, Russian language teacher, General Secondary School № 93, munkhdavaa93school@gmail.com, Ulaanbaatar, Mongolia

Tseveenravdan Oyunbat, Head of Russian Language Centre, tseveenravdanoyunbat@gmail.com, Ulaanbaatar, Mongolia

Sergey I. Vezner, Candidate of Philological Sciences, Siberian University of Consumer Cooperation, veznersergey@mail.ru, Novosibirsk, Russia

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM
PART III. AD MEMORIAM

Vyacheslav A. Ryazanov, Deputy Director for Methodological Work, Teacher of Russian Language and Literature, Secondary General Education School № 68, Kemerovo, Russia

Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, aizgarskaya@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

The article was submitted: 10.06.2025

Одобрена после рецензирования: 12.07.2025

Approved after reviewing: 12.07.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

Accepted for publication: 19.09.2025

Обзорная статья
УДК 130.2+37.017+ 821.161.1

**Слово Пушкина: смысл и судьба.
Часть 2. Наследие гения в современной России**

Материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства» (30.11.2024)

Везнер Сергей Иванович¹, Рязанов Вячеслав Александрович²,
Магсар Цэвээний^{3,4}, Хишигдулам Нанжидмаа⁴, Чернобров Алексей
Александрович⁵, Ушаков Дмитрий Викторович⁶, Изгарская Анна
Анатольевна^{5,6}

¹Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия

²Средняя образовательная школа № 68, Кемерово, Россия

³Монгольская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Улан-Батор, Монголия

⁴Монгольский национальный университет образования, Улан-Батор, Монголия

⁵Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

⁶Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирск, Россия

Аннотация. 30 ноября 2024 года состоялось XVIII заседание Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства». Посвященный творчеству А. С. Пушкина вебинар объединил ученых, преподавателей вузов, педагогов школ (всего 52 человека) из разных городов России, Казахстана и Монголии. Во второй части вебинара прозвучали доклады отечественных исследователей. Доклад «Слово Пушкина в пространстве маскарада» сделал канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии Сибирского университета потребительской кооперации (СиБУПК) Сергей Иванович Везнер. Свой доклад С. И. Везнер построил на основе анализа текста исторического романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Интерпретируя целый ряд всем хорошо известных эпизодов, докладчик раскрывал их новое для слушателей смысловое содержание. В докладе было показано, как для создания маскарадного эффекта А. С. Пушкин использует несколько названий одного явления. Доклад позволил слушателям по-новому ощутить удивительную глубину, целостность замысла и авторскую иронию пушкинского текста. С. И. Везнер убедительно доказал, что пушкинское слово в пространстве маскарада адресовано проницательному читателю.

Учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 68 города Кемерово Вячеслав Александрович Рязанов сделал доклад на тему «К вопросу о судьбе пушкинского текста (на примере “Подруга дней моих суровых...”»). В докладе была представлена уникальная методика преподавания литературы, побуждающая школьников к исследовательской деятельности и самостоятельной интерпретации художественного текста. Учитель создает для обучающихся пятого класса проблемную ситуацию. Он предлагает детям сравнить текст стихотворения А. С. Пушкина, опубликованный в разных учебниках литературы, с изданиями разных лет. В результате обучающиеся не только проводят исследование изменений текста, сравнивая соответствующий фрагмент рабочей тетради А. С. Пушкина с изданиями XIX–XXI вв., но и учатся понимать глубину поэтической мысли, улавливать тонкие связи текста и скрытых в нем смыслов.

Ключевые слова: поэзия А. С. Пушкина; «Капитанская дочка»; маскарад; диалог; «Подруга дней моих суровых...»; методика преподавания литературы в школе; интерпретация текста

Для цитирования: Везнер С. И., Рязанов В. А., Магсар Ц., Хишигдулам Н., Чернобров А. А., Ушаков Д. В., Изгарская А. А. Слово Пушкина: смысл и судьба. Часть 2. Наследие гения в современной России // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 78–98.

Review article

Pushkin's Word: Meaning and Destiny.

Part 2. The Legacy of Genius in Contemporary Russia

Proceedings of the session of the All-Russian scientific webinar on the problems of social sciences and humanities with international participation “Connecting spaces” (30.11.2024)

Sergey I. Vezner¹, Vyacheslav A. Ryazanov², Ts. Magsar^{3,4}, N. Hishigdulam⁴, Alexey A. Chernobrov⁵, Dmitry V. Ushakov⁶, Anna A. Izgarskaya^{5,6}

¹Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia

²General Secondary School № 68, Kemerovo, Russia

³Mongolian Association of Teachers of Russian Language and Literature, Ulaanbaatar, Mongolia

⁴Mongolian National University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia

⁵Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

⁶Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IPL SB RAS), Novosibirsk, Russia

Abstract. On 30(th) November 2024, the 18(th) session of the All-Russian Scientific Webinar on Social and Humanitarian Sciences with International Participation, entitled “Connecting Spaces”, was held. The webinar, dedicated to the work of A.S. Pushkin, brought together a diverse group of 52 scientists, university professors and school teachers from various cities in Russia, Kazakhstan and Mongolia. The second segment of the webinar comprised presentations by Russian researchers. Sergey Ivanovich Vezner,

Candidate of Philological Sciences and Associate Professor in the Department of Foreign Languages and Russian Philology at the Siberian University of Consumer Cooperation, presented the report "Pushkin's word in the space of masquerade". In his report, S. I. Vezner analyzed the text of A. S. Pushkin's historical novel *The Captain's Daughter*. By interpreting a series of well-known episodes, the speaker revealed their new meaning to the audience. The report showed how Alexander Pushkin used several names for one phenomenon to create a masquerade effect. The lecture allowed the audience to experience the amazing depth, integrity of the concept, and authorial irony of Pushkin's text in a new way. The report allowed listeners to experience the amazing depth, integrity of design, and authorial irony of Pushkin's text in a new way. S. I. Vezner convincingly proved that Pushkin's words in the space of the masquerade are addressed to the discerning reader. Vyacheslav Alexandrovich Ryazanov, a Russian language and literature teacher at School No. 68 in Kemerovo, gave a presentation on "The fate of Pushkin's text (Based on the example of "The friend of my severe days...")". The presentation introduced a unique method of teaching literature that encourages students to engage in research and independent interpretation of literary texts. The teacher creates a problem situation for fifth-grade students. He asks the children to compare the text of A.S. Pushkin's poem, published in different literature textbooks, with editions from different years. As a result, students not only study changes in the text by comparing the relevant fragment of Pushkin's workbook with editions from the 19th to 21st centuries, but also learn to understand the depth of poetic thought and grasp the subtle connections between the text and its hidden meanings.

Keywords: poetry by A. S. Pushkin; "The Captain's Daughter"; masquerade; dialogue; "Friend of my severe days..."; methods of teaching literature in school; interpretation of the text

For citation: Vezner S. I., Ryazanov V. A., Magsar Ts., Hishigdulam N., Chernobrov A. A., Ushakov D. V., Izgarskaya A. A. Pushkin's word: meaning and destiny. Part 2. The legacy of genius in contemporary Russia. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 78–98.

В обсуждении докладов участвовали: Грибовский Игорь Андреевич, Алексей Алексеевич Овчинников.

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, предоставляю слово канд. филол. наук, доценту кафедры иностранных языков и русской филологии СибУПК Сергею Ивановичу Везнеру. Он сделает доклад на тему «Слово Пушкина в пространстве маскарада».

Везнер С. И. Сто лет назад Александр Блок сказал: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин» [1, с. 160]. Действительно, многим произведениям А. С. Пушкина свойственно веселое, игровое начало. Ярким примером является, например, следующее место из «Капитанской дочки»: «С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла» [2, с. 393–394]. Невооруженным глазом читателю здесь виден юмор при завершении описа-

ния воспитания юного Петра Гринёва: «и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля», «мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина» [2, с. 394].

Пушкинское игровое начало проявляется и в том, что в его текстах воспроизводится сфера маскарада. Под маскарадом нами понимается надевание масок для маскарадного действия (которое может пониматься расширительно). Мaska нами также понимается расширительно – как функционально-игровая замена «лица» явления. Пространство маскарада – это сфера маскарадного действия.

Можно указать ряд произведений, где явно воспроизводится сфера маскарада, связанная с разными его аспектами: переодеванием («Барышня-крестьянка»), притворством («Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Моцарт и Сальери», «Капитанская дочка»), ролевым поведением («Евгений Онегин»), «масками» рассказчиков («Повести Белкина», «Капитанская дочка» и др.).

Рассмотрим четыре тезиса.

1. Для создания маскарадного эффекта используется ряд названий одного явления.

2. Сфера маскарада соотносится не с отдельными эпизодами, а с целостностью произведений.

3. Слово в пространстве маскарада адресовано проницательному читателю.

4. Основой пушкинского маскарада являются отношения между автором и героем.

Пушкин для создания игрового маскарадного эффекта использует ряд названий одного и того же явления. Рассмотрим пример.

Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами: это был передовой караул пугачевского пристанища [2, с. 497].

Ряд названий состоит из двух обозначений: 1) «пять мужиков, вооруженных дубинами»; 2) «передовой караул». Сниженное первое покрывается «маской» второго возвыщенно-официального.

В следующем примере подобный ряд образуют обозначения «изба» и «дворец»:

Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, – сказал один из мужиков, – сейчас об вас доложим». Он вошел в избу [2, с. 498].

В другом фрагменте маскарадный ряд образуют «деревушка» и «Белогорская крепость»:

Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней – и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость [2, с. 508].

Чтобы увидеть сферу маскарада, надо учесть, что она соотносится не с отдельными эпизодами, а с целостностью произведения. Примером этого служит «калмыцкая сказка» Пугачёва из «Капитанской дочки» [2, с. 597–508]. Рассказывая ее, Пугачёв явно «примеряет» на себя маску Орла. Гринёв же, возражая, «надевает» на него маску Ворона. Каждый из героев остается при своем мнении по поводу «маски» Пугачёва.

Автор-реалист не дает четкого указания по поводу трактовки образа Пугачёва, как это бы сделал писатель-классицист, а приглашает читателя самому разобраться в этом зоомаскараде, учитывая весь сюжет произведения. Читателю предлагается учесть и то, что сказка народная (выражает мнение народа о полноте жизни), и эпиграф к главе «Мятежная слобода» (в нем упоминается еще одна «зоомаска» – сытый Лев).

Пушкин ожидает проницательного читателя, который, учитывая целое текста, поймет маскарадную неоднозначность образов, в том числе и образ пространства, в котором разворачивается бунт Пугачёва. Это пространство амбивалентного исторического маскарада, игры жизни и смерти. В нем маски жизни соседствуют с масками смерти. В пространстве маскарада самозванец примеряет на себя маску царя, в которой ведет военные действия. Белогорская крепость всего лишь «деревушка», а ее комендантом командует жена. Вместе с тем здесь совершается подвиг. Капитан Миронов предан присяге и гибнет вместе с женой.

Сюжет произведения оставляет возможность полагать, что в историческом маскараде участвует и Екатерина II (пришедшая к власти путем переворота, как это стремится сделать и Пугачёв). В финале она общается с Марией Мироновой в «маске» дамы из окружения императрицы. Возможно, автор ставит на одну доску Пугачёва и Екатерину II, намекая на то, что оба они крупные игроки, создатели маскарадов, а история общества – это череда маскарадов.

Маскарад космичен: облачко на горизонте – маска степного бурана. Именно из бурана является Пугачёв. Вспомним также обыгрывание автором карты мира, из которой юный Гринёв мастерит воздушного змея, прилаживая мочальный хвост к мысу Доброй надежды. Юный Пётр Гринёв не видит космического масштаба этого маскарада, а читатель, проникающий в маскарадный подтекст, видит.

Главные герои «Капитанской дочки» встречаются в центре пространства историко-космического маскарада, среди масок жизни и смерти. Отметим, что на границе маскарадного пространства автор расположил Зурина, опытного игрока в бильярд и карты. Возможно, что его фамилия восходит к игровому термину «зоро», т. е. нулю, точке отсчета. Не случайно через Зурина в Симбирске Гринёв входит в центр пространства историко-космического маскарада, через Зурина же покидает его. Подобную игру с именем героя мы отмечали в повестях Белкина. Будочник Юрко – намек на шекспировского Йорика [3].

Представляется, что основой пушкинского маскарада является специфическое отношение между автором и героем (и рассказчиком как формой героя). Пушкин в «Капитанской дочке» продолжил начатый в «Повестях Белкина» литературный эксперимент, где отношения автора и героя строились, на наш взгляд, по модели «Гамлет – Йорик» [3].

Автор, как остроумный Гамлет, взирает на слово рассказчика, как на череп шута Йорика. Литературные маски рассказчиков – это маски допушкинской прозы (сентиментальной, просветительской, романтической), ставшей штампом, мертвым словом, которое Пушкиным карнавально переосмысливается и включается в литературную игру. В «Капитанской дочке» автор подобным же образом относится к слову рассказчика (Петра Гринёва, автора записок). Ранее уже отмечалась

нарочитая сентименталистскость образов Петра Гринёва и Марии Мироновой [4, с. 40–41], что подтверждает продолжение начатого в «Повестях Белкина».

Слово пушкинской прозы активно функционирует в пространстве маскарада. Учет этого позволяет точнее описать поэтику произведений великого русского поэта.

Изгарская А. А. Спасибо, Сергей Иванович. Коллеги, пожалуйста, ваши вопросы.

Грибовский И. А. Сергей Иванович, спасибо за доклад. Скажите, действительно ли А. С. Пушкин встречался с Серафимом Саровским? Что Вы об этом знаете?

Везнер С. И. Не могу Вам ответить на вопрос полно. Я не занимался этим вопросом. Есть мнение, что «Пророк» был навеян встречей с Серафимом Саровским. Помните: «И шестикрыльй Серафим на перепутье мне явился...». Может быть мы здесь слышим отзвук встречи. А. С. Пушкин очень многогранный, невероятно огромный талант, и, как мне кажется, до конца еще неоцененный, циклопическое сцепление мыслей. В советское время это чувствовали, чувствовали огромный потенциал его произведений и то, что этот потенциал мало раскрывается. Например, в 1983 году Юlian Семенов, выступая на встрече с читателями, сказал, что у нас в школе не так преподают А. С. Пушкина. Действительно, его произведения читаются чаще всего сюжетно, а надо читать и учитывать стиль. Стилистика – окно в его мир. И то, что встреча с Серафимом Саровским воспроизводится в «Пророке», это вполне возможно.

Чернобров А. А. Я согласен с основным тезисом доклада. Маска – это один из универсальных приемов, который встречается у многих писателей. И то, что Вы сказали о Шекспире, мне понятно. Его знаменитый тезис «Весь мир – театр», несомненно, предполагает наличие масок. Можно здесь вспомнить и А. Шопенгауэра, который задавал вопрос: «Чем Шекспир лучше, чем Мольер?». У Мольера один персонаж символизирует одно человеческое качество, которое застыло и не развивается. А у Шекспира альтер эго автора не довлеет над характером персонажей, они у него все разные и «живут» самостоятельно. Я не согласен с М. М. Бахтиным, у Ф. М. Достоевского герои больше похожи на мольеровских, а не шекспировских персонажей. Но я хотел Вам возразить по поводу Гринёва. Вы отмечаете, что он был недорослем и знал только о борзых. Я думаю, что здесь нет приема маски, здесь присутствует авторская ирония. Ирония присутствует с первых страниц, например, то, как А. С. Пушкин описывает француза-учителем. Тот уехал в Россию, чтобы стать учителем, в тексте мы видим русское слово «учитель», написанное французскими буквами [2, с. 394]. Можно сказать, что это маска «учителя», а можно сказать, что это ирония и больше ничего.

Везнер С. И. Спасибо за интересные замечания, Алексей Александрович. Попытаюсь продолжить Вашу мысль по поводу француза. Тут несколько масок. Француз был в самом начале парикмахером, потом солдатом, и потом учителем. А. С. Пушкин создает этот ряд и нивелирует персонажа как учителя, показывает, что тот просто меняет маски. Он ничему не научил своего подопечного. Более того, сам Петр Гринёв оказывается для француза учителем. Он выучил его русскому языку. Иронии действительно много. Так, еще не успевший родиться Петр Гринёв был записан в Семеновский полк, а если бы он родился девицей, то было бы запи-

сано, что он умер [2, с. 393]. Такое было возможно в действительности. А. С. Пушкин использует здесь такой факт для обыгрывания темы жизни и смерти. Эта тема присутствует в калмыцкой сказке. Если вспомнить М. М. Бахтина, который писал об амбивалентности карнавала, жизнь и смерть должны встречаться. Жизнь должна побеждать смерть. Эта игра – на жизнь или смерть – идет в «Капитанской дочки». Как писал А. Блок: «В заколдованный области плача, В тайне смеха – по-зорного нет!»¹. Смех и плач идут рядом. Поэтому, мне кажется, что у А. С. Пушкина изначально задается карнавальная тема. При этом для чтения А. С. Пушкина важно понимать то, какая маска завершающая. Работая со студентами, например, читая с ними «Евгения Онегина» можно обратить их внимание, почему он охотно читал Апулея, а Цицерона не читал. Кто такой Апулей? Что он написал? Здесь у студента появляется возможность прикоснуться к древней смеховой культуре, которую А. С. Пушкин и привносит через Апулея в свое произведение. Там сплошные метаморфозы, превращения. Читая А.С. Пушкина, мы должны учитывать все нюансы, все замечания, все его оговорочки. Тогда он предстает таким, какой есть, может быть тогда он будет интересен молодежи. Это проблема читателя А. С. Пушкина. Много стереотипов восприятия. Мне понравилось то, как сказал Иван Алексеевич Пфаненштиль, о чтении, формирующем личность. Я с ним полностью согласен. А. С. Пушкин подходит для такого чтения. Общение с ним – попадание в какое-то особое пространство, в том числе в пространство маскарада, в котором надо ценить намеки, тонкости, переходы, двусмысленности, двойное дно, объемность его прозы. Есть такая фраза, как «двуухолосая проза Пушкина». Чтение Пушкина формирует и вкус, и личность, и объемность мысли. И если бы он так раскрывался бы на занятиях со студентами, как в некоторых прочтениях, может быть, к нему и относились бы по-другому.

Ушаков Д. В. Спасибо за интересный доклад, Сергей Иванович. Калмыки – западные монголы. И калмыцкая сказка говорит нам о том, что А. С. Пушкин знал какой-то их эпос? Она была специально использована А. С. Пушкиным?

Везнер С. И. Калмыцкая сказка находится в центре композиции. Он ее поставил в центр. Может быть, эта сказка принадлежит народному фольклору. У Пугачева было много калмыков в войске. Но тут есть интересный момент с маской. Не просто так Пугачев, как пишет А. С. Пушкин, начал рассказывать сказку с каким-то диким вдохновением. Я не исключаю, что по мысли А. С. Пушкина Пугачев сам, на ходу придумал эту сказку. Но с другой стороны, давайте представим себе, А. С. Пушкин поехал вместе с В. И. Далем в Оренбург. Он потратил много времени и сил, чтобы собрать материалы по пугачевскому восстанию. Он создал великий исторический труд, посредством которого прикоснулся к евразийскому пространству. Он ушел из сугубо европейского пространства культуры и увидел совсем другое пространство, став после «Капитанской дочки» евразийским, сибирским, писателем. Мне кажется, что А. С. Пушкину было важно показать впервые в литературе, в дворянской литературе, диалог офицера-дворянина с человеком из низов, простым человеком, и то, что этот диалог идет на равных.

¹ Блок А. О, весна без конца и без краю... [Электронный ресурс] // Культура.РФ – URL: <https://www.culture.ru/poems/2159/o-vesna-bez-konca-i-bez-krayu> (дата обращения: 10.11.2024).

Диалогизм «Капитанской дочки» важен во всех смыслах, и в литературном, и в историческом. Он показал, что этот диалог возможен. На мой взгляд, это было одной из главных идей «Капитанской дочки». Но это не только диалог разных слоев российского общества, но и диалог европейской и азиатской части России. Петр Гринёв, как представитель европейской, дворянской культуры, также как А. С. Пушкин, выходит в новое для себя пространство. В «Капитанской дочке», в ее самом начале, есть характерный момент. Отец заходит в комнату к сыну для того, чтобы посмотреть, как француз обучает Петрушу. Он хочет узнать, что же там сын делает? Он застает Петрушу с картой мира. Карта висела на стене и «снабляла» Петра Гринёва «шириною и добротою бумаги», из которой можно было сделать воздушного змея. Отец застает сына за тем, что тот приделывает мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды [2, с. 395]. Думаю, что это не случайно. Здесь фигурирует Африка. Пушкин, который писал: «Под небом Африки моей...» в «Евгении Онегине». Петр Гринев играет, играет с миром.

Чернобров А. А. Сергей Иванович, я все же не могу не сделать замечания. Когда Ф. М. Достоевский говорил о всемирной отзывчивости А. С. Пушкина, мне кажется, что мир не очень оценил эту всемирную отзывчивость. На западе А. С. Пушкин не был по достоинству воспринят. Некоторые полупренебрежительно называют его либреттистом. И его переводы, не помню, кто пишет об этом: или Т. Манн, или Л. Фейхтвангер, были безобразными.

Везнер С. И. Об отзывчивости А. С. Пушкина Ф. М. Достоевский сказал в своей речи в июне 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти творчества поэта. Гений А. С. Пушкина мог переноситься в другие пространства, создавать узнаваемые характеры этих пространств в нашем воображении. Мы читаем его «Маленькие трагедии», например, «Дон Жуан», и ощущаем себя в Испании. Читаем «Моцарт и Сальери» и ощущаем себя в Австрии. И Вы правы, на западе снискали славу больше Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Я рад, что творчество А. С. Пушкина так активно продвигается в Монголии, похоже, это делается у них даже лучше, чем порой у нас в России. В прошлом году А. С. Пушкин был исключен из обязательного списка ЕГЭ по литературе, были убраны также Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов. Я написал письмо на «Открытую линию» Президенту, наши коллеги, преподаватели и учителя, подписывали разные петиции. В этом году их вернули. А почему такая дикость оказалась возможной? Скорее всего, потому, что в Федеральном институте педагогических изменений (ФИПИ) сидит человек, который занимается современной литературой, ему было интересно включить писателей и поэтов XX века. Они мне ответ прислали из Рособрнадзора. Смысл их объяснения: «Пушкин изучается до 9 класса, а после 9 не изучается, поэтому и включать его произведения в обязательный список не стоит». И Вы правы, Алексей Александрович, на западе он не был воспринят, а на современном этапе эта отзывчивость А. С. Пушкина бумерангом нам возвращается. Может быть, его творчество было донесено не так, как надо, а может быть, это свидетельствует о том, что он истинно русский писатель, которого очень трудно преподнести. Так, А. П. Чеховым были схвачены какие-то мировые тенденции...

Чернобров А. А. Дело в том, что в поэзии А. С. Пушкина большую роль играет языковая форма. А когда его начинаешь переводить, то форма уходит, и большая часть красоты, волшебства исчезает. Помните, Абрам Тэрц (Андрей Синявский) сказал: «Содержание Пушкина – пустота». В каком-то смысле он был прав. Поэтому с переводами проблема. Переводы на французский – более или менее, а на английский язык – ужас.

Везнер С. И. Я думаю, что все переводимо, можно найти ключик для перевода. Видимо просто нет равного по гению переводчика.

Чернобров А. А. Проблема есть еще в том, что сам язык А. С. Пушкина стремительно от нас уходит. Вместе с так называемым освобождением от Советского Союза произошло изменение в языковой культуре людей, и язык А. С. Пушкина стал стремительно уходить. Помните: «Бразды пущистые взрывая, летит кибитка удалая». Дети обычно спрашивают, что это такое – «кибитка», почему она летает, и что такое взрывающиеся «бразды», которые еще к тому же «пушистые»? Приходится объяснять. Или еще, «в чешуе, как жар горя». Приходится объяснять, что «жар» – раскаленные огнем угли.

Везнер С. И. Да, так и есть. В обиход вошло «слово пацана»² с соответствующим ему уровнем культуры.

Магсар Ц. Коллеги, я хочу поблагодарить Сергея Ивановича за доклад. Жаль, что не каждый читатель может уловить тонкости пушкинского слова. Чтобы уловить их, читатель должен быть очень проницательным. Я впервые вижу такой интересный анализ. Где можно найти Ваши работы и познакомиться с ними?

Везнер С. И. Спасибо, уважаемый профессор Ц. Магсар, за хороший отзыв. У меня была статья «Мотив “бедного Йорика” в “Повестях Белкина”» [3], но она была опубликована в 1990-х гг. Я только планирую сейчас ряд публикаций на тему словесной маски.

Магсар Ц. Я недавно перевел на монгольский язык книгу Г. Блума «Западный канон. Книги и школа всех времен» [5]. Книга вызвала большую волну реакций в западном мире, она имеет два перевода на русский язык. Из всей мировой литературы он выбрал всего 26 авторов, из русской литературы Г. Блум включил в свою книгу только повесть «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого. А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова он только упоминает. Что Вы можете сказать по поводу этой книги?

Везнер С. И. Я не знаю, по какому принципу Г. Блум выбирал русскую литературу для своего анализа. С одной стороны, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский очень популярны на западе. Снимают фильмы, есть театральные постановки по их произведениям. Так сложилось, что творчество Ф. М. Достоевского было хорошо известно американским авторам уже в XIX веке. Многие учились у него писать. Например, Вирджиния Вулф это отмечала. Его популярность была огромна. Может быть, это повлияло на выбор писателей Г. Блумом. Произведения Л. Н. Толстого тоже широко известны на западе. С другой стороны, если книга издавалась для массового читателя, то, вполне возможно, это повлияло и вы-

² Игра смыслов, имеется в виду сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» (2023) о молодежной культуре и реалиях 1990-х годов после распада СССР.

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM
PART III. AD MEMORIAM

бирались произведения, которые наиболее понятны. Не думаю, что для представления русской литературы такой подход можно назвать корректным. Надо знать, чем руководствовался Г. Блум в выборе произведений.

Изгарская А. А. Уважаемый профессор Ц. Магсар, коллеги, я хочу отметить, что Сергей Иванович уже выступал на нашем вебинаре и его доклад «Лингвофилософский аспект цикла А. П. Чехова “Из Сибири”» опубликован, с ним можно ознакомиться на страницах журнала «Культурно-антропологические исследования» [6].

Теперь я предоставляю слово заместителю директора по методической работе СОШ № 68 города Кемерово Вячеславу Александровичу Рязанову. Он выступит с докладом на тему «*К вопросу о судьбе пушкинского текста (на примере “Подруга дней моих суровых...”)*».

Рязанов В. А. Уважаемые коллеги, я бы хотел начать свой доклад с высказывания русского этнографа, литературоведа Александра Николаевича Пыпина. Свою статью «История текста сочинений Пушкина», которая была опубликована в 1887 году в журнале «Вестник Европы», он начинал такими словами: «В нашей литературе нет писателя, которого самый текст представлял бы столь сложную и запутанную историю, как текст Пушкина» [7, с. 780]. Сегодня я хочу познакомить вас с процессом одного школьного исследования, которое я провел с обучающимися 5 класса на уроках литературы. Это исследование посвящалось широко известному, давно ставшему хрестоматийным стихотворению А. С. Пушкина «Подруга дней моих суровых...», которое больше всем знакомо под кратким названием «Няне».

* * *

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный, отдаленный путь.
Тоска, предчувствия заботы
Теснят твою всечасно грудь –
То чудится тебе.

Это стихотворение включено в школьные программы по литературе для 5 классов. Поводом для начала исследования послужил школьный учебник, в котором это стихотворение размещалось в усеченном виде – без последней строки³. Вместо холостого стиха «*То чудится тебе*» стояло многоточие.

³ Коровина В. Я., Журавлев В. П., Коровин В. И. Литература. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений с прил.: в 2 ч. Ч. 1. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2013. – С. 92.

В качестве домашней работы я предложил своим ученикам разузнать, какую же строчку А. С. Пушкина удалил автор учебника, а заодно подумать, какое смысловое значение эта удаленная строка имеет в произведении. Кто-то из учеников обратил внимание на то, что кроме последней строки были и другие расхождения текста школьного учебника с текстом, взятым из собрания сочинений А. С. Пушкина. В основном эти расхождения касались постановки знаков препинания.

Из семи школьных учебников других авторов, где это стихотворение А. С. Пушкина тоже имело место, не нашлось и двух, в которых текст стихотворения выглядел бы одинаково. Мы обнаружили семь вариантов одного и того же текста. Поисками источников, которые были положены в основу этих учебных вариантов текста стихотворения, мы и занялись с двумя моими учениками.

Конечно, самым интересным и важным в наших поисках утраченного текста представлялся автограф стихотворения. Ведь в конечном итоге именно авторский текст остается главным ориентиром для всех его издателей и редакторов. Текстовый оригинал стихотворения мы нашли в одной из рабочих тетрадей Пушкина под названием «Третья масонская» [8, с. 394]. Это – единственная подлинная авторская рукопись стихотворения, известная на сегодняшний день (рис. 1).

Рис. 1. Страница 43 Рабочей тетради А. С. Пушкина (1824–1827)

Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что в рукописи у стихотворения нет никакого названия. Спрашивается: если у Пушкина никакого названия стихотворения нет, то откуда тогда взялось всем известное название «Няне»? Вопрос этот представляется крайне важным, поскольку название произведения во многом заключает в себе авторский замысел. Оно задает определенную смысловую рамку и является ключом к пониманию текста.

Мы обратились к публикациям стихотворения и выяснили, что при жизни Пушкина стихотворение не издавалось, а было впервые опубликовано только через 18 лет после его смерти – в 1855 году Павлом Анненковым [9, с. 5]. К собранию сочинений Пушкина П. В. Анненков прилагает материалы для биографии поэта, в которых печатает одно из писем Арины Родионовны Яковлевой – няни Пушкина [9, с. 4], а следом за ним – и стихотворение «Подруга дней моих супровых...» как якобы ответ Пушкина на нянину письмо.

П. В. Анненков, имея полный доступ к рукописям А. С. Пушкина, все же напечатал стихотворение с множеством поправок. Всего издателем было сделано 9 поправок: в основном это знаки препинания, которые появились либо на месте их полного отсутствия, либо как замена прежних.

Следующая публикация стихотворения была сделана в 1859 году Яковом Исаковым. Стихотворение размещено в разделе «Отрывки неизвестных годов» [10, с. 584]. Текст стихотворения имеет уже 10 отличий от авторского. Примечательно, что именно в этом издании в оглавлении у стихотворения впервые появляется – но пока в скобках – второе название – «Няне». Вероятно, здесь сказалось влияние предшествующего издания, в котором стихотворение трактовалось Анненковым как ответ Пушкина своей няне.

Аналогичным образом Я. А. Исаков поступил и в следующий раз, когда уже в 1870 году издавал Полное собрание сочинений А. С. Пушкина [11, с. 526]. Редактировал это издание Григорий Геннади. В этом издании также было 10 отличий напечатанного текста от оригинала.

Далее по времени следовали три издания, в которых редактором пушкинских текстов был Петр Ефремов. На эти издания мы обратили особое внимание. Первое из них – 1880 года. Самым примечательным в этом издании было то, что у стихотворения впервые появилось название «Няне», но пока лишь в квадратных скобках, т. е. как предполагаемое [12, с. 165]. В этом варианте текста мы нашли 9 отличий от исходного текста.

Второе издание, в котором редактором был П. А. Ефремов, вышло через 2 года, а именно в 1882 году. В тексте стихотворения исчезла последняя строчка «*To чудится тебе*», и стихотворение впервые приобретает тот самый усеченный вид, который мы наблюдаем сегодня в современных школьных учебниках по литературе [13, с. 147]. Здесь всего 10 отличий от оригинала.

Третья редакция П. А. Ефремова собраний сочинений А. С. Пушкина относится к 1887 году. Это издание в целом было аналогично предшествующему. Изменились только скобки, в которых заключалось название: квадратные скобки были заменены на круглые [14, с. 127]. И в этом издании было 10 отличий от текстового оригинала.

В 1903 году выходит издание сочинений и писем А. С. Пушкина под редакцией Петра Морозова. Интересный момент: редактор пишет на титульном листе, что его издание является «*критически проверенным и дополненным по рукописям*», однако общее количество отличий напечатанного текста стихотворения от авторского текста оказалось прежним – 10 [15, с. 63].

Издание Брокгауза-Ефрана, редактируемое С. А. Венгеровым, относится к 1908 году. В нем текст стихотворения был напечатан в очень близком к оригиналу виде: из 7 поправок, внесенных редактором, 4 были вполне оправданы [16, с. 462]. Вероятно, именно на это издание опиралось издательство Императорской академии наук в подготовке следующей публикации сочинений А. С. Пушкина 1916 года, которое примечательно тем, что оно является первым академическим изданием. В издании Императорской академии наук всего 6 отличий от текстового оригинала. Было убрано несуществующее у Пушкина название «Няне», но, к сожалению, почему-то вновь удалили последнюю строку [17, с. 267].

В 1919 году было сразу два издания сочинений Пушкина: первое вышло в Москве – полное собрание сочинений Пушкина в 3 томах под редакцией Валерия Брюсова – в стихотворении уже 11 отличий от оригинала [18, с. 286]; а второе издание вышло в Чернигове под редакцией Модеста Гофмана – в нем мы насчитали 10 отличий текста стихотворения от оригинала [19, с. 293].

В 1930-е годы выходит Полное собрание сочинений Пушкина в 6 томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. Луначарского и других. Это издание примечательно тем, что именно в нем название «Няне» выходит из скобок и надолго закрепляется на самом видном месте произведения [20, с. 169]. Текст стихотворения содержит здесь 10 отличий от оригинала.

Дальше просто перечислю издания в хронологическом порядке и укажу количество отличий, которое было допущено в тексте стихотворения по сравнению с оригиналом.

Итак, 1948 год – 11 отличий [21, с. 350], 1950 год – 12 отличий [22, с. 355], 1959 год – 12 отличий [23, с. 152], 1963 год – 12 отличий [24, с. 352], 1977 год – 12 отличий [25, с. 315], 1995 год – 11 отличий [26, с. 33].

С 1990-х гг. все последующие издания сочинений, в которых печатается стихотворение, основываются на различных изданиях прошлых лет. Так, например, вышедшее в 2016 году «Малое собрание сочинений Пушкина» [27] печаталось на основе «Полного собрания сочинений Пушкина» 1977 года. Поэтому в тексте издания было также 12 отличий от оригинала.

На этом мы завершили свой обзор и первичный текстологический анализ публикаций стихотворения. Мы начали его с ребятами с первой публикации 1855 года и закончили публикацией 2016 года.

Для описания выявленных изменений авторского рукописного текста мы воспользовались существующими в издательском деле стандартами, согласно которым в рассмотренных нами публикациях пушкинского стихотворения можно обнаружить три вида изменений текста: *поправки, вставки и выкидки*.

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM PART III. AD MEMORIAM

Поправка – это исправление отдельных знаков, букв, слов текста, при этом число строк на странице не меняется. В нашем случае поправками в тексте пушкинского стихотворения можно, например, считать добавление восклицательного знака во второй строке или двоеточия – в десятой строке, и др.

Вставка – это такое исправление текста, при котором увеличивается число строк на странице. В рассмотренных печатных публикациях встречается несколько раз только одна вставка, это – название стихотворения.

Выкидка – это изъятие текста, при котором уменьшается количество строк на странице. В нашем случае выкидкой можно считать удаление последней строки текста.

Мы составили сравнительную таблицу, в которой отразили количество изменений текста стихотворения по видам. Кроме того, в числе изменений были такие, которые можно было отнести к допустимым, и такие, которые можно было назвать недопустимыми. Допустимыми, на наш взгляд, можно считать только такие изменения авторского текста, которые оправданы с точки зрения норм правописания, действующих на момент издания. Все остальные изменения можно считать неоправданными и недопустимыми.

Суммируя все данные, мы получили следующую графическую картину (рис. 2).

**Количество редакторских изменений в тексте стихотворения
А. С. Пушкина «Подруга дней моих сорвых...»**

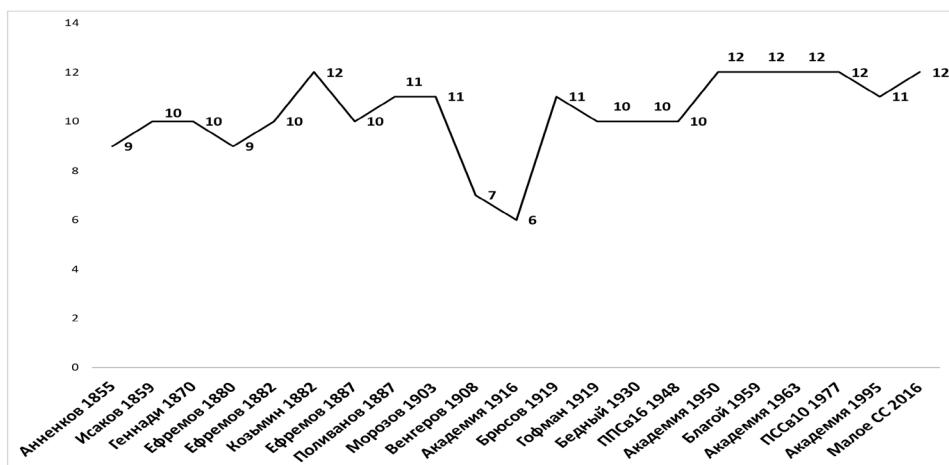

Рис. 2. Количество редакторских изменений в тексте стихотворения А. С. Пушкина «Подруга дней моих сорвых...»

На графике видна динамика изменений, вносимых в текст оригинала в разное историческое время разными редакторами и издателями.

На этом графике особенно выделяются две исторические точки: 1916 и 1950 годы. В издании 1916 года внесено наименьшее количество изменений в текстовый оригинал: всего – 6, два из которых – оправданные и четыре – неоправданные. А в издании 1950 года, наоборот, внесено наибольшее за всю

предыдущую историю количество изменений: всего – 12, четыре из которых – оправданные и восемь – неоправданные. Примечательно, что оба издания – академические. Только первое издание (1916) – это издание Императорской академии наук, а второе – издание Академии наук СССР.

В завершение текстологической части своего выступления я хотел бы привести высказывание Осипа Мандельштама. Вот что писал Мандельштам в своей статье 1924 года «Выпад»: «... легче провести в России электрификацию, чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так, как он написан, а не так, как того требуют их душевые потребности и позволяют их умственные способности» [28, с. 411].

Теперь несколько слов о том, каково же смысловое значение последней строки «*То чудится тебе*», которая авторам школьных учебников показалась лишней.

Если оставаться в привычной парадигме понимания стихотворения как некоего обращения воспитанника к своей очень престарелой няне, то эта строчка может быть понята как окончание примерно такой фразы: «Если ты думаешь, что умрешь, не дождавшись меня, то это тебе только кажется (чудится)».

Героиня предчувствует свой скорый уход из жизни и связанные с этим уходом заботы. Зная о своей приближающейся смерти, она горюет о том, что может не дождаться своего давнего друга, что ей просто не хватит на это жизненного времени, отведенного судьбой.

Героиня понимает, что ее дни сочтены. Остаток ее жизни исчисляется даже не днями, а часами и минутами. Спицы в наморщенных руках дряхлой старушки кажутся стрелками часов, ход которых она пытается замедлить и тем самым задержать свою смерть. Она словно хочет удержаться в этом мире, хотя бы до тех пор, пока в последний раз не увидит своего давнего друга. Но это у нее, увы, не получается: время неумолимо и остановить его невозможно. Как не противясь ходу времени, а жизнь человеческая все же доходит до той черты, когда даже возможность встречи с близким сердцу человеком становится нереальной.

И, кажется, что мир сжимается до предела, что никакой надежды на другой исход не остается. Однако Пушкин, наверное, не был бы Пушкиным, если бы не дарил своему герою и читателю хоть самую малость надежды. Нарастающее напряжение, связанное с безысходностью и неизбежностью смерти, автор снимает всего лишь одной фразой: *То чудится тебе*.

Этими словами лирический герой словно успокаивает свою давнюю подругу, обнадеживает и ее, и, в какой-то мере, самого себя. Ведь как это обычно бывает в жизни, когда старого человека подбадривают те, кто еще помоложе: мол, поживем еще, повоюем, – так и лирический герой, чьи чувства к своей престарелой подруге наполнены нежностью и любовью, последней фразой будто уверяет ее в том, что переживания ее напрасны, что она еще поживет на этом свете и непременно его дождется.

Таков, на наш взгляд, один из возможных вариантов интерпретации этой художественной картины, созданной гением Пушкина всего из 13 строк.

Овчинников А. А. Вячеслав Александрович, спасибо за интересный доклад! Ваши ученики часто участвуют со своими исследованиями в конкурсах и какова тематика их работ?

Рязанов В. А. Мы ежегодно участвуем в конкурсах разных уровней, начиная с муниципальных до всероссийских. По Пушкину это было единственное исследование. В прошлом году мы выступили на всероссийской конференции «Диалог», тема исследования была посвящена творчеству Р. Брэдбери.

Чернобров А. А. Вы исследовали разные издания. Во всех академических собраниях есть рубрика «Из ранних редакций», «Неоконченные тексты». По этому стихотворению, что в этих собраниях было?

Рязанов В. А. Данное стихотворение чаще всего размещается в разделах «Неоконченные произведения», «Отрывки». Но есть издания, например издание Иезуитова, издание Елисеева, в которых отмечено, что это стихотворение должно быть отнесено к «беловикам» А. С. Пушкина. Если внимательно посмотреть на оригинал, написанный рукой А. С. Пушкина, то видно, что оно написано чернилами. Это говорит о том, что А. С. Пушкин переписал его набело, хоть и с некоторыми исправлениями.

Чернобров А. А. У этого стихотворения нет никаких черновиков?

Рязанов В. А. Нет, это единственный вариант.

Чернобров А. А. Еще хочу отметить, что проведенная реформа орфографии привела к тому, что все стихи А. С. Пушкина мы печатаем неправильно. Помните:

«По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит»⁴.

В оригинале «скучной» и «однозвучной», «-ой» дважды. А в современной орфографии «однозвучный», «-ый». И еще: А. С. Пушкин говорил «скучной» через «ч», потому что «однозвучный». Это петербургское произношение.

Рязанов В. А. В этом стихотворении мы находим «глядишь в забытые вороты».

Чернобров А. А. Мне очень понравился Ваш доклад, понравилось то, как Вы работаете с детьми. Это очень правильный, развивающий подход – вовлечение обучающихся в исследовательскую работу.

Рязанов В. А. Хочу отметить, что красивая интерпретация спиц как стрелок часов, которые старушка хочет замедлить и таким образом удержаться в этом мире, была получена в процессе обсуждения текста с детьми. Она принадлежит одному из моих учеников.

Безнер С. И. Вячеслав Александрович, в строке «То чудится тебе» «то» – указательное местоимение?

Рязанов В. А. Да.

⁴ Пушкин А. С. Зимняя дорога (1826) [Электронный ресурс] // Русская поэзия. – URL: <https://guroem.ru/pushkin/skvoz-volnistye-tumany.aspx> (дата обращения: 12.01.2024).

Везнер С. И. У А. С. Пушкина есть похожее место в «Пиковой даме». Когда Герман приходит к старой графине, А. С. Пушкин скрупулезно описывает ее физиологическое состояние, у нее пожелтели губы и т. д. По одной из версий графиня умирает не потому, что Герман ее напугал, а просто пришел час ее смерти. Это момент игры А. С. Пушкина с читателями. Случай, но он описан так, что появляется разное прочтение. И в стихотворении она глядит «на черный... путь». «Черный путь» – путь смерти.

Рязанов В. А. Да. И вороты открыты, если бы они были закрыты, то она этого пути не видела бы.

Изгарская А. А. Вячеслав Александрович, когда Вы так работаете с детьми, какова их реакция на такое глубокое прочтение текста? Наблюдаете ли Вы у них реакцию удивления, радости?

Рязанов В. А. Когда только начинаю с ними работать в 5 классе, то удивление присутствует, но потом они привыкают так работать, начинают внимательно относиться к тексту, цепляясь буквально к каждому слову, знаку препинания, видеть изменение смысла. Например, «Тоска, предчувствия заботы». В учебниках эти три слова отделены друг от друга запятыми. А в оригинале текста А. С. Пушкина только одна запятая. Почувствуйте огромную разницу: «предчувствия заботы» и «предчувствия, заботы». Иной смысл появляется. И печально, когда такие «шалости» допускают авторы учебников, исключая целую строку. Но разбирая смысл этой кем-то исключенной строки, можно учить детей творчески открывать для себя мир, и мы все в этом процессе испытываем невероятное чувство радости и удовлетворения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Блок А. А.** Собрание сочинений в восьми томах. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 6. Проза, 1918–1921. – 804 с.
2. **Пушкин А. С.** Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1951. Т. 6. Художественная проза, 1950. – С. 391–556.
3. **Везнер С. И.** Мотив «бедного Йорика» в «Повестях Белкина» // Молодая филология. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – С. 50–57.
4. **Богданова О. В.** «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 90 с.
5. **Bloom H.** The Western Canon: The Books and School of the Ages. – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2014. – 562 р.
6. **Везнер С. И., Хишигдулам Н., Филиппов С. И., Бегалинова К. К., Овчинников А. А., Попков Ю. В., Прошин В. А., Ульяницкая Л. А., Ушаков Д. В., Царёв Р. Ю., Изгарская А. А.** Язык и коммуникация: смыслы и ритуалы // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 59–91. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67925745_62521188.pdf (дата обращения: 12.01.2025).
7. **Пыпин А. Н.** История текста сочинений Пушкина // Вестник Европы. – 1887. – Т. 1, февраль. – С. 780–802. – URL: <https://www.prlib.ru/item/323441> (дата обращения: 12.02.2025).
8. **Пушкин А. С.** Рабочие тетради. Том 4. 1–3 масонские тетради: ПД834–ПД836. – СПб.: Пушкинский дом, 1996. – 430 с. – URL: <https://imwerden.de/publ-4008> (дата обращения: 12.01.2025).
9. **Пушкин А. С.** Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова: в 7 т. – СПб.: В Военной типографии, 1855–1857. – Т. 1. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. – 487 с. – URL: <http://www.prlib.ru/item/1562194> (дата обращения: 12.01.2025).

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM
PART III. AD MEMORIAM

10. **Пушкин А. С.** Сочинения А. С. Пушкина: в 7 т. Т. 1. Лирические стихотворения. – СПб.: Изд-во Я. А. Исакова, 1859. – 635 с.
11. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: в 6 т. Т. 1. Лирические стихотворения. – Изд. 2-е, под ред. Г. Н. Геннади. – СПб.: Изд. И. Я. Исакова, 1870. – 634 с.
12. **Пушкин А. С.** Сочинения А. С. Пушкина: в 6 т. Т. 2. Стихотворения 1825–1830 годов. Борис Годунов. Нулин. Полтава. Галуб. Домик в Коломне. Драматические произведения / под ред. П. А. Ефремова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб.: Изд. И. Я. Исакова, 1880. – 448 с.
13. **Пушкин А. С.** Сочинения А. С. Пушкина: в 7 т. Т. 2. Стихотворения 1825–1830 годов. Борис Годунов. Нулин. Полтава. Галуб. Домик в Коломне. Драматические произведения / под ред. П. А. Ефремова. – Изд. 8-е, испр. и доп. – СПб., 1882. – 432 с.
14. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Стихотворения 1825–1830. Борис Годунов. Полтава. Маленькие трагедии / под ред. П. А. Ефремова. – СПб.: Изд. В. В. Комарова, 1887. – 330 с.
15. **Пушкин А. С.** Сочинения и письма: в 8 т. Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биограф. очерком, вступительными статьями, объяснительными примечаниями и художественными приложениями. Т. 2. Мелкие стихотворения (1825–1836) / под ред. П. О. Морозова. – Изд. Т-ва «Просвещение», 654 с.
16. Библиотека великих писателей. Т. 2. Пушкин / под ред. С. А. Венгерова. – Издание Брокгауз-Ефрон, 1908. – 640 с.
17. Сочинения Пушкина: В 4 т. Т. 4. Лирические стихотворения (1825–1827). Жених (1825). Борис Годунов (1825). Граф Нулин (1825). Сцена из Фауста (1825) / под ред. П. О. Морозова. – Петроград: Изд. Императорской академии наук, 1916. – 743 с.
18. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений. Со сводом вариантов: в 3 т. и 6 ч. / ред., вступит. статьи и комментарии В. Я. Брюсова. – М.: Государственное издательство, 1919. – 508 с. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10326> (дата обращения: 12.01.2025).
19. **Пушкин А. С.** Стихотворения Александра Пушкина / под ред., со вступ. ст. и примеч. М. Л. Гофмана. – Чернигов: Совет кооп. съездов Черниг. губ., 1919. – 328 с.
20. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Стихотворения 1826–1836. Сказки / под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского и др. – М.; Ленинград: Государственное издательство, 1930. – 351 с.
21. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения 1826–1836. Сказки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 530 с.
22. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. Стихотворения 1820–1826. Текст проверен и примечания составлены проф. Б. В. Томашевским. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 463 с.
23. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823–1836 / под общ. ред. Д. Благого, С. Бонди и др. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. – 799 с.
24. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1820–1826. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 558 с.
25. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1820–1826. – Изд. 4-е. – Л.: Наука, 1977. – 399 с.
26. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения 1826–1836. Сказки. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1995. – 533 с.
27. **Пушкин А.** Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, 2016. – 768 с.
28. **Мандельштам О. Э.** Выпад // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. Стихи и проза. 1921–1929. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 409–412.

REFERENCES

1. Blok A. A. Collected Works in Eight Volumes. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Artistic Literature, 1962, vol. 6. Prose. 1918–1921, 804 p. (In Russian)

2. Pushkin A. S. The Captain's Daughter. *Pushkin A. S. Complete Works: In 10 volumes.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950–1951, vol. 6. Fiction. 1950, pp. 391–556. (In Russian)
3. Vezner S. I. The Motif of "Poor Yorick" in Belkin's Tales. *Young Philology.* Novosibirsk: NSPU Publishing House, 1998, pp. 50–57. (In Russian)
4. Bogdanova O. V. A. S. Pushkin's "The Captain's Daughter". St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Press, 2019, 90 p. (In Russian)
5. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2014, 562 p.
6. Vezner S. I., Khishigdulam N., Filippov S. I., Begalinova K. K., Ovchinnikov A. A., Popkov Yu. V., Proshin V. A., Ulyanitskaya L. A., Ushakov D. V., Tsarev R. Yu., Izgarskaya A. A. Language and Communication: Meanings and Rituals. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 59–91. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_67925745_62521188.pdf (accessed: 12.01.2025). (In Russian)
7. Pypin A. N. History of the Text of Pushkin's Works. *Vestnik Evropy*, 1887, vol. 1, February, pp. 780–802. URL: <https://www.prlib.ru/item/323441> (accessed: 12.02.2025). (In Russian)
8. Pushkin A. S. Working Notebooks. Vol. 4. 1–3 Masonic Notebooks: PD834–PD836. St. Petersburg: Pushkin House, 1996, 430 p. URL: <https://imwerden.de/publ-4008> (accessed: 12.01.2025). (In Russian)
9. Pushkin A. S. Works of Pushkin. Ed. by P.V. Annenkov. In 7 vol. St. Petersburg: Military Printing House, 1855–1857, vol. 1. Materials for the Biography of Alexander Sergeevich Pushkin. 487 p. URL: <http://www.prlib.ru/item/1562194> (accessed: 12.01.2025). (In Russian)
10. Pushkin A. S. Works of A. S. Pushkin. In 7 vols. Published by Ya. A. Isakov. St. Petersburg, 1859–1860, vol. 1. Lyric poems. 1859, 635 p. (In Russian)
11. Pushkin A. S. Complete Works of A. S. Pushkin. In 6 vols. 2nd edition, edited by G. N. Gennadi. St. Petersburg: Published by I. Ya. Isakov, 1869–1871, vol. 1. Lyric Poems. 1870, 634 p. (In Russian)
12. Pushkin A. S. Works of A. S. Pushkin. In 6 vols. 3rd ed., rev. and expanded. Edited by P.A. Efremov. St. Petersburg: Published by I. Ya. Isakov, 1880. Vol. 2. Poems from 1825–1830. Boris Godunov. Nulin. Poltava. Galub. The House in Kolomna. Dramatic works, 448 p. (In Russian)
13. Pushkin A. S. Works of A. S. Pushkin. In 7 vols. vol. 2. Poems from 1825–1830. Boris Godunov. Nulin. Poltava. Galub. The House in Kolomna. Dramatic works. 8th edition, revised and expanded. Ed. by P. A. Efremov. St. Petersburg, 1882, 432 p. (In Russian)
14. Pushkin A. S. Complete Works. In 7 vols. Vol. 2. Poems from 1825–1830. Boris Godunov. Poltava. Little Tragedies. Ed. by P. A. Efremov. St. Petersburg: Published by V. V. Komarov, 1887, 330 p. (In Russian)
15. Pushkin A. S. Works and Letters. In 8 vols. Critically reviewed and supplemented edition based on manuscripts, with a biographical sketch, introductory articles, explanatory notes, and artistic appendices. Ed. by P. O. Morozov. Published by Prosveshcheniye, vol. 2. Minor Poems (1825–1836), 654 p. (In Russian)
16. Library of Great Writers. Vol. 2. Pushkin. Ed. by S. A. Vengerov. Published by Brockhaus and Efron, 1908, 640 p. (In Russian)
17. Works of Pushkin. In 4 vols. Petrograd: Published by the Imperial Academy of Sciences, 1889–1916, vol. 4. Lyric Poems (1825–1827). The Bridegroom (1825). Boris Godunov (1825). Count Nulin (1825). Scene from Faust (1825) / Ed. by P. O. Morozov, 1916, 743 p. (In Russian)
18. Pushkin A. S. Complete Works. With a collection of variants: In 3 volumes and 6 parts / Ed., with introductory articles and commentary by V. Ya. Bryusov. Moscow: State Publishing House, 1919, 508 p. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10326> (accessed: 12.01.2025). (In Russian)
19. Pushkin A. S. Poems by Alexander Pushkin. Ed. with introductory article and notes by M. L. Hoffman. Chernigov: Council of Cooperative Congresses of Chernigov Province, 1919, 328 p. (In Russian)
20. Pushkin A. S. Complete Works. In 6 vols. Ed. by Demyan Bedny, A. V. Lunacharsky, et al. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1930, vol. 2. Poems 1826–1836. Fairy Tales. 351 p. (In Russian)
21. Pushkin A. S. Complete Works: In 16 vols. Vol. 3, book 1. Poems 1826–1836. Fairy Tales. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948, 530 p. (In Russian)

РАЗДЕЛ III. AD MEMORIAM
PART III. AD MEMORIAM

22. Pushkin A. S. Complete Works. In 10 vols. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950–1951, vol. 2, Poems 1820–1826. Text verified and notes compiled by Prof. B. V. Tomashevsky, 1950, 463 p. (In Russian)
23. Pushkin A. S. Collected Works. In 10 vols. Vol. 2. Poems 1823–1836. Ed. by D. Blagoy, S. Bondi, et al. Moscow: State Publishing House of Artistic Literature, 1959, 799 p. (In Russian)
24. Pushkin A. S. Complete Works. In 10 vols. Vol. 2. Poems 1820–1826. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963, 558 p. (In Russian)
25. Pushkin A. S. Complete Works. In 10 vols. 4th ed., vol. 2. Poems 1820–1826. Leningrad: Nauka Publishing House, 1977, 399 p. (In Russian)
26. Pushkin A. S. Complete Works. In 17 vols. Vol. 3. Book 1. Poems 1826–1836. Fairy Tales. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1995, 533 p. (In Russian)
27. Pushkin A. Small Collection of Works. St. Petersburg: Azbuka, 2016, 768 p. (In Russian)
28. Mandelstam, O. E. Fall. Collected Works in Four Volumes. Vol. 2. Poetry and Prose. 1921–1929. Moscow: Art-Business-Center, 1993, pp. 409–412. (In Russian)

Информация об авторах

С. И. Везнер, кандидат филологических наук, Сибирский университет потребительской кооперации, veznersergey@mail.ru, Новосибирск, Россия

В. А. Рязанов, заместитель директора по методической работе, учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 68, Кемерово, Россия

Ц. Магсар, профессор, доктор философии (PhD), профессор кафедры перевода русской литературы, Монгольский национальный университет образования, президент Монгольской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, tsmagsar@mail.ru, Улан-Батор, Монголия

Н. Хишигдулам, старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков, Монгольский национальный университет образования, Khishigdulam@msue.edu.mn, Улан-Батор, Монголия

А. А. Чернобров, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет, a.chernobrov@bk.ru, Новосибирск, Россия

Д. В. Ушаков, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальных и политических исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, ushakovdmitrii@mail.ru, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, доктор философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), кафедра права и философии НГПУ, aizgarskaya@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the authors

Sergey I. Vezner, Candidate of Philological Sciences, Siberian University of Consumer Cooperation, veznersergey@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Vyacheslav A. Ryazanov, Deputy Director for Methodological Work, Teacher of Russian Language and Literature, Secondary General Education School № 68, Kemerovo, Russia

Tseveen Magsar, Professor, Doctor of Philosophy (PhD), Professor of the Department of Translation of Russian Literature, Mongolian National University of Education, President of the Mongolian Association of Teachers of Russian Language and Literature, tsmagsar@mail.ru, Ulaanbaatar, Mongolia

Nanjidmaa Khishigdulam, Senior Lecturer, Department of English and German Languages, Mongolian State University of Education, Khishigdulam@msue.edu.mn, Ulaanbaatar, Mongolia

Alexey A. Chernobrov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, a.chernobrov@bk.ru, Novosibirsk, Russia

Dmitry V. Ushakov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ushakovdm@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, aizgarskaya@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию: 10.06.2025

The article was submitted: 10.06.2025

Одобрена после рецензирования: 14.08.2025

Approved after reviewing: 14.08.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

Accepted for publication: 19.09.2025

ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Главный редактор – Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

Год основания журнала – 2009. Учредитель – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Журнал публикует научные статьи, практические и методические разработки по философии культуры, культурологии, культурной

антропологии, истории культуры, культурсоциологии, культуре повседневности, лингвокультурологии. Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты культурологии и других наук о человеке.
2. Актуальные исследования культурологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области истории культуры и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).
5. Дискуссионные вопросы гуманитарных наук.

Журнал индексируется в системе РИНЦ. Материалы для публикаций принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ СТАТЕЙ

1. Содержание рукописи статьи должно быть проверено автором на предмет грамматических, стилистических ошибок и отвечать научному стилю изложения материала.

2. Метаданные статьи на русском и английском языках должны содержать сведения об авторе (для каждого автора/соавтора: Ф. И. О. полностью, должность, ученое звание, место работы, адрес электронной почты, город); название статьи; аннотация (от 1200 до 1500 знаков), в которой должны быть четко сформулированы цель статьи и основная идея работы; ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний).

3. Автор в статье должен обозначить проблемную ситуацию, методологию исследования; раскрыть основное содержание, соответствующее тематике журнала; сделать выводы.

4. В конце статьи приводится список литературы, на который опирался автор (авторы) при подготовке статьи к публикации (для оригинальной статьи – не менее 5 источников). Указание на источники списка литературы оформляется сплошной нумерацией по всей статье, размещается в квадратных скобках после цитаты на соответствующий источник. Список литературы должен минимум на 70 % состоять из работ, опубликованных за последние 10 лет. Список оформляется строго по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

5. Статьи отправлять по адресу: imktikhomirova@mail.ru.

6. Статьи регистрируются редакцией. Датой поступления статьи в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Статьи, не соответствующие тематике журнала, оформленные не по правилам, без аннотации, с некорректно оформленным списком литературы, отклоняются.

CULTURE AND ANTHROPOLOGY RESEARCH JOURNAL

Chief Editor – E. E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia.

Year of foundation 2009. Founder federal state budget-funded educational institution of higher education "Novosibirsk State Pedagogical University". The journal publishes scientific articles, practical and methodical developments in philosophy of culture, cultural studies, cultural anthropology, history of culture, cultural

sociology, culture of everyday life, linguistic and cultural studies and invites Russian and foreign authors to co-operate.

The rubrics of the journal are:

1. Theoretical and methodological aspects of cultural studies and other human sciences.
2. Topical studies of cultural studies and related sciences.
3. Practical developments in the field of history of culture of related sciences.
4. Scientific debut (articles of students, undergraduates, graduate students, postgraduates)
5. Discussion questions of humanities.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index system. Materials for publications are accepted during the year. The terms of placing articles in the journal issues depend on the compliance of the submitted materials with the specified requirements.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE MANUSCRIPTS

1. The content of the article manuscript should be checked by the author for grammatical and stylistic errors and meet the scientific style of presentation.
 2. The metadata of the article in Russian and English should contain information about the author (for each author/co-author: full name, position, academic title, place of work, e-mail address, city); the title of the article; abstract (from 1200 to 1500 characters), which should clearly state the purpose of the article and the main idea of the work; keywords (5–10 words or phrases).
 3. The author in the article should: identify the problem situation, research methodology; disclose the main content corresponding to the theme of the journal; draw conclusions.
 4. At the end of the article is a list of literature on which the author (authors) relied in preparing the article for publication (for an original article – at least 5 sources). The indication of the sources of the reference list is made out by continuous numbering throughout the article, placed in square brackets after the citation of the corresponding source. The list of references should be at least 70 % of the works published in the last 10 years. The list of references should be drawn up strictly according to GOST R 7.0.5-2008.
 5. Send articles to: imktikhomirova@mail.ru.
 6. Articles are registered by the editorial office. The date of submission of the article to the journal is the day of receipt of the final text by the editorial office.
- Articles that do not correspond to the theme of the journal, not designed according to the rules, without annotation, with incorrectly designed list of references, are rejected.